

ЗНАКОМЬТЕСЬ— ЯПОНИЯ

48 · 2008

Выходит 4 раза в год. Москва

Издается Центром по изучению современной Японии,
созданным на основе соглашения между Российской академией наук
и Японским фондом

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА

Е.Б. Ковригин, Д.В. Сулов	НОВОЕ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ: ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ	2
------------------------------	---	---

ПОЛИТИКА

Э.В. Молодякова	ПАРТИЯ ВЛАСТИ: ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ	17
О.А. Базин	ЯПОНИЯ И ГЕРМАНИЯ В 1990-е ГОДЫ: ПАРАДИГМА СОТРУДНИЧЕСТВА	32

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

К.Г. Виноградов	ХОККАЙДО В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XX в. (окончание)	44
А.Е. Куланов	ИМИДЖ РОССИИ В ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	57

КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ

	Лекции по истории и культуре Японии От редакции	66
К. Харада	КУЛЬТУРА И ВОИНСКОЕ ОБЛАЧЕНИЕ САМУРАЕВ (вступительная лекция)	67
А.Н. Мешеряков	ЯПОНИЯ ПРИ СЁГУНАТЕ ТОКУГАВА (лекция 1)	72
В. Коно	«Я БУДУ ПИСАТЬ ШЕДЕВР — ЯПОНСКИЙ „ВИШНЕВЫЙ САД“» (переключка Осаму Дадзая с А.П.Чеховым)	84
И.П. Кожевникова	ТОСИО СИМАО: СУДЬБА НА ФОНЕ ИСТОРИИ (1917–1987)	90

ПРОЗА, МЕМУАРЫ, ПОЭЗИЯ

Мурасаки Сикибу	ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ Перевод с японского и примечания Т.Л. Соколовой-Делюсиной (продолжение)	98
Миёко Мацутани	ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРО В СТРАНЕ ГОР Перевод с японского Г.Ф. Ронской (продолжение)	117
Осаму Дадзай	СТО ВИДОВ ФУДЗИ Перевод с японского Е.Е. Малининой	126

МОЗАИКА

137

2008-й — год **Мыши** —
первый год традиционного
восточного 12-летнего
цикла (фото
О.В. Андреевой)

На первой странице
обложки:

Керамика (г. Киото)

На второй странице
обложки:

Рисунок тушью (г. Токио)

На четвертой странице
обложки:

«Черный камень Нати»
(преф. Вакаяма)

Главный редактор Э.В. Молодякова. Редактор М.А. Унке. Оформление Л.Л. Михалевско-
го, Т.И. Сурковой. Технический редактор О.В. Волкова. Сдано в набор 06.10.2008. Под-
писано в печать 01.11.2008. Формат 70х100х16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл.печ.л. 11,7. Уч.-изд.л. 14,2. Тираж 3000 экз.

© Центр по изучению современной Японии, 2008. Адрес редакции: 117859, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 23; тел.: (495) 120-9167; факс: (495) 128-0779. E-mail: caps@imemo.ru.

НОВОЕ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ: ДВУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

Е.Б. Ковригин, Д.В. Сулов

ВВЕДЕНИЕ

В конце октября 2002 г. произошло, казалось бы, рядовое для дипломатической практики событие — обмен нотами между послом Японии в Сингапуре и министром иностранных дел этого города-государства. Между тем оно ознаменовало начало радикального поворота во внешнеторговой политике Японии: впервые в ее истории был подписан *двусторонний* договор о всеобъемлющем экономическом партнерстве. До этих пор (за исключением ее отношений с США) Япония традиционно сосредоточивалась на механизмах *многосторонних* переговоров и урегулирования споров. Правила вначале Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а впоследствии Всемирной торговой организации (ВТО) обеспечивали Токио в целом равноправное взаимодействие с его партнерами по торговле. Принимая во внимание глобальный характер торговых интересов Японии, особые двусторонние торговые отношения с США и историческую общность с такими азиатскими странами, как Южная Корея и Китай, эти правила были достаточны для Японии, чтобы продвигать свои интересы¹.

Начало XXI в. ознаменовалось для Японии заметным смещением курса торговой политики. Не отказываясь от переговорного процесса в рамках ВТО и (хотя и в меньшей степени) Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), страна приступила к более активному поиску партнеров по заключению соглашений о свободной торговле (ССТ) и соглашений об экономическом партнерстве (СЭП) в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в целом. Эра премьер-министра Коидзуми (2001–2006) запомнится как время начала либеральной торговой политики Японии, своеобразного двустороннего фритредерства

По разъяснениям японского Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП), существуют определенные различия между соглашениями о свободной торговле и об экономическом партнерстве. Теоретически ССТ — это соглашения между двумя странами или региональными группировками, призванные устранить тарифные и нетарифные торговые ограничения. В рамках же СЭП предполагается более глубокое взаимодействие между партнерами, связанное со свободным перемещением не только товаров, но и других экономических ресурсов. По сути же дела, соглашения, рассматриваемые в этой статье, мало чем отличаются от ССТ, однако в своей текущей политике МЭТП предпочитает именовать их «соглашениями об экономическом партнерстве». С одной стороны, сторонники «свободной торговли» защищаются таким образом от критики политической оппозиции в Японии, а с другой — в международном плане упор на экономическое *партнерство* позволяет им идти или казаться идущими «в ногу со временем».

С наступлением нового тысячелетия процессы заключения ССТ в мире приобрели взрывной характер. К середине 2007 г. уже насчитывалось 205 **действующих** ССТ (из 380 ратифицированных в рамках ГАТТ/ВТО). Между США и четырьмя странами АТР (Сингапуром, Чили, Перу и Австралией) подписаны и функционируют соглашения о свободной торговле, не говоря уже о Североамериканском соглашении о свободной торговле (НАФТА). При этом США проводят курс на заключение все новых ССТ. Китай и шесть наиболее развитых государств АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Сингапур и Бруней) готовятся к переходу на свободную торговлю к 2010 г. Даже у такой небольшой страны, как Чили, имеется уже около четырех десятков партнеров по свободной торговле. На этом фоне кажется даже несколько неожиданным, что к 2006 г. вторая мировая торговая держава мира — Япония имела действующие соглашения подобного рода всего лишь с двумя странами. В настоящее время Япония пытается «догнать» своих основных конкурентов.

Между специалистами до сих пор нет консенсуса о плюсах и минусах заключения ССТ. Их сторонники полагают, что такие соглашения продвигают многосторонние торговые отношения в долгосрочном плане. Их противники, в свою очередь, утверждают, что они автоматически ведут к дискриминации не входящих в эти соглашения стран-экспортеров и что эта «несправедливость» может подорвать многостороннюю систему торговли. Беспокойство, в частности, связано с «эффектом тарелки спагетти»² при заключении множества ССТ. Другими словами, возникает конфликт между двусторонними правилами торговли и более общими многосторонними недискриминационными правилами.

Крайне неоднозначны преференциальные соглашения и на уровне отдельных отраслей и компаний. Как отмечают Н. Пемпел и С. Урата, ССТ «благоприятно влияют на их участников, поскольку обеспечивают большие рыночные возможности для конкурентоспособных фирм; они также предлагают потребителям больший выбор товаров и услуг по более низким ценам. Но эти соглашения оказывают сугубо негативное воздействие на менее конкурентоспособные фирмы и на их сотрудников; соответственно, потенциальные жертвы выступают против соглашений о свободной торговле»³.

Сейчас внутренняя поддержка в Японии политики в отношении ССТ представляется достаточно сильной. За ней стоит правящая коалиция Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) и Комэйто. В «Основных директивах на 2007 г.» недолговечный кабинет Синдзо Абэ прямо выделял торговые соглашения такого рода как один из базовых элементов своего курса⁴. Главная оппозиционная сила в стране — Демократическая партия — также поддерживает это направление торговой политики, хотя там раздаются голоса, что основным перспективным объектом ССТ должны стать прежде всего США и Китай как супердержавы и как главные партнеры Японии.

Учитывая собственную заинтересованность в либерализации торговли, США не критикуют новую ориентацию в торговой политике Японии. Но для них весьма важно, поддерживает ли курс Японии баланс сил в АТР и не может ли он отрицательно повлиять на американскую внешнеэкономическую деятельность в регионе⁵.

Поворот Японии к двусторонним фритрейдерским отношениям был обусловлен комбинацией экономических и политических целей. Прежде всего Токио заинтересован в том, чтобы, во-первых, не остаться изолированным от процесса, в ходе которого его основные торговые партнеры активно создают собственные сети ССТ, во-вторых, чтобы стимулировать внутрияпонскую де-

ловую активность и, в-третьих, чтобы поддержать медленно, но верно слабеющее японское влияние в Азии, заменяемое влиянием Китая.

Беспокойство Японии о возможном появлении протекционистских экономических блоков в Америке и Европе проявилось еще с конца 1980-х годов. Начало было положено провалом Уругвайского раунда переговоров в рамках ГАТТ. После возникновения НАФТА США обнародовали планы создания Всеамериканской зоны свободной торговли. Вполне вероятной казалась возможность появления мощной протекционистской группировки на базе Общего рынка в Западной Европе.

Но это было, так сказать, фоном для поворота к «новому регионализму» в Японии, да и во всей Восточной Азии. Непосредственным толчком, по всей вероятности, послужил азиатский финансовый кризис, начавшийся в 1997 г., вернее, неспособность АТЭС, на который возлагали такие надежды, справиться с ним; кризис был преодолен посредством других рычагов. Вслед за этим, в 1999 г., произошел крах торговых переговоров в рамках ВТО на министерской встрече в Сиэтле, который еще сильнее поколебал японскую веру в «светлое» будущее принципов мультилатерализма. В 2001 г. решение Китая о начале переговорного процесса по ССТ с блоком АСЕАН было также знаковым событием для тех сил в Японии, которые настаивали на изменении курса торговой политики.

Ориентацию на ССТ также подпитывали тенденции быстрого развития азиатских экономик и возможности получения дополнительных выгод для Японии. Специалисты МЭТП рассматривают Восточную Азию как наиболее быстро растущий регион в мире, который становится все более жизненно важным для будущего Японии⁶. Один из авторитетнейших японских специалистов-международников Иппэй Ямадзава так формулирует ситуацию: «За последние годы отношения между Японией и Восточной Азией претерпели фундаментальные изменения. Еще 10 лет назад Япония выступала в качестве лидера „стаи летящих гусей“ в регионе. Она оказывала им помощь в экономическом развитии, как отец, который опекает своих сыновей. Однако сыновья подросли и окрепли, в то время как отец заметно сдал и состарился. У Японии по-прежнему есть деньги и технологии, но она потеряла живость, необходимую для роста, и готовность к смелым переменам. Ей необходимо воспользоваться динамизмом своих соседей»⁷.

Таким образом, в чем-то Японии уже приходится догонять этих соседей. Она теряет свою конкурентоспособность, а с ней и влияние в регионе (в пользу Китая и Индии). За первые годы XXI в. в общем экспорте стран АСЕАН доля Японии (по стоимости) упала с 15,3 до 13,4%. В этих обстоятельствах ССТ и СЭП стали рассматриваться как один из главных, если не самый главный способ преодоления неприятной ситуации в экономических связях Японии со странами Восточной Азии и стимулирования дальнейшего разделения труда в регионе. Опыт Европейского союза демонстрирует, что при развитии институционализированной интеграции продвигается внутрирегиональное разделение труда, создаются более эффективные структуры регионального производства. В результате специалисты МЭТП пришли к выводу, что партнеры по новым ССТ и регион в целом в состоянии помочь Японии обеспечить более устойчивые темпы экономического роста за счет расширения ее экспорта и импорта.

«Реформистски» настроенные специалисты МЭТП также надеются на то, что активная политика в отношении ССТ будет способствовать назревшим реформам в различных секторах экономики Японии, и прежде всего либерализации наиболее защищенного от внешних рынков аграрного сектора, и обеспечит ей большую поддержку со стороны общественного мнения страны.

Наконец, руководящие структуры в Японии видят в ССТ ряд политических и дипломатических преимуществ — от усиления позиций Японии на переговорах в ВТО до усиления позиций в конкуренции с Китаем за влияние в Азии. Исходя из той предпосылки, что ССТ символизируют «особые» двусторонние отношения, основанные на политическом доверии, Япония надеется поддержать ими свое дипломатическое влияние по целому спектру политических проблем и вопросов безопасности в регионе.

1. СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ В АТР

Азиатско-Тихоокеанский регион справедливо считается самой большой на планете экономической трансконтинентальной единицей, охватывающей приблизительно половину мировой торговли и производства. Но вплоть до конца 1990-х годов по сравнению с другими регионами мира его странами было заключено незначительное число ССТ. В 1997 г. на страны АТР приходилось только 7 (вместе с находящимися в разработке проектами ССТ) из 72 подписанных соглашений о свободной торговле в мире. Непосредственно в Восточной Азии к концу 1990-х годов вообще не было ни одного функционирующего ССТ.

Эта ситуация коренным образом изменилась после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и провала министерской встречи ВТО 1999 г. в Сиэтле. К концу 2002 г. в АТР были подписаны в общей сложности 19 соглашений о свободной торговле и еще 26 проектов новых ССТ находились в разработке, т.е. в стадии официальных переговоров, экономического обоснования или предложений. К началу 2006 г. общее количество ССТ в АТР удвоилось до 38 вместе с еще 29 проектами в стадии развития. Наиболее значимыми подписанными соглашениями были следующие: ССТ АСЕАН–Китай; ССТ США–Сингапур; ССТ Австралия–США; СЭП Япония–Сингапур; СЭП Малайзия–Япония; ССТ Япония–Мексика; ССТ Южная Корея–Чили; ССТ Таиланд–Австралия; Соглашение о тесном экономическом партнерстве между Китаем, Гонконгом и Макао; Соглашение о транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве между Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Брунеем.

Активные переговоры США по ССТ с Южной Кореей привели к его подписанию в 2007 г. Следующим партнером по ССТ для США, по-видимому, станет Малайзия. Япония, помимо подписанных соглашений, пытается договориться по ССТ с Южной Кореей, о чем подробно будет сказано ниже. Китай в настоящее время обсуждает соглашения с Австралией и Новой Зеландией. Как видно, эти соглашения в значительной степени являются двусторонними. Вместе с тем существуют планы и конкретные предложения со стороны Японии⁸ относительно создания большой региональной зоны свободной торговли в Восточной Азии вместе с другими странами АТР (по типу Всеамериканской зоны свободной торговли, продвигаемой США). Группа стран АСЕАН продолжает осуществление Соглашения о свободной торговле АСЕАН. Можно вспомнить и о том, что уже давно, еще в 1994 г., в рамках АТЭС была принята Богорская декларация, призывавшая к созданию зоны свободной торговли и инвестиций странами региона не позднее 2020 г.

Рост числа ССТ в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеет важное значение как в региональном, так и мировом масштабе. Если к 1997 г. в регионе была заключена только десятая часть всех ССТ в мире, то к 2006 г. их число охватило уже четверть общемирового показателя (38 из 153 соглашений).

ССТ стали одним из основных инструментов проведения торговой политики для ключевых государств АТР и во многих случаях выступают регулятором между внутренней политикой стран и международной торговлей, особенно в относительно чувствительных отраслях типа сельского хозяйства. Кроме того, ССТ обладают потенциалом значительного воздействия на *инвестиционные потоки* в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона, сокращая барьеры для кооперации между нациями.

Интенсификация процессов заключения ССТ в АТР способна оказать существенное, в том числе и отрицательное, влияние на другие регионы и многостороннюю систему торговли. Например, такие организации, как ЕС или МЕРКОСУР (Соглашение о свободной торговле между странами Латинской Америки), будут озабочены, если эти процессы в странах АТР станут помехой для их собственных коммерческих интересов — через изменение вектора торговых связей и другие неблагоприятные эффекты. Однако особого внимания заслуживает воздействие азиатско-тихоокеанских ССТ на ВТО и многостороннюю торговую систему.

Соглашения о свободной торговле и механизмы ВТО

Соглашения о свободной торговле подписываются для устранения (или радикального сокращения) торговых барьеров, которые существуют между странами. Хотя они могут заметно различаться между собой по охвату товарных групп, содержанию и философии, все ССТ являются преференциальными по своей природе, потому что только заключившим их странам предоставляются торговые и другие коммерческие преимущества. Следовательно, де-факто они подвергают дискриминации других торговых партнеров. Например, в соглашении с Австралией США предоставили австралийским фермерам льготный доступ к своему рынку сельскохозяйственной продукции. Это ставит фермеров Новой Зеландии в относительно невыгодное положение по сравнению с их австралийскими соседями, потому что они по-прежнему сталкиваются с высокими торговыми ограничениями при экспорте в США. Та же самая ситуация применима к другим торговым партнерам США из числа тех, с которыми у них нет соглашения.

Кроме того, соглашения о свободной торговле усложняют и без того сложную систему международной торговли, вводя специальные правила для партнеров по ССТ, что, по существу, подрывает правила, действующие в рамках многосторонней торговой системы. Создается «эффект изоляционной трубки», сопряженный с дифференцированием правил определения происхождения товара, сроков либерализации тарифов, таможенных процедур и льгот в различных областях регулирования коммерческой деятельности (например, в инвестициях, правах на интеллектуальную собственность, лицензировании деятельности на рынках, санитарных, фитосанитарных правилах и т. п.). Он еще больше проявляется при увеличении числа ССТ в АТР и других регионах мира и является причиной растущего беспокойства ВТО о будущем многосторонней недискриминационной торговли.

В принципе ВТО имеет собственные правила заключения ССТ, но, по мнению большинства членов организации, они являются устаревшими и слабыми. В основном эти правила предусматривают следующее: стороны ССТ не должны повышать торговые барьеры для не членов этих соглашений; главные договоренности в рамках ССТ должны быть осуществлены максимум в течение 10 лет; рамками ССТ должны быть покрыты «все существенные позиции торговли», т.е. партнеры по соглашениям не должны защищать слишком мно-

го секторов экономики от либерализации; для развивающихся стран, однако, может быть предоставлен больший режим благоприятствования («разрешительная оговорка»).

Эти правила в настоящее время повторно рассматриваются «переговорной группой по правилам» в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО. Переговоры начались в 2002 г., причем внимание сосредоточилось преимущественно на пункте о «всех существенных позициях торговли» (статья XXIV, пункт 8b). Некоторые члены ВТО, в частности Австралия, предложили, чтобы для этого правила были введены количественные параметры, например 90- или 95%-ный охват торговли между заинтересованными сторонами ССТ. Но другие страны (США и члены ЕС) воспротивились такому предложению, потому что это серьезно ограничило бы их возможность исключать аграрный сектор и другие «чувствительные» отрасли экономики из проектируемых соглашений. Разрешение же продолжать защиту этих секторов даже в рамках ССТ ограничивает привнесенный «эффектом создания торговли» рост эффективности производства (что будет показано ниже) и, кроме этого, вообще устанавливает плохой прецедент для многосторонних переговоров в ВТО. Переговорной группой Дохийской программы развития по этой критической проблеме был достигнут очень малый прогресс. Не поэтому ли на встрече глав «Большой восьмерки» в Германии (июнь 2007 г.) российский президент В.В. Путин назвал ВТО устарелой и неэффективной организацией?

Принятие в целом новых правил сейчас представляется маловероятным, а следовательно, число новых ССТ в мире и в АТР будет расти. А ведь наиболее эффективной преградой на пути быстрого роста числа ССТ могло бы стать успешное завершение Дохийского раунда. Прорыв в многосторонней либерализации торговли уменьшил бы конечные выгоды, получаемые странами от заключения новых ССТ и, как следствие, уменьшил бы их привлекательность. Например, если бы Дохийский раунд смог снизить с 4 до 2% средний тариф на обмен промышленной продукцией в мировом масштабе, эффект либерализации торговли товарами «с добавленной стоимостью», предлагаемой в рамках ССТ, уменьшился бы вдвое, и их полезность была бы поставлена под вопрос.

Противоположную перспективу создаст слабый прогресс в рамках Дохийского раунда, или, что еще хуже, если вообще не будет достигнуто никакого соглашения: страны-участницы будут последовательно склоняться к созданию новых ССТ. Все это делает успех раунда, основанный на принципе многосторонней справедливости, столь важным. К сожалению, в августе 2006 г. продолжавшиеся пять лет переговоры застыли на мертвой точке, а возобновленные в 2007 г. вновь окончились ничем.

Можно напомнить о том, что в последний раз «двусторонний либерализм» служил определяющим признаком мирохозяйственных связей в 1930-е годы. Созданные в этом процессе структуры преференциальной торговли привели международные экономические отношения к враждебному противостоянию. Рискнем предположить, что они внесли свой вклад в возникновение продолжительного глобального конфликта, который за этим последовал.

По мере пребывания на посту генерального директора ВТО таец Супачэй Паничпакди стал все более и более критически относиться к росту числа ССТ в мире и в особенности — в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В конце срока его полномочий в 2005 г. был подготовлен доклад, в котором ВТО выражала беспокойство интенсификацией этого процесса. В нем утверждалось, что множась ССТ вызывают путаницу в мировой системе торговли своими сложными и непоследовательными правилами о стране происхождения товара, дорогостоящими механизмами регулирования, а также создают воз-

возможности для коррупции⁹. В отчетах, опубликованных Международным валютным фондом (МВФ) и Мировым банком примерно в то же время, также делаются подобные заключения о потенциальных опасностях, которые ССТ представляют для многосторонней системы торговли¹⁰. На этом фоне изложим позицию сторонников новых ССТ, их главные аргументы о достоинствах и полезности торговых пактов подобного рода. Особенно остановимся на примерах из стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Эффект создания торговых потоков

Согласно традиционным теориям торговой интеграции, эффект создания торговых потоков (trade creation) имеет место, когда двусторонняя либерализация торговли позволяет более эффективным производителям в зоне данного ССТ расширять свою долю на рынках обеих стран за счет менее эффективных конкурентов из стран-партнеров. Этот процесс ведет к росту производственной эффективности, снижению цен на потребительские товары и большей специализации в соответствии со сравнительными преимуществами партнеров по ССТ.

Однако возникает вопрос о том, каким образом распределяются экономические выгоды между сторонами ССТ. В целом более развитые партнеры по ССТ в состоянии извлечь намного большую выгоду, чем их менее развитые партнеры. В *двусторонних* ССТ более сильный партнер может оказывать влияние на условия его заключения в свою пользу. Напротив, при *многосторонних* соглашениях о торговле такой результат значительно менее вероятен, поскольку влияние более сильных стран ограничено самой многосторонностью.

Более того, в международном аспекте эффект создания торговых потоков может быть нейтрализован нарушением торговых связей (trade diversion, т.е. «увод» или «уход» торговли). Такое нарушение возникает тогда, когда производители из стран за пределами данного ССТ, которые предлагают более конкурентоспособную продукцию, впоследствии теряют свое конкурентное преимущество из-за ликвидации тарифных и иных ограничений на рынках стран-участниц ССТ: ведь «внешней либерализации» не происходит. Другими словами, относительно менее эффективные производители, расположенные в странах-участниках ССТ, в состоянии расширять производство и сбыт за счет более эффективных производителей из государств, остающихся за бортом ССТ. Вряд ли такая практика может быть названа справедливой.

Получение достоверных оценок чистого «роста благосостояния» (welfare effects) и, наоборот, «увода торговли» в рамках ССТ затруднительно. Тем не менее в АТР и мире в целом проблема нарушения торговых связей обсуждается весьма широко. Например, в 2005 г. производители автопокрышек из Южной Кореи были сильно озабочены тем, что их продажи на мексиканском рынке существенно упали с началом функционирования ССТ Япония–Мексика. В июне 2003 г. Филиппины призвали Южную Корею сократить разницу в тарифах при импорте филиппинских медных катодов и катодов из Чили (в то время велись переговоры по ССТ между Южной Кореей и Чили). По предварительным договоренностям, таможенный тариф Южной Кореи на импорт чилийской медной продукции в рамках ССТ должен быть сведен к нулю к 2009 г., тогда как филиппинские производители продолжали бы сталкиваться с 5%-ным тарифом на свою продукцию. Схожим образом немецкие автопроизводители выразили беспокойство в связи с ожидаемыми нарушениями торговых связей вследствие подписания японо-тайландского ССТ, ибо Япония является крупнейшим производителем автомобилей в Азии, а Таи-

ланд — их крупнейшей производственной базой в Юго-Восточной Азии. При многосторонней либерализации торговли, по крайней мере теоретически, проблема нарушения (переориентации) торговых связей не должна возникать, поскольку особо льготные тарифные преференции не предоставляются ни одному индивидуальному торговому партнеру.

Соглашения о свободной торговле по формуле «ВТО плюс»

Сторонники ССТ часто указывают на возможный положительный вклад таких договоров в решение определенных «технических» проблем, находящихся на повестке дня ВТО. Формула «ВТО плюс» означает, что условия новых двусторонних соглашений о свободной торговле помогут породить новейшие прогрессивные модели решения этих самых технических проблем грядущего многостороннего торгового договора. В первую очередь это относится к наиболее сложным областям регулирования коммерческой деятельности (например, защите прав на интеллектуальную собственность), и потому формула «ВТО плюс» представляет интерес в большей степени для развитых экономик. Так, США и Сингапур много сделали для пропаганды этого свойства их двустороннего соглашения, подписанного в 2003 г.

Однако, как было выше отмечено, ССТ влекут за собой усложнение правил торговли и «структурный» преференциализм в международной экономической системе. Кроме того, новейшие условия некоторых ССТ в рамках «ВТО плюс» малоприменимы для большинства развивающихся стран, потому что у них просто не хватает способности адаптироваться к новым, усложненным элементам регулирования коммерческой деятельности. Наименее развитым экономикам Азиатско-Тихоокеанского региона (таким, как Камбоджа, Лаос, Папуа–Новая Гвинея) трудно подготовить даже базовые (простые) взаимные ССТ. Да и находящиеся на более высокой стадии развития государства, как Филиппины, Индонезия или Вьетнам, признают, что их способности серьезно ограничены, когда они договариваются о ССТ с более развитыми партнерами. Развивающимся странам элементарно не хватает технократов, переговорщиков и аналитиков для успешного ведения переговоров в рамках ВТО, не говоря уже о двусторонних проектах по ССТ. Помимо того, их институциональные нормы (например, правовые и социокультурные) могут идти вразрез со все более строгими политическими обязательствами, вытекающими из новых ССТ.

Приведем пример Филиппин. В отчете, подготовленном филиппинским Институтом исследований развития¹¹, утверждается, что из-за слабости технократических и институциональных структур страна большей частью является пассивным участником собственных проектов ССТ. Она не только страдает от нехватки квалифицированных и подготовленных переговорщиков по ССТ, но не обладает также адекватным государственным регулированием в таких областях, как защита прав на интеллектуальную собственность и меры карантина, чего от нее требуют более развитые страны—партнеры по ССТ (США, Япония и Австралия). Как уже говорилось, на двусторонних переговорах по свободной торговле более сильная сторона имеет большие возможности навязать свои требования более слабому партнеру из числа развивающихся стран.

Подходы к ССТ могут заметно различаться между собой. Некоторые двусторонние соглашения вообще могут не накладывать на более развитого партнера никаких обязательств по решению проблем экономического развития младшего партнера. Например, представляется, что для США в их подходе к ССТ интересен только доступ к рынку, в то время как японская модель со-

глашений об экономическом партнерстве более ориентирована на сотрудничество и развитие. Ожидалось, что в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО будет сделан прогресс в деле укрепления комплексного торгового потенциала развивающихся стран. Думается, что именно на достижение этой цели, а не на дальнейшее размножение двусторонних соглашений должны быть направлены усилия членов Всемирной торговой организации.

Конкурентная либерализация

С политикой США в отношении ССТ тесно связана концепция «конкурентной либерализации». Особенно ярко она проявилась в начале 2000-х годов, когда главным американским торговым представителем на переговорах был нынешний глава Всемирного банка Роберт Зеллик¹². Принципы и философия этой концепции были восприняты рядом других стран АТР как ответ на критику тех, кто считает, что только многосторонний подход способствует либерализации торговли. Суть «конкурентной либерализации» сводится к тому, что заключение двусторонних ССТ может заставить другие страны участвовать в постепенно расширяющемся процессе либерализации торговли на разных уровнях. Страны, не приемлющие механизмы ССТ, вынуждены заключать сделки столь большие, что те могут нейтрализовать нарушения торговых связей («увод торговли»), проистекающие из уже подписанных другими странами соглашений о свободной торговле. Часто упоминаемым примером конкурентной либерализации является активность США в деле расширения объектов либерализации торговли в рамках АТЭС (Богорская декларация 1994 г.). Предполагается, что тем самым американцы стремились оказать давление на ЕС при выработке соглашения по сельскому хозяйству в ходе неудачно завершившегося Уругвайского раунда переговоров. Основным обоснованием здесь было то, что для стран — не членов АТЭС новые многосторонние соглашения о свободной торговле помогут нейтрализовать негативные эффекты, вызываемые созданием Тихоокеанской зоны свободной торговли.

Однако динамика конкурентной либерализации может работать и в обратном направлении. Так, если для растущего числа стран АТР будет обеспечен свободный доступ к большим рынкам партнеров (например, США, Китая) через двусторонние ССТ, то тогда стимулы к достижению многостороннего соглашения в рамках ВТО могут уменьшиться. Это объясняется тем, что предельные выгоды от предполагаемого соглашения в рамках ВТО, коснутся только той доли общего экспорта страны, которая не подпадает под действие двусторонних ССТ. Конечно, крупнейшие торговые партнеры как, например, США, из числа стремящихся заключить соглашение в рамках ВТО, могут предложить более мелким странам, выступающим против ВТО, подписать двусторонние соглашения о свободной торговле в качестве компенсации. Но нет никаких свидетельств того, что это когда-нибудь случится.

В дополнение к проблеме уменьшения эффекта от глобальной либерализации торговли в свете интенсификации двусторонних ССТ существуют также политико-экономические риски, связанные со стратегией конкурентной либерализации. Усиливается тенденция, направленная на создание ССТ для защиты от негативного влияния подобных соглашений между другими странами. Растет вероятность развития своеобразного «конкурентного билатерализма», когда каждая страна ищет для себя преимущества в доступе к внешним рынкам за счет других стран.

Это может привести к усилению антагонизма между отдельными государствами в ущерб сотрудничеству в деле налаживания региональных и многосторонних соглашений о торговле. Например, как отмечала мировая пресса, схватка между Японией и Китаем за подписание ССТ с другими восточноазиатскими странами, в особенности с группировкой АСЕАН в целом, осложнила и без того напряженные японо-китайские отношения. Конкуренция внутри самой АСЕАН за подписание лучших двусторонних ССТ с ключевыми торговыми партнерами за пределами региона также ухудшила внутриблочные отношения. Сингапур и (хотя и в меньшей степени) Таиланд придерживаются принципа конкурентной либерализации как осознанной позиции в их «новаторских» двусторонних ССТ с США, Японией, Австралией, Новой Зеландией и другими партнерами. Они приписывают этим соглашениям роль катализатора дальнейшей либерализации торговли внутри и вне региона. Малайзия, Индонезия и Филиппины поначалу были критически настроены к этому подходу, заявляя, что Сингапур и Таиланд эгоистично поставили собственные национальные интересы выше интересов строительства регионального сообщества. Правда, впоследствии они сами стали переходить к такой же политике в отношении ССТ, чтобы добиться тех же рыночных предпочтений, которые до этого получили Сингапур и Таиланд.

Конкурентная либерализация также тесно связана с соперничеством между наиболее влиятельными торговыми державами по вопросу о моделях ССТ и их методах (например, вопрос о правилах определения страны происхождения товара). Вот что писал по этому поводу упомянутый выше Р. Зеллик в 2002 г.: «Каждое такое соглашение, заключенное без нас (т. е. без США. — Е.К., Д.С.), может установить новые правила в таких сферах, как интеллектуальная собственность, новые высокие технологии, сельскохозяйственные стандарты, процедуры таможенного регулирования, в других бесчисленных областях современной интегрированной мировой экономики без учета американских интересов»¹³.

Самые влиятельные экономические державы АТР — США, Япония и Китай — заметно различаются в подходах к формированию «своих» ССТ. Наличие «семейств» ССТ с мощными торговыми государствами во главе может фрагментировать международную систему торговли в квазиторговые блоки. Вопрос состоит не столько в том, выгодна ли свободная торговля или нет, а скорее в том, какой тип свободной торговли будет сформирован и как будут распределяться выгоды от него. В рамках ССТ, вероятнее всего, дело кончится таким типом свободной торговли, который более выгоден самым мощным торговым партнерам. Несмотря на то что переговорная повестка ВТО тоже в первую очередь определяется американскими и европейскими интересами, у развивающихся стран все же намного больше возможностей для влияния на природу и прогресс глобальной свободной торговли в свою пользу через ВТО, чем через двусторонние ССТ с крупнейшими торговыми державами.

Международная система торговли находится в критической точке. Интенсивное формирование двусторонних ССТ и их концентрация в АТР в последнее время сильно подорвали всю структуру стимулов к заключению нового глобального соглашения в рамках ВТО. Более того, рассматриваемая тенденция работает преимущественно на интересы более мощных торговых государств. Развивающиеся страны определенно больше нуждаются во всеобъемлющем, направленном на цели их развития, многостороннем соглашении в рамках Дохийского раунда переговоров, чем в подписании множества ССТ, которые могут в конечном итоге противоречить их собственным интересам.

2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ССТ

В октябре 2002 г., вслед за подписанием самого первого для Японии соглашения о свободной торговле (с Сингапуром), Бюро экономических проблем японского МИДа приняло национальную стратегию в отношении ССТ¹⁴.

Этот документ широко интерпретировался как реакция на заключение ССТ АСЕАН–Китай, которое воспринималось как «источник раздражения для Японии, неспособной сформулировать эффективную внешнеэкономическую политику в ходе продолжительной рецессии»¹⁵. Дальнейшее развитие событий показало, что японское правительство, как правило, следует тем руководящим принципам, которые были сформулированы в недрах МИДа. Ниже мы приведем краткое содержание этого документа.

Почему следует заключать соглашения о свободной торговле

1) В условиях усиления экономической глобализации важно поддерживать и усиливать систему свободной торговли. Хотя ВТО продолжает играть важную роль в этом процессе, двусторонние соглашения о свободной торговле предлагают механизмы укрепления партнерства в не охваченных рамками ВТО областях и позволяют добиться их либерализации. Таким образом, заключение индивидуальных ССТ — очень полезный способ расширения возможностей экономического взаимодействия Японии с другими странами.

2) Как Европейский союз, так и Соединенные Штаты ведут двойственную политику, нацеленную как на переговоры в рамках ВТО, так и на создание крупномасштабных региональных торговых структур. Текущий раунд переговоров ВТО может стать последней многосторонней встречей до создания интегрированных региональных группировок. Для Японии также возникла необходимость обратиться не только к переговорному процессу ВТО, но и к формированию собственных ССТ для укрепления экономических отношений с другими странами.

Выгоды и преимущества от соглашений о свободной торговле

Экономические выгоды. ССТ/СЭП приводят к расширению импортных и экспортных рынков, к переходу на более эффективную индустриальную структуру и к улучшению конкурентной среды. Кроме того, ССТ уменьшают вероятность появления экономических трений, могущих принять политический характер, а также расширяют и гармонизируют существующие регуляторы торговых систем.

Политические и дипломатические преимущества. ССТ усиливают позиции Японии на переговорах ВТО, а результаты переговоров по ССТ могут повлиять на процесс заключения соглашений в рамках ВТО и ускорить его. Углубление экономической взаимозависимости повышает чувство политического доверия между странами–партнерами по ССТ, расширяя при этом дипломатическое влияние Японии в мире.

Особые моменты, которые нужно иметь в виду при продвижении ССТ

Соответствие ССТ соглашениям по линии ВТО. В этом пункте зафиксированы три момента. Во-первых, пошлины и другие инструменты регулирования торговли не должны быть более ограничительными, чем соответствующие регуляторы до подписания ССТ. Во-вторых, они должны устранить пошлины

и другие барьеры для торговли практически по всей ее номенклатуре. В-третьих, полный ввод в действие каждого соглашения о свободной торговле должен быть завершён в пределах десятилетнего периода, по крайней мере в принципе. При этом страны-партнёры должны достичь уровня либерализации торговли, более благоприятного по сравнению с общемировыми или региональными стандартами. Например, в рамках НАФТА тарифы отменяются в среднем на 99% стоимости всего товарооборота, в то время как этот показатель в рамках ССТ между Мексикой и ЕС равен 97%.

Воздействие на внутренние отрасли промышленности. Выгоды, которые приобретёт Япония от вхождения в ССТ и открытия своих рынков, не могут прийти безболезненно для ее экономики, но это нужно рассматривать как жертвы, необходимые для улучшения отраслевой структуры последней. неизбежно возникнут проблемы в различных областях регулирования и контроля, включая перемещение трудовых ресурсов, проведение структурных реформ в аграрном секторе. Полностью осознавая политическую чувствительность этих вопросов, необходимо придерживаться позиции, что если заключение новых ССТ не будет увязано с внутренними экономическими реформами, Япония не сможет сделать эти соглашения средством улучшения своей международной конкурентоспособности.

На какие типы ССТ Япония должна ориентироваться

Всесторонность, гибкость, селективность новых ССТ. В настоящее время одной из базовых моделей для будущих соглашений могло бы стать СЭП с Сингапуром, но Японии, проявляя гибкость, следует рассматривать другие подходы, которые можно условно назвать «Сингапур-плюс» или «Сингапур-минус». Возможно, например, заранее договориться о включении в соглашения таких вопросов, как движение инвестиций и торговля услугами, или, наоборот, обойти эти сферы в договорах о партнерстве.

Подход к реализации всестороннего экономического партнерства между Японией и АСЕАН. Чтобы гарантировать, что такое партнерство будет сопоставимо с процессами экономической интеграции в других регионах мира, оно должно предложить максимально возможную либерализацию в широком спектре областей сотрудничества.

Возможности использования ССТ для поддержки развивающихся стран. ССТ с указанными странами могут также служить политическим инструментом для помощи развитию их экономик, включая страны Африки.

Стратегические приоритеты переговоров по ССТ

Критерии для оценки

Экономические; географические; политические и дипломатические; критерии выполнимости; критерии, связанные со временем принятия решений.

Стратегические аспекты японской политики в отношении ССТ

Основные торговые партнёры Японии находятся в Восточной Азии, Северной Америке и Европе, на эти три региона мира приходится 80% объема торговли Японии. По сравнению с ССТ со странами Северной Америки и Европы, которые практически все относятся к промышленно развитым странам, ССТ со странами Восточной Азии принесет больше дополнительных выгод через дальнейшую либерализацию торговли с ними. Сравним средние значения импортных тарифов: США — 3,6%; Европейский союз — 4,1; Китай — 10; Малайзия — 14,5; Республика Корея — 16,1; Филиппины — 25,6 и Индонезия — 37,5%. Очевидно, что в странах Восточной Азии (региона, в торгов-

ле которого японская продукция занимает самую высокую долю) применяются наиболее высокие тарифы на импорт. Снятие их в Восточной Азии облегчит деятельность японских фирм, которые сталкиваются с возрастающей конкуренцией со стороны компаний из стран АСЕАН и Китая.

Продвигая собственные ССТ, Япония должна обращать внимание на обеспечение политической и экономической стабильности в Восточной Азии. Приоритетом следует считать заключение ССТ с теми странами и группировками, где, несмотря на тесные экономические отношения с Японией, существуют сравнительно высокие торговые барьеры, препятствующие расширению японской экономики. В этом плане именно в Восточной Азии находятся самые многообещающие страны-партнеры для переговоров, а среди них наиболее приоритетными являются Республика Корея и члены АСЕАН.

В то же самое время необходимо заключить ССТ между Японией и Мексикой, так как там японские компании сталкиваются с более высокими тарифами, чем партнеры Мексики по НАФТА и страны Европейского союза, которые уже имеют соглашения с Мексикой.

Экономическое партнерство с акцентом на Республику Корея, АСЕАН и Китай

Прежде всего Япония должна стремиться к заключению ССТ с Республикой Корея и членами АСЕАН и на этой основе в средне- и долгосрочной перспективе приложить усилия для партнерства с другими странами Восточной Азии, включая Китай.

Республика Корея. Учитывая политическую важность Кореи, разносторонние контакты между гражданами обеих стран, глубокие отношения экономической взаимозависимости и совместные предложения руководителей бизнес-структур Японии и Кореи в пользу всеобъемлющего ССТ или СЭП, переговоры должны начаться как можно скорее после того, как новая администрация Республики Кореи приступит к работе, и прежде всего нужно выработать единый подход к экономическим отношениям в Восточной Азии, связанным с Японией, Китаем и Южной Кореей.

АСЕАН. Хотя конечная цель Японии состоит в усилении экономического партнерства с АСЕАН в целом, для начала следует форсировать установление двусторонних экономических партнерств с отдельными странами по типу функционирующего СЭП Япония—Сингапур. К их числу прежде всего относятся главные члены АСЕАН — Таиланд, Филиппины, Малайзия и Индонезия, которые проявляют заинтересованность в заключении двусторонних пактов с Японией. В соответствии с прогрессом в достижении двусторонних соглашений появится необходимость начать процесс их расширения с перспективой заключения общего ССТ Япония—АСЕАН.

Китай. Возможность заключения такого ССТ следовало бы рассматривать с точки зрения окончательного решения о партнерстве в Восточной Азии между Японией, Китаем и Республикой Корея плюс АСЕАН. Япония продолжит пристально следить за выполнением Китаем обязательств по ВТО, тенденциями в экономике КНР, общей ситуацией в японо-китайских отношениях, ходом нового (Дохийского) раунда переговоров ВТО, а также переговорами Китая по ССТ с другими странами в Азии. После этого может быть принято решение по Китаю.

Гонконг. В свете продолжающегося процесса углубления экономической взаимозависимости между Японией и Китаем не исключена возможность заключения отдельного ССТ с Гонконгом.

Тайвань. Тайвань — отдельная таможенная территория, созданная при содействии ВТО, и поэтому перспектива заключения ССТ с ним как с членом ВТО теоретически и технически может быть рассмотрена. Однако тарифные барьеры Тайваня уже и так низки, и дальнейшее их снижение в рамках возможного ССТ не приведет к существенным выгодам ни для одной из сторон. Было бы более уместным обратить внимание на укрепление экономических отношений в отдельных, более узких областях.

Австралия и Новая Зеландия. Хотя производство и торговля сельскохозяйственной продукцией является «чувствительной» проблемой применительно к этим двум странам, у Японии с ними имеется много общих позиций и интересов. Австралия, в частности, служит одним из крупнейших поставщиков природных ресурсов для Японии. Совместные предложения деловых кругов обеих стран состоят в том, чтобы переговоры прошли в два приема. В краткосрочном плане следует двигаться к экономическому партнерству в отдельных отраслях, представляющих совместный интерес, а в долгосрочной перспективе — к заключению всеобъемлющего соглашения о свободной торговле.

Перспективы заключения ССТ с другими странами и регионами

МЕРКОСУР. Этот таможенный союз представляется движущей силой экономической интеграции в Латинской Америке, и мы должны следить за его трансформацией во Всеамериканскую зону свободной торговли и его переговорами о заключении ССТ с Европейским союзом.

Россия. Могут быть рассмотрены любые усилия по укреплению экономических отношений, в том числе и в рамках ССТ, однако с учетом прогресса в реализации индивидуальных проектов.

Южная Азия. Будут продолжены поиски оптимальных подходов к партнерству с учетом того, как Индия интегрируется в мировую экономику.

Африка. Хотя теоретически возможно использовать ССТ как форму помощи развивающимся странам Африки, необходимо исходить из того, могут ли они принести пользу японским деловым интересам.

Северная Америка и Европейский союз. Заключение ССТ с обеими группировками является исключительно трудной задачей в свете таких важных проблем, как производство и торговля продукцией сельского хозяйства, лесного хозяйства, добыча рыбы и морепродуктов. ССТ между Японией и Соединенными Штатами принесло бы важнейший эффект конверсии торговли. На данный момент было бы полезно укреплять двусторонние отношения через формулирование рамок в определенных сферах (например, взаимное признание товаров) и продвижение диалога в таких областях, как реформы административного регулирования.

Напомним, что рассмотренный в данной главе документ был принят в 2002 г. и (за отдельными исключениями) служил главным ориентиром для правительства Японии все последующие годы.

Примечания

¹ S.M. Pekkanen. The Politics of Japan's WTO Strategies. — Orbis. 2004, Winter, p. 135–147.

² Термин «spaghetti bowl» введен исследователем Багвати в 1996 г. и связан с увеличивающимся числом пересекающихся и дублирующихся правил определения происхождения товаров при растущем числе заключаемых ССТ (см.: The Economics of Preferential Trade Agreements. Wash., 1996). В литературе также используется термин «эффект изоляционной трубки».

³ T.J. Pempel, S. Urata. Japan: A New Move toward Bilateral Trade Agreements. — Bilateral Trade Agreements in the Asia-Pacific. Routledge—New York—London, 2006, p. 87.

⁴ The Yomiuri Shinbun. 20.07.2007.

⁵ *B. Vaughn*. China-Southeast Asia Relations: Trends, Issues and Implications for the United States. — CRS Report RL32688.

⁶ По прогнозам МЭТП, доля стран Восточной Азии (без Японии) в мировом ВВП к 2020 г. увеличится до 16% (с 5% в 1990 г.) при одновременном снижении этой доли для Японии, США и ЕС. Прирост экономик стран Восточной Азии в 2010–2020 гг., по прогнозу, также составит в среднем 5,5% в год по сравнению с 0,5 % — для Японии, 1,4% — для США и 1,5% — для Западной Европы.

⁷ *I. Yamazawa*. Japan and the Asia-Pacific Economies. — Asia-Pacific Economic Cooperation. APEC: Its Records and Achievements. Routledge—London—New York, 2007.

⁸ The Yomiuri Shinbun. 05.04.2006; Japanese Govt to Propose Big Asian Free-Trade Zone. — AFX News Limited. 04.04.2006.

⁹ The Future of the WTO: Addressing Institutional Challenges in the New Millennium. WTO Secretariat. Geneva, 2005.

¹⁰ *T. Feridhanusetyawan*. Preferential Trade Agreements in the Asia-Pacific Region. — IMF Working Paper Series. WP/05/149. Wash., 2005; Global Economic Prospects 2005: Trade, Regionalism and Development. Wash., 2005.

¹¹ *E. M. Medalla, D. C. Lazaro*. Exploring the Philippine FTA Policy Options. — Bulletin of Philippine Institute for Development Studies. 2004, № 19.

¹² Он занимал пост главного торгового представителя с 2001 по 2005 г.

¹³ The New York Times. 14.04.2002.

¹⁴ Japan's Ministry of Foreign Affairs. Japan's FTA Strategy. October 2002 (<http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/strategy0210.html>).

¹⁵ *H. Ohashi*. China's External Economic Policy and Relations with Japan. — Japan Review of International Affairs. Spring 2003, p. 18.

ПАРТИЯ ВЛАСТИ: ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ

Э.В. Молодякова

Япония — одна из ведущих индустриальных демократий и полноправный член западного сообщества — единственная из всех стран шла к этому своим особым путем, опираясь на традиции и ускоренную модернизацию в условиях тотальной демократизации всех сторон жизни общества. (Поэтому применение западных дефиниций при анализе тех или иных явлений жизни японского общества не всегда корректно.) Японская политическая элита всегда проявляла максимум прагматизма и реально оценивала сложившуюся ситуацию, а потому не происходило утраты традиций и национальной идентичности, чем, к слову сказать, в настоящее время сильно озабочены страны Западной Европы в связи с ускоряющимися процессами глобализации. Демократия оказалась единственным путем сохранения власти в руках правящей элиты.

Именно в Японии послевоенные реформы продемонстрировали яркий пример получения желаемых результатов, опровергая во многом справедливое мнение политолога С. Рида о том, что в каждом периоде исторического развития в той или иной степени происходят перемены, а «вот произвести определенные, специфические изменения оказывается чрезвычайно трудно. Целе-направленные изменения требуют огромных затрат и редко дают предполагаемый или желательный результат»¹. Особенностью политического развития Японии является то, что все главные достижения демократии в Западной Европе, связанные с социал-демократической моделью развития (ядро ее — концепция «государства благосостояния»), здесь явились результатом реформ, проведенных консервативно ориентированной политической элитой при непосредственном участии оккупационных властей США.

Для осуществления политики демократизации японские власти достаточно широко использовали различные социальные слои и политические силы (рабочих, крестьян, пацифистов, либералов, социалистов), стремившиеся к радикальным переменам. Но, что немаловажно, экономические и политические предпосылки для этого уже существовали в стране. Усилиями всех заинтересованных сторон в Японии была создана система представительной, или парламентской демократии. В обществе в принципе существовал консенсус относительно того, что такая демократия со всеми возможными ее недостатками является альтернативой предшествовавшему авторитарному правлению. Создание системы парламентской демократии было осуществлено прежними консервативными бюрократами и политиками так называемого второго эшелона, поскольку высший немногочисленный слой политической элиты подвергся «чистке» в годы оккупации.

В результате проведения реформ Япония достаточно быстро и успешно сближалась со странами Запада. Происходила быстрая замена старых социально-экономических и политических структур новыми, демократическими

структурами. Этот процесс сопровождался стремительным усвоением достижений западных стран, ибо обеспечивался консолидированными усилиями в экономике и политике. На этом фоне, как бы вступая в противоречие с объективным ходом развития, в стране сложилась политическая система, абсолютно непохожая на структуры, действующие и в Западной Европе, и в США. Здесь появилась уникальная политическая «система 1955 года», которая опиралась на две партии — Либерально-демократическую (ЛДП), объединившую консервативно ориентированные силы, и Социалистическую (СПЯ, позже стала называться Социал-демократической партией — СДПЯ), выступающую под знаменем умеренного левого крыла политического спектра, при безусловном доминировании первой. Подобная ситуация многие десятилетия вызывала не только недоумение у партнеров по западному сообществу, но и опасения относительно демократичности самого японского общества, которое вполне справедливо упрекали в закрытости².

Говоря о демократии в Японии, не следует забывать, что она никогда не была свойственна ее политической культуре, как и других азиатских государств, находящихся в ареале распространения конфуцианства. Как известно, понятие «демократия» не равнозначно для западных и азиатских стран. В докладе Международной комиссии «За новую Азию» отмечалось, что «наиболее зрелые формы демократии в любом обществе должны опираться на специфические характеристики данного общества. Нет единой формулы, которая может быть предложена странами Запада. Так же как нет единой модели, которая может быть предложена азиатскими обществами»³.

В частности, в Японии сложилась специфическая модель демократии, на которую огромное влияние оказали социопсихологические особенности народа (группизм, конформизм, персонально ориентированный и партийно индифферентный менталитет), этико-правовая специфика, традиции политической культуры. Японская демократия имеет все юридические основания и институты, необходимые для ее нормального функционирования (демократическое законодательство, регулярные выборы, парламент, политические партии и пр.), однако нельзя не заметить ее исторического своеобразия. Например, парламент не так влиятелен, как в Великобритании. Драма, «разыгрываемая» в парламенте, в силу особенностей японской политической культуры (когда решения принимаются путем кулуарных переговоров, согласований, увязок и утрясок мнений различных групп, в результате чего достигается консенсус) пишется вне этой общенациональной сцены, в тиши парламентских, партийных и правительственных кабинетов, что делает ее практически недоступной для публичного контроля. Таким образом, на суд общественности выносятся единственное готовое решение.

Нетрадиционный для Японии, как и для других азиатских стран, институт выборов органично вошел в ее политическую культуру, но не заменил существовавшие традиционные отношения, а дополнил их⁴. Каждая страна формирует такую избирательную систему, которая в наибольшей степени соответствует уровню развития демократии в тот или иной период, а потому эта система всегда динамична и адаптивна. В современной Японии создана избирательная система, наиболее соответствующая нынешнему этапу развития демократии, отличительной чертой которого является крайне пестрый состав политической элиты, представляющий весь спектр партий. Ради сохранения политической и социальной стабильности правительство избрало компромиссный вариант избирательной системы, в котором одномандатные округа сосуществуют с пропорциональным представительством по партийным спискам. Это обеспечивает избрание в парламент представителей и малых партий и помогает в той или иной степени сохранять плюрализм. Япония, заимство-

вала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело весьма серьезные изменения. Произошла своего рода «ориентализация» демократических институтов.

В японской парламентской демократии (как и в малайзийской и сингапурской) работает модель доминантной партии в лице ЛДП, которая практически срослась с административным аппаратом, долгое время получала достаточное число голосов для формирования однопартийного правительства и фактически бессменно находится у власти более полувека. Подобной практики доминирования одной политической партии не знает ни одна развитая демократическая страна. Естественно, такое положение привлекает к ней серьезное внимание. Очевидно, неслучайно, выступая 7 февраля 2006 г. в Центре партийной учебы и подготовки кадров партии «Единая Россия», заместитель руководителя администрации президента РФ Владислав Сурков, говоря о формировании «партии власти», которая в России может стать основным механизмом обеспечения преемственности российского политического режима, проводил параллели с доминирующей партией в Японии, т.е. с ЛДП⁵.

Несмотря на длительное единоличное правление этой партии, японское общество в целом выглядит плюралистическим, поскольку в нем свободно действуют различные политические партии и объединения, и каждая политическая сила занимает свою нишу. Однако в стране никогда не было оппозиции, равновеликой правящей партии. В парламенте она, по образному выражению политолога К. Вольферена, по большей части играла роль хора в греческой трагедии. Имея большинство мест в парламенте, ЛДП тем не менее старается избегать лобовых столкновений с оппозицией и предпочитает достигать консенсуса, что, как известно, лежит в русле японской политической культуры. Например, число законопроектов, принятых с поправками оппозиции, намного больше, чем это можно было бы ожидать в условиях правления доминантной партии. Безусловно, процесс достижения такого консенсуса требует большого искусства, но игра стоит свеч.

Можно говорить об авторитарном характере доминантной партии, о родстве ее с государственно-бюрократической системой, о том, что она является парламентским выражением государства, но как бы то ни было, ее власть воспроизводится, безусловно, демократическим механизмом — регулярными парламентскими выборами, хотя имеют место и подкуп избирателей, и проявление патернализма. В азиатских демократических странах, и конечно в Японии, все основные элементы представительной демократии в целом воспринимаются не как альтернатива исполнительной власти, а как элемент единой по своей сути государственной власти, что отчасти и предопределяет исключительно важную роль бюрократии, т.е. чиновников госаппарата, в деятельности государства.

Либерально-демократическая партия изначально создавалась как парламентская партия, которая была четко ориентирована на завоевание и удержание власти. Поэтому основной упор в ее деятельности всегда делался на решение прагматической задачи получения депутатских мандатов, а идеология как бы отступала на задний план. Такая партия была необходима, во-первых, для обеспечения благоприятных условий развития вступавшей в период высоких темпов роста экономики, во-вторых, для противодействия потенциальной угрозе потери власти ввиду объединения в единую партию всех социал-демократических сил. Крупный бизнес всемерно содействовал объединению и сплочению всех консервативно ориентированных политиков и выделил для этого значительные средства.

Созданная, по словам ее первого председателя Итиро Хатоямы, как «консервативный альянс», ЛДП с самого начала обрела фракционную структуру,

что предопределило борьбу фракций за лидерство в партии и соответственно за власть в стране, поскольку согласно политической традиции председатель правящей партии становится премьер-министром. Это проявилось уже на следующий год после создания ЛДП при избрании нового ее председателя после отставки Хатоямы с поста премьер-министра. Его преемник Тандзан Исибаси прошел лишь потому, что две фракции, выдвинувшие своих претендентов, договорились при последнем голосовании поддержать его кандидатуру. Он выдвинул принцип назначения на высшие посты в партии и правительстве претендентов независимо от их фракционной принадлежности, но эта практика не прижилась. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил стало залогом успеха в борьбе за высший пост в партии.

Примером может служить избрание председателем ЛДП Кэйдзо Обути летом 1998 г. Он был не самым влиятельным политиком в партии, к тому же у него были сильные конкуренты: один из старейших и опытейших деятелей С. Кадзияма и молодой реформатор Д. Коидзуми, за которого выступало молодое поколение либерал-демократов. Однако Обути сумел договориться о поддержке своей кандидатуры не только собственной фракцией, но и очень влиятельной фракцией К. Миядзавы, а также персонально этим старейшиной ЛДП. Кроме того, он обеспечил себе голоса генерального секретаря ЛДП К. Като и группы молодых либерал-демократов во главе с перспективным политиком Т. Ямадзаки. Итог — победа К. Обути.

Правда, на очередных выборах председателя ЛДП в 1999 г. и Като, и Ямадзаки были уже соперниками Обути в борьбе за этот пост, который вновь сумел обеспечить себе поддержку почти 70% депутатов, принадлежавших к различным фракциям. За него проголосовали 257 из 371 депутата обеих палат парламента плюс 95 представителей префектуральных партийных организаций и «друзей партии».

Как уже упоминалось, формирование правящей элиты либерал-демократов было изначально связано с существованием фракций. На первых порах они представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения с жесткой дисциплиной и субординацией, подчиненностью лидеру, со своими, что особенно важно, финансовыми средствами. Организационная структура фракций, свойственная японской традиции (в виде кланов, клик), напоминает феодальные отношения «сюзерен–вассал», которые пронизаны взаимными обязательствами и патернализмом. Такое же положение во многом сохраняется и в отношениях кандидата в депутаты с избирателями: он рассматривается как заботливый и рачительный хозяин. Однако постепенно политические различия между фракциями (в целом весьма несущественные) стирались, а личностные связи ослабевали, что приводило к «бунту» молодых. Вспомним, например, создание диссидентами из ЛДП в 1976 г. Нового либерального клуба (НЛК) или различных исследовательских групп, клубов, обществ по изучению политики внутри партии. Фракционность теперь базируется на практицизме, взаимовыгоде и взаимоподдержке ради обретения власти.

Во фракции входит большинство депутатов ЛДП обеих палат парламента. Для депутатов палаты представителей принадлежность к какой-либо фракции практически обязательна, ибо без такой поддержки молодому политику весьма затруднительно получить мандат депутата. Постоянно идет процесс перетекания депутатов из одной фракции в другую, их перегруппирование, что свидетельствует об усилении фрагментарности внутри правящей партии. По словам политолога К. Утиды, «история ЛДП — это история слияния и союзов, расколов и распада фракций»⁶. В результате к началу 1970-х годов вмес-

то существовавших до этого восьми фракций образовалось пять крупных. Такая структура просуществовала до 1990-х годов.

Фракционность ЛДП связана в первую очередь с многовариантностью финансовой поддержки, что привело к симбиозу политиков, бюрократов и бизнеса. Борьба между фракциями происходит не на идеологическом или доктринальном уровне. Это борьба за право в данный момент возглавить партию и правительство. На протяжении десятилетий фракции сменяли друг друга в руководстве партии и, казалось бы, власть демократическим путем переходила от одной группировки к другой. Но в соответствии с японской системой принятия решений внутрипартийная жизнь практически была недоступна для общественного контроля. Подвижный характер отношений между фракциями, что проявляется, как сказано выше, в их слиянии, расколах и появлении новых, дает возможность правящей элите относительно свободно маневрировать в случае необходимости, отклоняться влево и вправо от консервативного центра. Примером может служить противостояние между принадлежавшими в свое время к одной фракции «голубем» Ёхэем Коно и «ястребом» Митио Ватанабэ при избрании председателя партии в 1993 г. В сложное для ЛДП время, когда она на короткий период времени оказалась в оппозиции и на повестке дня стоял вопрос о необходимости проведения политической реформы, председателем стал Коно (208 голосов — за, 159 — против), бывший тогда генеральным секретарем и имевший имидж реформатора, поскольку уже выходил из партии и возглавлял НЛК. Кроме того, у него не было своей фракции, т.е. он как бы стоял над схваткой. Но уже на следующих выборах Коно выходит из борьбы, поскольку в стране и в партии обозначился новый расклад политических сил — начиналась эра коалиционных правительств.

Подвижную структуру ЛДП можно уподобить маятнику, что справедливо и для характеристики проводимой ею политики. На протяжении более двадцати лет (1955–1975) соотношение сил правящей партии и оппозиции отражало реальную картину общества. ЛДП представляла общегосударственные интересы и интересы всего народа, а оппозиционные партии, кроме СПЯ, которую поддерживали профсоюзы, — интересы отдельных небольших групп. Политические обозреватели сравнивали правящую партию с универмагом, который может предложить покупателям товары на любой вкус, а американский политолог Д. Окимото, имея в виду данное обстоятельство, назвал ее «большой коалицией»⁷. Поддержка либерал-демократов основной массой населения обеспечивала стабильность в обществе, а неизменные «симпатии» бизнеса — политическое доминирование. Именно такое положение выводило Японию на роль лидера среди стран так называемой неординарной демократии (в основном это азиатский регион), по определению политолога Т. Пемпела⁸.

Усложнение социальной структуры общества, возникновение гражданских движений постепенно начали «портить» безоблачную картину либерал-демократического господства, впервые заставили правящую элиту задуматься о необходимости коррекции своих действий. Симптоматичным явилось, в частности, получение Коммунистической партией Японии (КПЯ) на выборах в палату представителей парламента в 1972 г. 39 мест, что позволило ей стать третьей по представительству парламентской партией (после ЛДП и СПЯ). В 1989 г. очень неприятным фактом для доминантной партии стало выдвижение в палате советников лидера социалистов Т. Дои на пост премьер-министра как альтернативы кандидату ЛДП Т. Кайфу. По традиции главой кабинета министров становится лидер парламентского большинства, которое, как известно, прочно удерживала ЛДП. Если палаты парламента предлагают на этот пост разные кандидатуры или палата советников в течение 10 дней не

предложит свою кандидатуру, то решение палаты представителей становится решением парламента⁹. Это случается очень редко, но Кайфу все же был избран. Однако в сентябре 2007 г. ситуация повторилась при избрании на пост премьера Ясуо Фукуды после скоропалительной отставки его предшественника С. Абэ.

Серьезным негативным фактом для правящей партии явился и постоянный рост абсентеизма в 1980–1990-х годах. В 1995 г. в палату советников впервые за всю послевоенную историю страны число не принявших участие в выборах превысило число голосовавших. Обозначилось и сужение социальной базы либерал-демократов. В основном их по-прежнему поддерживали жители сельскохозяйственных районов, представители старших возрастных групп населения и работники строительной индустрии, т.е. те слои, значение которых в обществе объективно идет на убыль.

Все это говорило о неблагополучии в рядах ЛДП и ее политики, хотя речь шла не о протесте против консервативной идеологии, а о недовольстве конкретными шагами либерал-демократов, которые не учитывали интересы различных групп населения. Голосуя за представителей оппозиции, так называемые новые городские слои как бы призывали ЛДП обратить внимание на их проблемы, прекрасно осознавая, что оппозиция ни в коем случае не придет к власти. Население страны только с ЛДП связывало успехи страны и доверяло ей больше, чем любой другой партии.

Японская ситуация вполне укладывается в типологию доминантно-партийной системы азиатских стран, о которой политолог А.Б. Зубов говорил: «Характерно, что после очередного кризиса доминантная партия вновь получает поддержку, которой она пользовалась в свои „лучшие времена“. Избиратели как бы ощущают, что с ослаблением позиций партии теряет силу и сама государственная власть, тесно сочлененная с этой партией. Неблагоприятный опыт существования в условиях политической нестабильности заставляет большинство населения забывать издержки доминантно-партийной системы и хотя бы на время вновь стать ее приверженцами»¹⁰.

Нельзя сказать, что руководство ЛДП не обращало внимания на процессы, которые шли внутри партии. Еще в начале 60-х годов прошлого века премьер-министр Х. Икэда озаботился «модернизацией» партии с тем, чтобы укрепить в ней «дух толерантности и терпимости», а также проведением «политики диалога». По его инициативе был создан Комитет по изучению организационной структуры партии, который подготовил итоговые рекомендации уже для последующих премьеров¹¹. Основной целью такой модернизации был роспуск фракций с целью ликвидации борьбы между ними, но ничего из этого не вышло.

Политика достижения внутривнутрипартийного консенсуса позволяла либерал-демократам занимать все руководящие посты в правительстве, оказывать прямое воздействие на законодательный процесс, сдерживать до поры до времени внутренние центробежные тенденции. На протяжении десятилетий усиливалась роль партии и ее политических органов в выработке и принятии государственных решений, другими словами, происходило сращивание доминантной партии с бюрократией, о чем уже упоминалось. Подобное положение неминуемо вело к окостенению ее структуры, несменяемости лидеров, препятствовало притоку молодого поколения политиков, т.е. лишало ее способности к саморазвитию. Этот дисфункциональный потенциал особенно возрос с созданием к концу 70-х годов прошлого века суперфракции Танаки (140 человек), которая практически монополизировала власть внутри партии.

Это был чрезвычайно важный период для формирования сегодняшней правящей политической элиты, ибо большинство ныне активно действующих

политиков в рядах не только ЛДП, но и оппозиционных партий — выходцы из этой суперфракции. Теперь борьба между лидерами фракций сменилась фактической борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным теневым лидером¹².

Наличие мощной фракции Танаки изменило картину внутривнутрипартийной жизни, поскольку в ЛДП установилась власть доминантной фракции. Создалась двухуровневая структура власти: доминантная партия в стране и доминантная фракция в партии, что не могло в итоге не привести к обострению фракционной борьбы, а выявленные факты коррупции и финансовых злоупотреблений — к падению престижа правящей партии. В результате в 1974–1980 гг. разразился первый кризис в ЛДП, который поставил на повестку дня вопрос о ее реформировании.

Реформирование партии премьером Такэо Фукудой (1976–1978) оценивается японскими политологами как важная глава в истории ЛДП. Партия находилась в тяжелом положении после поражения в 1975 г. на выборах в палату представителей. Срочно требовалось прекратить разрушающую внутреннюю структуру ЛДП фракционную деятельность. Фукуда создал Штаб по проведению реформы партии, и в результате острой дискуссии была определена цель — создание «открытой, народной партии». Для достижения поставленной цели были сформулированы три основных пункта: 1) введение новой системы выборов председателя ЛДП с участием всех членов и «друзей» партии; 2) создание Народного либерального конгресса для укрепления структуры и финансовой базы партии; 3) роспуск фракций¹³. Предложенная программа реформы объективно была направлена на преодоление кризисных явлений, на укрепление базы поддержки и повышение популярности ЛДП.

Наиболее важным представляется первый пункт, поскольку при выборе председателя партии к голосам всех депутатов обеих палат парламента теперь добавлялись и голоса выборщиков от местных партийных организаций и «друзей партии» (1 голос от 10 тыс. человек). Эти выборщики не так уж сильно влияли на исход выборов, но это был очень выигрышный ход для привлечения новых сторонников, который позволил не только приостановить сокращение числа членов партии, но и значительно увеличить его. С роспуском фракций все согласилось, но неизменными остались механизмы, которые воспроизводили эту структуру: избирательная система многомандатных округов и схема выборов председателя партии. Несмотря на формальный роспуск фракций, они продолжали функционировать, хотя непродолжительное время в прессе их называли «бывшая фракция такого-то». По-прежнему существовала созданная Танакой суперфракция, которая теперь перешла в руки нового поколения политиков — Нобору Такэситы, Сина Канэмару, Итиро Одзавы.

В эти же годы обозначилась еще одна свойственная ЛДП схема «двойной структуры политики», которая предполагала наличие сильного неофициального лидера, представлявшего реальный центр власти. Таким долгое время был Танака, затем им стал Син Канэмару. Оба владели огромными личными финансовыми средствами и были уличены в коррупции и арестованы. При всех недостатках проведенная реформа почти на десять лет стабилизировала ситуацию внутри ЛДП, и новый кризис разразился лишь в начале 90-х годов прошлого века.

Кризис правящей элиты обозначился с отставкой в 1989 г. кабинета Такэситы и последовавшей затем не свойственной японской политической культуре чехардой премьер-министров (за 1991 г. сменилось три главы правительства), связанной с коррупционными и другими скандалами. На повестку дня встал вопрос о давно назревавшей политической реформе. Либерал-демокра-

ты надеялись с помощью прежде всего реформы избирательной системы и системы контроля за поступающими в партийные фонды финансовыми средствами подправить свой облик в глазах избирателей. Однако именно в это время полностью обнажился механизм действия двойственной структуры власти, т.е. стало абсолютно ясно, что реальная политическая власть принадлежит не правительству, а суперфракции. Американский политолог Д. Шлезингер писал: «... и в Токио и за границей не заблуждались насчет того, что японский премьер-министр был не более чем церемониальной фигурой. Даже когда Н. Такэсита оставил официальный пост, президент США Дж. Буш направил ему послание с просьбой о продолжении поддержки. Н. Такэсита регулярно посещал в последующие два года Белый дом, а И. Одзава и С. Канэмару взяли на себя ответственность вести наиболее деликатные переговоры с США и другими странами»¹⁴.

Главная причина такой ситуации состояла в том, что сложившийся специфический механизм взаимодействия так называемой железной триады (симбиоз политиков, бюрократии и бизнеса), с середины 1970-х годов начал давать сбои, переросшие в 90-е годы прошлого века в острый кризис. В середине 1990-х годов четко обозначилась насущная необходимость проведения структурных реформ в экономике, и эту необходимость признавало общество. Однако политическая элита не спешила с принятием непопулярных мер, поскольку от старта реформ до их успешной отдачи страна должна пройти достаточно долгий и непростой путь. Поэтому заявленные реформы шли довольно вяло.

Таким образом, изменились условия, в которых функционировала двойственная структура власти, созданная Танакой. Япония стояла перед новыми вызовами, и ЛДП должна была ответить на них, а для этого требовалась перегруппировка сил внутри самой партии, что и привело к расколу суперфракции в 1992 г. Причиной этого в значительной степени были образовавшийся разрыв поколений и зревшее в предшествующие два десятилетия недовольство молодого поколения политиков жесткой системой засилья «старших». Раскол вылился в борьбу за власть и влияние между К. Обути и И. Одзавой. Последствия этого события имели чрезвычайный характер. Ушло в прошлое доминирование суперфракции, которая, как уже говорилось, фактически контролировала ситуацию в партии, однако жесткая межфракционная борьба продолжалась, что в итоге привело к выходу из ЛДП двух групп диссидентов, созданию ими недолговечных партий и переход правящей партии в оппозицию почти на три года (1993–1996), а также созданию новой крупной оппозиционной Демократической партии (ДП), фактически занявшей место СПЯ¹⁵.

На фоне новой расстановки сил на политической сцене усилилась фрагментарность внутри ЛДП. Часть влиятельных политиков была не против достижения согласия с бывшими диссидентами, т.е. выступала за создание консервативно-консервативного блока, ибо у них были общие корни, другие создавали межфракционные объединения. Так, в начале 1999 г., после скандального поражения на выборах в палату советников в 1998 г., появилась новая фракция, объединившая три средних по численности.

Кризисные явления в ЛДП уже в начале 2001 г. привели к тому, что партии на предстоявших летом того же года выборах в палату советников грозил провал. В такой ситуации политическая элита выбрала лидером партии и соответственно премьер-министром Дзюньитиро Коидзуми. Избрание премьер-министра — довольно формальная процедура, но на самом деле это сложный многоступенчатый процесс. Он приобрел особую значимость во второй половине 1990-х годов в связи с проведением административной реформы, осущест-

ствление которой привело к реорганизации министерств и управлений, созданию канцелярии кабинета министров и 12 министерств.

Выдвижение популярного у электората, популистски настроенного, выделяющегося своим неординарным видом и своеобразной манерой поведения Коидзуми было вынужденным, но хорошо просчитанным ходом. Его успех на выборах обеспечивал сохранение либерал-демократов у власти, а неудачу можно было бы списать лично на него. Новый премьер пользовался поддержкой не только молодых членов партии, но и значительной части населения, ожидавшего перемен. Коидзуми старательно позиционировал себя как эксцентричного политика, любой ценой добивающегося популярности у избирателей.

Однако путь его прихода во власть показал, что он прекрасно ориентируется во внутривыборных фракционных делах и умеет играть по правилам. На первых для себя выборах председателя партии в 1995 г. Коидзуми проиграл Хасимото с убедительным счетом — 87 голосов против 303. На вторых выборах в 1998 г. он вновь проиграл. Напомним, что достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил всегда были залогом успеха в борьбе за высший пост в партии. К третьей попытке Коидзуми подготовился основательно.

Во время предвыборной кампании, которая проводится в два тура, он обратился со своей программой непосредственно к рядовым членам партии, заручившись, безусловно, и поддержкой определенных фракций. Такой маневр позволил ему одержать убедительную победу над главным постоянным соперником Хасимото еще в первом туре голосования. Коидзуми получил ошеломляющую поддержку делегатов с мест, которых долгие годы «прикармливали» ветераны партии. Это было своего рода народное голосование, сыгравшее решающую роль в общей победе над Хасимото и его фракцией, которая долгие годы успешно контролировала партию. Второй тур голосования в парламенте стал в принципе формальной процедурой, хотя именно здесь отношение к новому премьеру было наиболее критическим. В целом за Коидзуми было подано 298 голосов из 484, за Хасимото — лишь 155 голосов. В это время, согласно опросу общественного мнения, проведенного агентством Кёдо цусин, Коидзуми поддерживали 86,3% респондентов, 29% заявили, что ожидают от него важных политических преобразований, лишь 6% высказали сомнение относительно результативности его деятельности¹⁶.

В ходе правительственной реформы первостепенное внимание уделялось изменениям, которые были нацелены на усиление лидерства премьер-министра. Наиболее важным явилось признание за ним инициативы в определении «принципиального курса в важных политических делах кабинета», т.е. во всех вопросах внутренней и внешней политики. Результатом реформы стало более четкое определение руководящей роли премьер-министра, сопоставимой с ролью главы государства в других странах, в проведении государственной политики. Изменения структуры и функций ряда учреждений, которые помогают премьер-министру в его практической деятельности, позволяют ему воспользоваться расширенным правом на личное политическое руководство и стать реальным лидером страны. Этими изменениями в значительной мере воспользовался Коидзуми, став премьер-министром.

При формировании первого кабинета в 2001 г. он пошел на некоторое нарушение межфракционного баланса и постарался собрать вокруг себя группу единомышленников-профессионалов. Коидзуми провозгласил лозунг «Изменим ЛДП! Изменим Японию!», заявив при этом, что не будет «священных коров» и ничто не застраховано от преобразований. Он сразу же обнаружил

программу экономических реформ, необходимость которых понимали многие и до прихода Коидзуми во власть.

Взяв курс на проведение этих реформ, премьер вступил в конфронтацию с политическими тяжеловесами внутри партии. Он заявил: «Если какая-либо фракция в ЛДП выступит против меня, то я, как председатель партии, приму меры для ее ликвидации»¹⁷. Подвижный характер отношений между фракциями давал правящей элите возможность относительно свободно маневрировать в случае необходимости. Такому положению дел и бросил вызов Коидзуми. До него никто в руководстве партии ничего не хотел менять, дабы не вступать в конфликт с воротилами, прежде всего строительного бизнеса, которые оказывали мощную финансовую поддержку ЛДП¹⁸. Еще в 60-е годы XX в. зародилась практика тесного переплетения личных и финансовых интересов многих политиков с крупными деятелями строительного бизнеса. В последующие десятилетия она стала серьезным пороком системы власти ЛДП и в немалой степени привела партию к поражению на выборах 1993 г.

С целью лишить «старую гвардию» важного источника влияния на электорат Коидзуми заявил о сокращении расходов на общественные работы, которые всегда рассматривались как средство поддержания социальной стабильности, но на самом деле лишь увеличивали государственный долг. Приватизация почтовой службы должна была нанести по ним еще один удар. В Японии эта служба помимо своих прямых обязанностей выполняет функции сберегательной кассы и страховой компании, аккумулируя огромные средства (240 трлн. иен депозитов и 125 трлн. иен в форме страховых полисов). Она является крупнейшим в мире финансовым учреждением, которое сосредоточивает четверть денежных активов домашних хозяйств страны. Эта почтовая служба является незыблемой твердыней, на которой покоится механизм власти ЛДП, ибо направляет под ее фактический контроль денежные потоки. С помощью фондов этой службы формируется фактически второй государственный бюджет путем покупки пакетов облигаций центрального правительства и органов местного самоуправления и пр., т.е. экономическое влияние этой службы чрезвычайно велико. Как известно, суть предпринятых Коидзуми преобразований — передача частному бизнесу максимума полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах.

Проведение реформ должно было помочь Коидзуми изменить политический ландшафт внутри ЛДП, для чего следовало прежде всего сплотить тех, кто желал перемен. Спротивление противников реформ было весьма значительным, и без его преодоления невозможно было движение вперед. Аналитики в то время полагали, что, если «старая гвардия» попытается взять партию под контроль, Коидзуми может без колебания распустить парламент. Но как бы то ни было, он начал проводить реформы, опираясь, безусловно, на свою партию, поскольку главная оппозиционная Демократическая партия не предложила альтернативы. Наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых», несомненно, затрудняло выработку четкого и ясного плана решения неотложных проблем¹⁹.

Формируя в очередной раз руководство партии и правительства в 2003 г. после очередного избрания на пост председателя (срок полномочий был продлен до трех лет, внесены перемены в порядок проведения выборов и подсчета голосов), Коидзуми выбирал не столько тех, кто в данный момент более других разделял его политику, сколько тех, кто, по его мнению, мог бы после его ухода из власти продолжить начатые им реформы. Обновив более чем наполовину кабинет, Коидзуми, не отступая от курса проведения реформ,

тем не менее постарался умиротворить разнородные группировки внутри партии, понимая всю серьезность появления в ней сплоченной оппозиции.

Явная неудача ЛДП на очередных выборах в палату советников в июле 2004 г. вынуждала Коидзуми считаться с мнением оппозиции в партии, в парламенте и в обществе. Однако правящая коалиция, сохраняя устойчивое большинство в обеих палатах парламента, без труда блокировала попытки оппозиции выступать против ее инициатив.

Как показали кадровые перестановки в кабинете в сентябре 2004 г., Коидзуми продолжал учитывать при назначениях на министерские посты не столько межфракционный расклад сил внутри партии, сколько уровень лояльности претендентов проведению реформ. Он расставил на ключевых постах своих соратников, и «вертикаль» власти партии и правительства выглядела монолитной и жестко ориентированной на лидера. При этом очень аккуратно было увеличено представительство в кабинете главной на тот момент фракции Ё. Мори: в правительство вошли пять ее членов плюс сам Коидзуми и формально независимый Х. Такэнака. Это рекордное число представителей одной фракции в кабинете позволило «теневому *сёгуну*» Х. Нанокэ сравнить кабинет по уровню авторитарности с печально известным правительством Хидэки Тодзё, которое начало Тихоокеанскую войну в 1941 г. Из оппозиционных премьеру фракций в правительство были приглашены только поддерживавшие его молодые депутаты, которым он уделял особое внимание.

Еще больше подчинив себе оборонный и внешнеполитический блоки, Коидзуми не изменил состав экономического и административного блоков, где огромное влияние приобрел его близкий соратник по проведению структурных реформ — Х. Такэнака. Целью произведенных перемен, очевидно, являлось стремление Коидзуми нанести еще один удар по старой фракционной структуре ЛДП и добиться ее полного демонтажа. Созданная конфигурация политического руководства страны действовала под полным контролем премьер-министра Коидзуми, политическая судьба которого во многом зависела от успеха его детища — реформы почтовой службы.

Чрезвычайно удачными для ЛДП оказались выборы в палату представителей в 2005 г. после неожиданного досрочного роспуска парламента в связи с тем, что палата советников не поддержала пакет предложенных Коидзуми законопроектов по реформированию почтовой службы. Такой результат голосования в немалой степени объяснялся тем, что против законопроектов выступила и часть либерал-демократов. Роспуск парламента был вынужденным политическим шагом, но шансы на успех были достаточно высоки. Знаменательно, что на этих выборах ЛДП поддержали не только (как обычно) сельские избиратели, но и городские жители, которые не аффилированы с определенной партией. Этот сегмент электората традиционно считался опорой оппозиционных сил. В частности, ЛДП победила в 23 из 25 избирательных округов Токио, в то время как ДП только в одном. Кандидаты ЛДП одержали победу в 32 (из 47) префектуральных избирательных округах номер один (эти округа обычно включают самую развитую часть их территории вместе со столицей), причем в 26 — в первый раз. Выборы показали, что для избирателя все-таки большее значение имеет личность, а не партия, т.е. проявился уже упоминавшийся персонально ориентированный и партийно-индифферентный менталитет. Неслучайно Коидзуми опять предложил избирателям кандидатами в депутаты энергичных, популярных женщин, которых пресса окрестила «киллерами» диссидентов из ЛДП, поскольку они баллотировались в тех же избирательных округах.

После победы на выборах Коидзуми успешно переизбрался на пост премьер-министра (он получил 340 из 500 голосов в палате представителей и

134 из 252 — в палате советников) на специальной сессии, открывшейся 21 сентября 2005 г.

После чрезвычайно успешных выборов 2005 г. он предпринял серьезные усилия для установления еще большего контроля над партией. Для начала руководство решило простить тех, кто в первый раз в палате представителей голосовал против законопроекта о реформе почтовой службы, но наказать всех, кто был против нее в палате советников.

Объявив борьбу фракционности, Коидзуми прекрасно понимал, что одним махом невозможно решить эту проблему, и, достаточно искусно маневрируя, ждал подходящего случая. Таким случаем и стал триумфальный успех на выборах в палату представителей. Поскольку традиционно все депутаты парламента от ЛДП входят в ту или иную фракцию, Коидзуми озаботился тем, чтобы 83 новых депутата его партии остались самостоятельной силой и не «распылились» по фракциям. Руководство партии намеревалось подготовить из них квалифицированных политиков, но самое главное — стремилось помочь им развить и удовлетворить свои политические амбиции. Предполагалось, что партийному аппарату надлежит заменить фракции в работе с новыми депутатами²⁰. На встрече с вновь избранными законодателями Коидзуми говорил: «Я хочу подчеркнуть, что неаффилированные избиратели — наше богатство. Возможность быть избранными в одномандатном округе очень низка, если вы не смогли заручиться поддержкой избирателей, которые не поддерживают определенную партию. Вы должны всегда об этом помнить»²¹.

Получив пополнение и «почистив» ряды партии, Коидзуми в какой-то степени исполнил свое намерение изменить ЛДП, но сделал, конечно, только первый шаг. Он, безусловно, попытался использовать такое положение для усиления своего влияния на фракции и членов партии. Учитывая стиль подбора кадров Коидзуми — индивидуальный подход к назначению, выбор молодых политиков, нарушение принципа старшинства и баланса представительства фракций, — все рассчитывали на сюрпризы при назначении на министерские посты. Речь шла не только и не столько о формировании кабинета (было ясно, что высшие посты в нем займут реформаторы), сколько о том, кто из них станет преемником премьер-министра после истечения срока его полномочий. Коидзуми очень четко определил критерий отбора, заявив: «Я считаю, что тот, кто с энтузиазмом продолжит мои реформы, станет следующим председателем партии. Я хочу дать все шансы возможным кандидатам проявить свою активность»²².

Традиционно избрание председателя правящей партии проходило в острой межфракционной борьбе. При этом всегда достигался компромисс. Лишь один раз в 50-летней истории ЛДП лидеры фракций не смогли договориться и предложили тогдашнему премьер-министру Ясухиро Накасонэ самому назвать преемника. В сложившейся же теперь ситуации ни один лидер фракции не мог претендовать на то, чтобы стать преемником Коидзуми. Только тот, кто проявлял лояльность лично ему, имел предпочтительные шансы²³. Таких шансов больше всего было у Синдзо Абэ, хотя объективно очень серьезные шансы были у Ясуо Фукуды, который обладал большим опытом управленческой работы, отличался умением договариваться и завоевывать сторонников и беспрецедентно долго (1289 дней, т.е. свыше трех с половиной лет) занимал пост генерального секретаря кабинета министров. Работавшие с ним в то время высшие бюрократы отмечали его редкостное умение достигать баланса интересов, со всеми находить общий язык, быть великолепным координатором, умеющим достигать поставленных целей.

При формировании своего последнего кабинета в 2005 г. Коидзуми предложил министерские посты практически всем возможным претендентам на

роль его преемника. Но среди них не оказалось Фукуды, хотя многие рассматривали его как весьма вероятного преемника, в частности бизнес, с которым у него были тесные связи. В ответ на подобные ожидания Коидзуми заметил, что Фукуда может включиться в борьбу преемников и не занимая правительственные посты, как это было в случае с ним самим. Впрочем, назначение молодого Абэ генеральным секретарем кабинета министров означало, что Коидзуми определился с преемником. Сохраняя лицо, Фукуда говорил, что в данное время он не заинтересован в государственной службе. Более того, он весьма элегантно заметил, что вовсе не хочет противостоять Абэ, поскольку уже несколько поколений их семей находятся в дружеских отношениях, и обратился к Абэ со словами: «Я не хочу стоять на Вашем пути, если такой молодой человек, как Вы, хочет принять участие в избирательной гонке».

Избрание Синдзо Абэ на высшие посты в партии и правительстве прошло без всякой интриги²⁴, что отражало те серьезные перемены в партии, о которых уже говорилось.

Несколько лет Фукуда избегал публичности. Однако, как показали дальнейшие события, он проявил себя истинным политическим борцом в традициях японской политической культуры, продемонстрировав опыт, полученный в условиях острейшей межфракционной борьбы, опыт, которого катастрофически не хватило Абэ, политическому «баловню судьбы». Абэ не пришлось заниматься рутинной партийной работой, а высший пост в партии и правительстве ему преподнес Коидзуми, назвав своим преемником в нарушение установившейся традиции избрания лидера партии и правительства.

Зная характер Фукуды, эксперты полагали (как оказалось, вполне справедливо), что он вступит в борьбу, только заручившись поддержкой большинства фракций. Своей позицией он ясно давал понять, что придерживается традиционного подхода к выборам председателя партии. Фукуда никогда не стремился к политическому соперничеству, яростно добиваясь высших постов, а предпочитал скрытую подготовительную работу²⁵.

Такая работа принесла долгожданные плоды: в 2007 г. в поддержку Фукуды в борьбе за пост председателя ЛДП высказались восемь из девяти фракций. Это прежде всего самая крупная фракция Нобутаки Матимуры (80 человек), к которой принадлежал и сам Фукуда; поддержал его и Коидзуми. В результате он обеспечил себе необходимый минимум даже только за счет голосов парламентариев. Фукуда уже очень давно находился в высшем эшелоне ЛДП, он был хорошо известен по работе в партии и правительстве, а его знание правил игры не в последнюю очередь предопределило выбор политических тяжеловесов. По словам одного политического аналитика, ветераны партии посчитали, что с падением кабинета Абэ «маятник должен качнуться обратно». Поддержка 71-летнего ветерана партии большинством фракций фактически означала возврат к прежней практике выборов председателя партии, которая была нарушена при избрании 52-летнего Абэ. Таким образом, фактически лидеры фракций вернулись на передний край политический борьбы, откуда их потеснил Коидзуми.

Учитывая неудачный подбор кадров Абэ (как известно, пять министров в его кабинете были вынуждены покинуть свои посты), Фукуда назначил на высшие должности в партии и правительстве закаленных ветеранов. Кроме того, в дополнение к традиционным трем высшим постам в ЛДП (генеральный секретарь партии, председатели Комитета по изучению политических вопросов и Комитета по общим вопросам) он ввел должность руководителя Комитета по выработке избирательной стратегии. Это было сделано с целью активизации подготовки к предстоящим выборам в палату представителей, проведения которых сразу же потребовала от премьеры оппозиция, контроли-

ровавшая палату советников после летних выборов 2007 г.²⁶. Фукуда отблагодарил лидеров фракций за поддержку при избрании на пост председателя ЛДП, взяв их представителей в правительство. По его словам, он назначил нужных людей на нужные посты, которые помогут сплотить партию. Сложившуюся команду назвали «кризисными управляющими», перед которыми стоит задача вернуть утраченное доверие населения.

Состав кабинета почти не изменился: 13 министров из 17 сохранили свои должности. Из четырех вновь назначенных двое были перемещены с прежних постов, которые они занимали в администрации Абэ. Главным при формировании новых органов власти было сохранение баланса сил и интересов фракций внутри партии, что всегда было приоритетом. Фактически перетасовывается одна и та же колода, нет никакого притока новых сил, чего так добивался Коидзуми.

Основные направления деятельности кабинета нового премьера по вопросам внутренней и внешней политики были обозначены в программной речи Фукуды в парламенте²⁷. В своем выступлении, в отличие от предшественника, он избегал националистической риторики («выйти из послевоенного режима», пересмотреть Конституцию), обещал исправить ошибки, допущенные предыдущим правительством.

Перед Фукудой стояла дилемма: уступить давлению общественного мнения и усилить экономическую поддержку регионов или продолжать политику Коидзуми, направленную на сокращение расходов. Он подтвердил приверженность курсу экономических реформ, чтобы не перекладывать бремя на будущие поколения. Кабинет Фукуды взял за основу экономическую политику правительства Абэ, стремившегося ускорить рост экономики за счет развития наукоемких технологий и повышения конкурентоспособности финансового сектора страны. Фукуда заметил, что прекрасно понимает, насколько серьезны социальные последствия реформ, которые проявляются, в частности, в увеличении разрыва в доходах разных слоев населения, различий между городом и сельской местностью. Он провозгласил намерение решать такие сложные вопросы, как рост выплат по социальному обеспечению в связи с увеличением продолжительности жизни на фоне падения рождаемости, начать обсуждение проблемы реформирования системы налогообложения и, возможно, повысить потребительский налог. На этом пути оппозиция, безусловно, оказывала ему сильное противодействие. Неслучайно Фукуда заявил о том, что желает открытого диалога с оппозицией по основным вопросам политики.

Одной из приоритетных задач Фукуды было возвращение ЛДП и правительству доверия и уважения избирателей. Причем как можно быстрее, потому что Демократическая партия во главе с председателем И. Одзавой (диссидентом из ЛДП, где он занимал высокие посты) требовала скорейшего роспуска нижней палаты парламента. Население в первую очередь волновали вопросы экономики: уменьшение разницы в доходах между жителями сельскохозяйственных районов и крупных городов, сокращение уровня безработицы, наведение порядка в пенсионной системе.

Избрание 71-летнего Фукуды (возраст которого не выглядит слишком зрелым как по японским политическим стандартам, так и в контексте демографической ситуации в стране, где около 7 млн. человек, или 5,6% населения, составляют лица в возрасте от 80 лет) имело свою логику. Японии нужен был лидер, который мог бы уравновесить все противоречия и добиться конкретных результатов, чтобы сохранить стабильность. Однако, как показали последовавшие события, Я. Фукуда не стал таким лидером.

Примечания

¹ S.R. Reed. An Introduction to Special Topic: Political and Administrative Reform in Japan. — Social Science Japan Journal. 1999, vol. 2, ? 2, October, p. 155.

² Подробнее см.: Э.В. Молодякова. Политическая система Японии: факторы и перспективы развития. — Политические системы и политические культуры Востока. М., 2006, с. 531–549.

³ Toward a New Asia. — Восток. М., 1995, с. 141.

⁴ См.: S. Huntington. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma, 1991; S. Huntington, J. Nelson. No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries. N.Y., 1976.

⁵ См.: В. Гельман. Перспективы доминирующей партии в России. — Pro et Contra. 2006, № 4 (33), с. 63.

⁶ Цит по: П. Павленко. Либерально-демократическая партия в политической системе современной Японии (1955–2001). М., 2006, с. 34.

⁷ D. Okimoto. The Liberal-Democratic Party's Grand Coalition. Stanford University, 1988.

⁸ См.: T.J. Pempel. Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes. Ithaca, 1990.

⁹ Э.В. Молодякова. Выборы лидера страны по-японски. — Японский опыт для российских реформ. Вып. 1. 2006 (info@japan-assoc.ru).

¹⁰ А.Б. Зубов. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990, с. 336.

¹¹ <http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap4.html>

¹² Например, Я. Накасонэ, победивший с большим перевесом других соперников на выборах председателя партии, вынужден был в период нахождения у власти искусно маневрировать между большими фракциями, поскольку его собственная была лишь четвертой по численности.

¹³ <http://www.jimin.jp/jimin/English/history/chap8.html>

¹⁴ J.M. Schlezinger. Shadow Shogun. N.Y., 1997, p. 206.

¹⁵ Подробнее см.: Э.В. Молодякова. На извилистых тропинках политической борьбы. — Япония: с чем в третье десятилетие? М., 1999, с. 85–95.

¹⁶ The Japan Times. 01.10.2002.

¹⁷ The Japan Look. 2002, № 3, p. 13.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Подробнее см.: Э.В. Молодякова. Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюньитиро). — Япония. Ежегодник 2006. М., 2006, с. 24–40.

²⁰ The Japan Times. 12.10.2005.

²¹ The Japan Times. 15.09.2005.

²² Асахи симбун. 26.10.2005.

²³ Там же.

²⁴ Подробнее см.: Э.В. Молодякова. Операция «Преимник». — Политический журнал. 2006, № 43, с. 50–53.

²⁵ Подробнее см.: Э.В. Молодякова. Япония: возвращение на круги своя. — Политический журнал. 2007, № 29.

²⁶ The Japan Times. 25.09.2007.

²⁷ The Japan Times. 03.10.2007.

ЯПОНИЯ И ГЕРМАНИЯ В 1990-е ГОДЫ: ПАРАДИГМА СОТРУДНИЧЕСТВА

О. А. Базин

1990-е годы стали определяющим периодом для развития политического и экономического сотрудничества Японии и Германии. За время, миновавшее с момента окончания Второй мировой войны, они прошли путь от главных возмутителей мирового спокойствия до ведущих экономических лидеров с огромными политическими амбициями. Если ранее взаимоотношения этих двух стран базировались преимущественно на экономических связях, то в 1990-х годах политическое сотрудничество Японии и ФРГ приобрело большое значение для мировой политики.

Крах биполярного мира и связанные с этим кардинальные изменения в международных отношениях открыли для Японии и Германии путь к повышению их роли в мировой политике. Это, в свою очередь, создавало хорошие предпосылки для интенсификации политического диалога между Японией и ФРГ, поскольку их положение в системе международных отношений было весьма схожим. Оба государства сочетали роль экономических гигантов и политических карликов. Входя в тройку наиболее развитых стран мира, Япония и ФРГ не имели реальных рычагов влияния на международную обстановку, фактически являясь экономическими донорами внешнеполитической деятельности других государств.

Интенсификация политического взаимодействия Японии и Германии в 1990-х годах в немалой степени была обусловлена их экономическими достижениями, что вызвало оживленную дискуссию о месте этих стран в формировании многополюсного мира. Исследователь международных отношений Ганс Мауль, отмечая наличие перспектив для политического сотрудничества Японии и ФРГ в 1990-х годах, указывал, что на смену «жесткой» силе сверхдержав, способной повелевать другими, во все большей степени приходит «мягкая сила гражданской (цивилизованной) державы», прообраз которой он видел в Германии и Японии¹. Схожей точки зрения придерживался и бывший министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер, который относил Японию к одному из полюсов нового мира².

Однако вопрос о причислении Японии и Германии к рангу сверхдержав тоже является дискуссионным. Так, отечественный историк И.А. Латышев отрицал восприятие Японии в качестве сверхдержавы, ссылаясь на «наличие экономической зависимости Японии от внешнего мира... в сочетании с ее военной зависимостью от другой страны — США»³. Подобные аргументы можно применить и к определению мирового статуса современной Германии, хотя и в меньшей степени. В экономическом плане ФРГ зависит от поставок энергоносителей, в политическом — находится в русле политики Евросоюза (ЕС), не будучи его однозначным лидером, в военном — является членом НАТО, где главную роль играют США, хотя по ряду вопросов германское ру-

ководство придерживается особой точки зрения. Статус Японии как явного регионального лидера также можно оспорить. Ввиду высокой политической зависимости от США Япония лишена реальной возможности сформировать относительно самостоятельное сообщество в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В этом плане позиция ФРГ в ЕС более прочна и независима.

Высокая степень интегрированности Германии в ЕС и стала катализатором интенсификации политического диалога Японии и ФРГ в 1990-е годы. Углубление политических контактов между двумя странами в тот период было обусловлено политическим сближением Японии и Евросоюза. В 1990 г. была принята Декларация ЕС об обновленных международных отношениях после «холодной войны», которая предусматривала проведение встреч политиков самого высокого уровня из ЕС и Японии (как это осуществлялось в рамках политического сотрудничества ЕС–США). Завершение «холодной войны» привело к существенным переменам в конфигурации «треугольника» США–Западная Европа–Япония. Несмотря на приоритет американского направления международных отношений, роль связей между Японией и Европой резко возросла. Ввиду того что ФРГ являлась одним из наиболее влиятельных и авторитетных членов ЕС, укрепление японо-германского политического сотрудничества представлялось эффективным средством улучшения отношений между Японией и ЕС в целом.

Также положительное влияние на развитие политического сотрудничества Японии и ФРГ оказало очередное изменение доктрины японской внешней политики. Оно заключалось в смещении вектора внешнеполитической деятельности из экономической сферы в политическую. Приоритеты внешней политики в 1990-е годы МИД Японии определил в таком порядке: интенсификация международного сотрудничества, участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих операциях, расширение международного культурного обмена, участие в решении глобальных экологических проблем, поддержание системы внешней торговли⁴. Таким образом, на первое место выдвигались политическое и культурное направления внешнеполитической деятельности. И для взаимодействия Японии и ФРГ по этим направлениям существовали определенные предпосылки.

Развитие японо-германских политических отношений в 1990-е годы XX в. находилось под влиянием процессов, связанных с окончанием «холодной войны». Прежде всего следует отметить, что для Японии и ФРГ окончание «холодной войны» имело разные последствия: у последней с крахом биполярного мира возросло ее региональное влияние, тогда как региональный статус Японии кардинальных изменений не претерпел.

Тем не менее значимым следствием прекращения «холодной войны», оказавшим влияние на развитие японо-германских отношений в политической сфере, стало объединение Германии. Это событие имело двоякое значение для японской внешней политики. С одной стороны, еще до объединения Германии Япония демонстрировала понимание стремления немецкого народа преодолеть раскол. Контакты Японии с ГДР имели преимущественно экономический, а не политический характер. Хотя ГДР и подчеркивала свою принадлежность к немецким ценностям, для японцев всегда были очевидны политические различия между Западом и Востоком Германии⁵. Поэтому в Японии воссоединение двух Германий рассматривалось через призму изменения расстановки сил в «холодной войне». Японские СМИ с воодушевлением восприняли начало процесса объединения Германии. Так, японский телеканал Ти-Би-Эс следующим образом оценивал это событие: «В текущий момент динамично развиваются события в социалистических странах Восточной Европы по пути демократизации и расширения свободы, что было ярко проил-

люстрировано объявлением о ликвидации Берлинской стены, служившей символом раскола Восточной и Западной Германии»⁶.

Вместе с тем объединение Германии породило опасения Токио по поводу чрезмерного усиления позиций этой страны в мире, особенно в Азии. В этом некоторые японские специалисты усматривали угрозу для системы международной безопасности. Японское руководство опасалось, что объединение ГДР и ФРГ, которая являлась членом НАТО, может стимулировать развитие конфликтных ситуаций на региональном и глобальном уровне. Опасения же экономических кругов Японии по поводу объединения Германии иллюстрирует следующее высказывание японского экономиста М. Коно: «1980-е годы были десятилетием взрыва мировой экономической экспансии Японии, но 1990-е годы станут десятилетием объединенной Германии, которая превратится в ядро Европы и окажет мощнейшее глобальное влияние. Именно Европа, а не Япония будет движущей силой изменений существующей мировой системы»⁷. Неоднозначность влияния воссоединения ФРГ и ГДР на отношение японской стороны к Германии отмечается и отечественными учеными. Так, М.И. Крупянко указывает на то, что процесс объединения Германии мог способствовать формированию региональных блоков, что не отвечало бы внешнеполитическим интересам Японии, поскольку создание политического блока в АТР представляется трудной задачей⁸.

Опасения японских специалистов подкреплялись высокими темпами развития германо-китайских отношений, которые наблюдались в 1990-х годах. Необходимо отметить, что существовала объективная заинтересованность ФРГ в развитии сотрудничества со странами АТР. По мнению Е.О. Лабетской, в основе этой заинтересованности лежала невозможность Германии удовлетворить высокие запросы своей развитой экономики посредством собственной топливно-энергетической базы⁹. Действительно, после объединения потребности германской экономики резко возросли. Подобное несоответствие между уровнем экономического развития и недостаточностью сырьевой базы вынуждало руководство ФРГ искать новых поставщиков, в том числе и в Юго-Восточной Азии, которую Япония рассматривала как одну из своих преимущественных сфер интересов.

В связи с этим в 1990-е годы особенно остро обозначились противоречия между Японией и ФРГ по поводу Китая. КНР с ее огромным населением, территорией, выходом к морю, военно-техническим потенциалом была соперником Японии в региональном масштабе. Кроме того, развитие японо-китайских отношений осложнялось территориальным спором по поводу островов Сэнкаку. А германское руководство в 1990-х годах занимало очень гибкую политическую позицию по отношению к Китаю. В частности, это проявилось в сдержанной реакции ФРГ на проблему прав человека в КНР.

Интересным представляется отношение китайской политической элиты к увеличению международной роли Японии и Германии в 1990-е годы. Так, китайский специалист по стратегическим вопросам Чэнь Сяогун следующим образом оценивал место Японии и ФРГ в будущей мировой политике: «Нельзя исключить возможность, что Япония и объединенная Германия разовьются в глобальные военные державы. Обе стороны уже обладают экономическим, научным и техническим потенциалом, чтобы перепрыгнуть через ядерный этап и разработать новейшее неядерное космическое оружие»¹⁰. В этих условиях более отдаленная и более лояльная к Китаю Германия рассматривалась китайскими руководителями как «меньшее из двух зол».

Таким образом, несмотря на определенные различия в политическом и социальном устройстве, культурных традициях, представлениях о ценностях и уровнях развития экономик, в 1990-е годы существовали благоприятные

предпосылки для активизации политического сотрудничества ФРГ и КНР. Это подтверждают тесные консультации и эффективное германо-китайское сотрудничество по множеству актуальных международных и региональных проблем. Данное обстоятельство препятствовало налаживанию политического сотрудничества Японии и ФРГ, вызывая чувство настороженности у Токио в связи с усилением позиций ФРГ в АТР.

Развитие политических отношений Японии и Германии в 1990-е годы определялось их нахождением в орбите американской внешней политики. В новой международной обстановке «американский фактор» выступил как дезорганизующий элемент в политических контактах двух стран. На наш взгляд, это обстоятельство связано с большой степенью привязанности внешнеполитической позиции Японии к курсу США. Подобная зависимость представляется серьезным препятствием для полноценного политического сотрудничества Японии и ФРГ, поскольку в 1990-е годы наблюдался рост критики со стороны «старой Европы» в отношении внешней политики США и ее наиболее близких союзников. Кроме того, Германия активно лоббировала идею создания полностью независимой от США европейской системы обороны, противоположной той, которая существует в рамках НАТО и основана на военно-политическом, организационном и техническом доминировании США. Эта линия германской внешней политики также не совпадала с интересами внешней политики Японии, поскольку локализовала задачи ФРГ по обеспечению безопасности рамками Европейского континента и не предусматривала сотрудничества с Японией по этой проблеме.

Следует отметить, что на всем протяжении 1990-х годов инициативы американской администрации в сфере внешней политики способствовали совместным действиям Японии и ФРГ. Так, последние поддержали США в конфликте в Персидском заливе. Оба государства оказывали финансовое содействие военным действиям против Ирака. По мнению немецких ученых, сходство позиций Японии и ФРГ в этом вопросе объяснялось влиянием Второй мировой войны. «Агрессия Саддама Хусейна ассоциировалась у двух народов с темной главой собственного прошлого»¹¹.

В целом позиции США, Японии и Германии по многим международным проблемам совпадали. После распада СССР США взяли курс на утверждение своей гегемонии в мире, и в первую очередь в тех регионах, в которых они видели угрозу международной стабильности. Япония и ФРГ в той или иной мере принимали участие в решении этих проблем на стороне США. Так, обе страны поддержали военные действия США в Югославии.

Большое значение для японо-германского политического диалога в 1990-е годы имело заявление, которое сделал министр иностранных дел ФРГ Геншер во время своего визита в Японию в 1992 г. Он обосновал интерес ФРГ к сотрудничеству с Японией изменениями в системе международных отношений и необходимостью координации позиций обоих государств. Германский министр подчеркнул, что их сотрудничество должно соответствовать той важной роли, которую обе страны играют в международной политике¹². Это заявление было одобрено японским министром иностранных дел Ватанабэ. Важно отметить, что визит Геншера в Японию в 1992 г. стал первым после многолетнего перерыва, в течение которого не было двусторонних встреч германских и японских руководителей на высшем уровне. По оценке одной немецкой газеты, главной целью визита Геншера в Токио была демонстрация того, что «Германия рассматривает Японию как важного политического партнера, а не только как экономический феномен»¹³.

В 1990-е годы появилась политическая проблема, способная стать основой для партнерства Японии и Германии. Ключевым пунктом политического ди-

алога Японии и ФРГ стал вопрос о вхождении этих государств в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Ход дискуссии на тему «голубых касок» в Японии и Германии ясно показал, что обе страны готовы повысить свою международную роль. Это создавало возможности для координации их усилий в целях упрочения своих позиций в ООН. Достижение этой цели стало бы официальным признанием возросшей мировой роли Японии и ФРГ.

В связи с этим вопрос о реформировании Совета Безопасности ООН выдвинулся на первый план в политическом диалоге Японии и ФРГ, тем более что оба государства вошли в число основных доноров бюджета ООН: к 2000 г. взносы Японии составляли 17,98% бюджета ООН (2-е место), а Германии — 9,63% (3-е место)¹⁴. Вместе с тем у обеих стран имелись законодательные ограничения, которые препятствовали им играть соответствующую роль в Совете Безопасности ООН.

Но большинство постоянных членов Совета Безопасности ООН, обладающих правом вето, подобные изменения в структуре Совета не одобрили. В январе 1994 г. сенат США принял резолюцию, призывающую президента Клинтона не поддерживать стремление Японии и ФРГ добиваться места постоянных членов Совета Безопасности ООН до тех пор, пока их войска не будут активно участвовать в операциях ООН. Германское руководство достаточно быстро обозначило свою готовность выполнить условие США: 12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ принял постановление о возможности использовать бундесвер в операциях ООН.

В большей мере требование американской администрации не соответствовало позиции Японии, Конституция которой запрещает участие в военных операциях. Кроме того, в стране немалым влиянием пользовались «реалисты» — сторонники превращения ее в «глобальную гражданскую державу». Представители этой политической группировки выступали за активность Японии в вопросах защиты окружающей среды, макроэкономического регулирования экономики, помощи развивающимся странам, но против увеличения ее военной роли в мире.

Однако, несмотря на то что ФРГ в большей степени, чем Япония, соответствовала требованиям США к кандидатам в постоянные члены Совета Безопасности ООН, Вашингтон занял лояльную позицию в этом вопросе именно по отношению к Токио.

Но и у Японии есть много противников, препятствующих ее вступлению в Совет Безопасности ООН. В первую очередь к ним относятся большинство стран Азии. В частности, Китай использует обвинения в национализме как повод для того, чтобы удерживать Японию, являющуюся экономической сверхдержавой, подальше от Совета Безопасности ООН. Известный представитель американской политической элиты Збигнев Бжезинский в одном из интервью отрицательно оценил перспективы повышения статуса Японии и Германии в ООН. «Будьте уверены: нынешние постоянные члены Совета Безопасности сделают все, чтобы не допустить расширения его состава»¹⁵.

На практике сотрудничество Японии и Германии в вопросе реформирования ООН выразилось в региональном распределении усилий по лоббированию идеи расширения Совета Безопасности ООН. Руководство Японии и ФРГ рассчитывало добиться поддержки бедных стран Африки и Латинской Америки, которым была обещана огромная экономическая помощь. При этом Германия направила свои усилия главным образом на диалог с руководством африканских стран, а Япония работала по этому вопросу на латиноамериканском направлении.

Помимо вступления в Совет Безопасности ООН на постоянной основе, в этот период через политическое сотрудничество с ФРГ Япония стремилась

добиться права участвовать в заседаниях Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Когда Токио вынес это предложение на рассмотрение СБСЕ, ФРГ поддержала участие Японии в качестве наблюдателя. Это было очень важно для японской стороны, так как далеко не все европейские страны поддерживали подобное стремление Японии. Выраженная Геншером поддержка способствовала усилению позиций Японии в диалоге с СБСЕ. А после того как Европейское сообщество и Япония в июле 1991 г. договорились об укреплении сотрудничества и в тематику последнего вошли вопросы международной безопасности, германская поддержка участия Японии в заседаниях СБСЕ стала еще более последовательной. ФРГ даже готова была поддержать аналогичное участие Японии в совещаниях Североатлантического координационного совета, хотя Япония и не выступала с подобными инициативами.

Несмотря на общность целей внешней политики Японии и ФРГ, политическое сотрудничество этих стран в 1990-х годах носило ограниченный характер. По ряду актуальных проблем японское и германское руководство придерживалось различных точек зрения. Например, позиции Японии и ФРГ расходились в комплексе вопросов, связанных с распадом СССР. Германия, в отличие от Японии, активно оказывала экономическую поддержку России и другим странам бывшего СССР. Японская позиция по этому вопросу основывалась на принципе «неразрывности экономики и политики» (распространение разногласий в политической сфере на весь комплекс торгово-экономических взаимоотношений). После распада СССР японская сторона только активизировала свои усилия по возвращению «северных территорий», увязывая развитие российско-японских отношений и оказание экономической помощи с решением территориальных споров. Со временем столь жесткая позиция японского правительства смягчилась, что отчасти было обусловлено усилиями германской дипломатии. В августе 1998 г. премьер-министр Японии Кэйдзо Обути и канцлер ФРГ Гельмут Коль выступили с совместным заявлением, в котором говорилось, что Россия нуждается в продолжении экономических реформ и «мы должны поддержать усилия, предпринимаемые президентом Борисом Ельциным»¹⁶.

Однако по проблеме «северных территорий» Германия не оказала ожидаемой поддержки своему азиатскому партнеру. В ходе визита Геншера в Японию японская сторона распространила неофициальное дипломатическое заявление о том, что «Геншер продемонстрировал поддержку Токио в вопросе о Курильских островах, так как Япония должна играть роль мировой державы»¹⁷. Тем не менее министр иностранных дел ФРГ в 1992 г. категорически отверг роль Германии в качестве посредника в этом вопросе: «У меня сложилось впечатление, что диалоги японского и российского руководства настолько тесны, что они не нуждаются ни в каком посредничестве. И это впечатление у меня сложилось из контактов как с Россией, так и с Японией». Принципиальную позицию Бонна по территориальному спору между Японией и Россией министр иностранных дел ФРГ выразил следующими словами: «Нас в этом деле интересует, чтобы этот вопрос между двумя странами, с которыми мы связаны, разрешился с учетом всех прав»¹⁸. В целом следует отметить, что Германия не поддержала позицию Токио, в соответствии с которой все четыре острова должны принадлежать Японии.

В свою очередь, японское руководство первоначально не поддержало Германию, предложившую включить Россию в «Большую семерку». Когда в мае 1994 г. канцлер ФРГ Гельмут Коль заявил о возможности расширения «семерки» развитых стран до восьми членов, японский премьер-министр Цутому

Хата назвал подобное изменение преждевременным. Он выступил за сохранение существовавшей в то время формулы «семь плюс один».

ФРГ пыталась привлечь Японию к сотрудничеству и по другим проблемам, связанным с распадом Советского Союза. В частности, это касалось финансирования учреждения, целью которого являлось недопущение переманивания ученых-ядерщиков из бывшего Советского Союза в страны с ядерными амбициями. Обоснование такого ядерного научного учреждения было представлено Геншером в 1992 г. как «германо-американо-российская инициатива», которая открыта для присоединения других государств. В качестве одного из «потенциальных партнеров» Геншер назвал и Японию.

Что касается японо-германского сотрудничества по проблеме ядерной безопасности, то в 1990-е годы цели Японии и ФРГ в этом вопросе сблизились. Ввиду того что обретение ими ядерного оружия представлялось невозможным из-за правовых и моральных ограничений, то через процесс ядерного разоружения и лишения ядерных держав их единственного по отношению к Японии и ФРГ стратегического преимущества последние могли бы резко повысить свой мировой статус. Однако возможности двух стран добиться мирового лидерства путем ликвидации ядерного «козыря» у других ведущих держав были крайне ограничены. Мировое сообщество далеко от полного отказа от ядерного оружия, что подтверждается ростом числа участников «ядерного клуба». Здесь же следует отметить, что в 1990-е годы Япония и Германия пытались использовать безъядерный статус для повышения своей роли на международной арене. Так, оба государства в качестве одного из аргументов в пользу их принятия в число постоянных членов Совета Безопасности ООН выдвигали идею о том, что наличие безъядерных государств в этой структуре повысит ее легитимность и будет способствовать соблюдению принципа нераспространения оружия массового уничтожения.

Реализация программы Официальной помощи развитию (ОПР) также требовала укрепления сотрудничества Японии и ФРГ. Они являлись одними из основных и крупнейших кредиторов развивающихся стран, оказывали им техническую помощь. Ввиду высокого экономического уровня Японии и ФРГ их участие в ОПР имело большое значение. В то же время существовало определенное региональное разграничение между гуманитарными программами Японии и ФРГ: если первая основное внимание уделяла оказанию помощи развивающимся странам Азии, то вторая — странам Африки, а также реализации экономических реформ в государствах Восточной и Центральной Европы. Более того, наблюдалось стремление Японии не допустить распространения гуманитарных программ Германии на страны Азии ввиду опасений по поводу усиления экономических и политических позиций ФРГ в этом регионе. Поэтому, несмотря на наличие ряда предпосылок, в сфере оказания гуманитарной помощи Япония и ФРГ предпочитали действовать обособленно друг от друга на конкурентной основе, а сотрудничество между ними в этой сфере носило эпизодический характер.

Японо-германские экономические взаимоотношения в 1990-е годы продолжали динамично развиваться. Весомым фактором в экономическом сотрудничестве двух стран на этом этапе стала интенсификация процесса образования единого европейского рынка. В условиях перманентного углубления европейской интеграции возросло значение западноевропейского вектора внешнеэкономической политики Японии. Директор кельнского Института германской экономики Г. Фелс, сравнивая три ведущих экономических центра мира, отмечает, что «Европа, вне всякого сомнения, добилась значительно больших успехов, чем Япония, которая очень медленно выбирается из глубокого спада 1990-х годов»¹⁹. А объединенная Германия, один из наиболее

влиятельных членов Европейского союза, представлялась важным стратегическим партнером для обеспечения японских интересов на едином экономическом пространстве Европы.

Особенно отчетливо это можно заметить в инвестиционной сфере. В результате интеграционных процессов в Европе значительно возросла привлекательность ФРГ для японских капиталовложений. Германия в этом плане имела ряд преимуществ перед другими западноевропейскими государствами. Она являлась крупнейшим рынком среди европейских стран. Расширение ЕС и географическая близость ФРГ к Восточной Европе способствовали росту заинтересованности японских предпринимателей в инвестировании в германскую экономику.

Процесс объединения Германии также увеличил инвестиционную привлекательность экономики ФРГ. Согласно результатам опроса, проведенного летом 1990 г., большинство японских предпринимателей позитивно расценивали возможности инвестирования в Восточную Германию. Однако, вопреки ожиданиям, к середине 1992 г. японские капиталовложения в «новые» земли были незначительными. Исключение в силу своего географического и политического положения составлял лишь Берлин, где открыли филиалы многие преуспевающие японские компании. По-прежнему большинство японских инвестиций в ФРГ концентрировалось в «западной» земле Северный Рейн-Вестфалия. К 1992 г. там было сконцентрировано более половины японских инвестиций в ФРГ, действовали около 400 японских компаний, и проживало около 8 тыс. японцев (всего в Германии на этот год проживало 22,6 тыс. японцев)²⁰.

Политические перемены 1990-х годов создали хорошие возможности для осуществления совместных инвестиционных программ Японии и ФРГ на рынках стран Восточной Европы и в бывших республиках СССР. После окончания «холодной войны» и распада СССР эти государства стали привлекательным местом приложения инвестиций ведущих мировых держав. Японские инвесторы стали использовать ФРГ в качестве плацдарма и партнера для проникновения на новые рынки. Примеры подобного сотрудничества наблюдались на Украине, в Киргизии и других странах.

В то же время необходимо отметить, что в качестве страны приложения японского капитала у ФРГ были очень сильные конкуренты в Европе (Великобритания, Франция, Люксембург, Голландия). По мнению японских ученых, существовал ряд причин, снижавших экономические выгоды от инвестирования в ФРГ по сравнению с некоторыми другими западноевропейскими странами: сравнительно высокие таможенные тарифы на импорт японских капиталов, большие расходы на мероприятия по охране окружающей среды, высокие цены на землю²¹. Что касается германских инвестиций в японскую экономику, то на этом направлении ФРГ имела относительно слабые позиции, в результате чего ее дефицит во взаимном обороте капитала в 1990-е годы неуклонно возрастал.

В указанный период обострилась и традиционная для японо-германских связей проблема торгового дефицита. На конец 1992 г. отрицательное сальдо баланса в торговле с Японией составляло 106,6 млрд. долл., что превышало 1/3 общего дефицита в торговле с нею всех стран ЕС, а к концу XX в. Япония стала единственным основным торговым партнером, с которым у Германии был пассивный внешнеторговый баланс. В 1990-е годы появились новые факторы, способствовавшие резкому росту торгового дефицита ФРГ: увеличение импорта Германии как результат ее объединения, уменьшение импорта Японией потребительских товаров в результате общего сокращения внутреннего потребления.

Основное противоречие японо-германских торговых отношений в 1990-е годы заключалось в том, что ФРГ в двусторонних контактах с Японией выступала и как ее партнер, и как представитель ЕС. Как партнер она добивалась сокращения торгового дефицита, настаивая на открытии японского рынка для германской продукции по аналогии с принципами торгового сотрудничества Японии с США. Но при этом ФРГ оставалась на либеральных позициях и не предпринимала шаги по возведению неторговых барьеров на пути японских товаров. Однако как член Евросоюза ФРГ выступала за более сбалансированные торгово-экономические связи Японии с сообществом в целом. Так, министр иностранных дел ФРГ Геншер заявил, что «необходимо равновесие в экономических отношениях между Германией и Японией и между Японией и Европейским сообществом — равновесие, которое предотвратит опасность европейской зависимости и будет содействовать кооперации сторон»²². Но вместе с тем в отличие от большинства стран ЕС ФРГ не была поборником возведения протекционистских барьеров в торговле с Японией.

Описанная противоречивость позиции ФРГ ярко проявилась в вопросе об экспорте японских автомобилей в ЕС. Министр экономики ФРГ М. Бангеман в ходе своего визита в Японию в качестве вице-президента Комиссии ЕС заявил, что свобода сбыта японского транспорта европейского происхождения на территории ЕС должна быть гарантирована при любых обстоятельствах. В то же время он поддержал идею включения японских автомобилей, произведенных в Европе, в общее количество автомобилей, продаваемых Японией в ЕС.

Необходимо отметить, что в торговле ФРГ с Японией в 1990-е годы автомобили имели особое значение. Они занимали ключевое место в экспорте ФРГ вообще и в Японию в частности. Во многом на сильных позициях германского автомобилестроения основывался внешнеэкономический курс Германии, направленный на либерализацию мировой торговли. Это признают и японские авторы, отмечая, что правительство Германии активно поддерживало либеральную торговую политику, поскольку «Мерседес-Бенц», БМВ и «Фольксваген» были высококонкурентоспособными марками на европейском и международном рынках²³.

В рассматриваемое десятилетие германские производители автомобилей постоянно увеличивали объемы продаж своей продукции на японском рынке. Прежде всего речь идет о высокотехнологичных и дорогих автомобилях. Благодаря высокой покупательной способности населения Японии роскошные машины являются наиболее прибыльным сектором на японском автомобильном рынке. Это вынуждает японских производителей автомобилей в целях противодействия немецкой конкуренции выводить на рынки Японии бренды, разработанные ими для продажи в других странах, например «Лексус». Впрочем, как сказал президент японского отделения концерна «Фольксваген» Т. Юмино, «потенциал японских покупателей таков, что, будучи весьма лояльными к „Тоёте“, они могут оставаться открытыми и для других брендов». А представитель «Даймлер Крайслер» в Японии даже высказал точку зрения, что «с пришествием марки „Лексус“ в Японию рынок роскошных автомобилей переместится в центр всеобщего внимания и еще больше продемонстрирует японцам превосходство наших автомобилей»²⁴.

В 1990-е годы на японском рынке автомобилей компании ФРГ имели даже более прочные позиции, чем традиционный экономический и политический партнер послевоенной Японии — США. В этот период среди экспортеров автомобилей на японском рынке преобладали именно компании Германии («Фольксваген», БМВ, «Мерседес-Бенц»). Во многом это объяснялось избранной ими тактикой: если американская «большая тройка» («Дже-

нерал моторс», «Форд» и «Крайслер») при продвижении своей продукции в основном полагалась на политическое давление Вашингтона, то предприниматели Германии вели диалог с японцами в рамках торговых переговоров. Подобная ориентация на экономические методы продвижения своей продукции на японском рынке принесла фирмам ФРГ большой успех.

Несмотря на увеличение торгового дефицита ФРГ в целом, в 1990-е годы появились факторы, способствующие росту объемов германского экспорта в Японию: курс на открытие ее внутреннего рынка, значительное уменьшение цены немецких товаров, рост спроса в Японии на высококачественные потребительские товары известных иностранных компаний. В то же время следует отметить, что германские компании не в полной мере использовали огромные возможности для увеличения экспорта в Японию, так как не прикладывали значительных усилий для укрепления своих позиций на японском рынке. Лишь некоторые из них серьезно занимались изучением японского рынка и разработкой долгосрочных экспортных стратегий.

В 1990-е годы продолжалась конкурентная борьба между японскими и немецкими производителями на мировых рынках. Особый интерес представляет соперничество деловых кругов Японии и Германии на динамично развивающемся китайском рынке. Япония стремилась установить монополию на экономическое сотрудничество с КНР. Однако такая политика Токио не отвечала интересам Германии и главное — самого Китая. Политические и экономические круги КНР проводили исторические параллели с японским «покровительством» и стремились поддерживать экономические связи со всеми центрами мировой политики²⁵. Поэтому географически отдаленную от Китая, но экономически мощную Германию Пекин рассматривал как противовес Японии и США на китайском рынке. В качестве примера подобной нацеленности китайского руководства на сотрудничество с Германией можно привести визит Гельмута Коля в КНР (ноябрь 1993 г.), в ходе которого были заключены контракты на сумму 4 млрд. долл. В 1990-х годах ФРГ была самым крупным партнером КНР по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству в Европе. А в 2002 г. Китай, впервые опередив Японию, стал самым крупным торговым партнером ФРГ в Азии.

В то же время в такой важной для Германии области, как экспорт автомобилей, на китайском рынке немецкие производители уступали своим японским конкурентам. Можно выделить две основные причины такого положения: во-первых, японские автомобили были дешевле немецких, а во-вторых, японские производители ориентировались на продажи в КНР новых моделей, а не автомобилей, снятых с производства в развитых странах²⁶.

Однако далеко не все экономические и политические деятели Германии признавали целесообразность углубления экономического сотрудничества ФРГ и Китая. Инвестиции в китайскую экономику не приносили заметных дивидендов. В связи с этим влиятельные представители немецкого делового мира на современном этапе требуют от своего правительства переориентироваться на других партнеров в Азии — главным образом на Японию²⁷.

Если на протяжении практически всей второй половины XX в. между Японией и ФРГ шла борьба за китайский рынок, то в 1990-е годы к этому добавилась конкуренция за преобладание на рынках других азиатских государств. За 1996–2001 гг. прямые инвестиции ФРГ в Азии выросли на 20%. Укрепились позиции германского капитала во Вьетнаме, Индии, а также в Индонезии и на Филиппинах.

Несмотря на определенные успехи, в 1990-е годы ФРГ было очень трудно соперничать с Японией в Азии. Еще больше осложнилась для нее конкурентная борьба после объединения Германии. Оно привело к увеличению расхо-

дов правительства на внутриэкономическую сферу и снижению экспортной мощи ФРГ, в результате чего ощутимо упала ее доля в мировом экспорте. Анализ структуры международной специализации двух стран позволяет сделать вывод о том, что Япония и ФРГ являлись прямыми конкурентами на мировых рынках в следующих отраслях: автомобилестроение, машиностроение, производство металлоконструкций, химическая промышленность. Поэтому утраченные ФРГ позиции на мировых рынках становились предметом интереса японских компаний.

В то же время следует отметить, что фактор объединения Германии оказал двойное влияние на соотношение сил Японии и Германии в борьбе за лидерство на мировых рынках. «Новые» земли также обладали определенным внешнеэкономическим потенциалом и вскоре стали вносить свой вклад в укрепление позиций Германии на мировых рынках. Объем экспорта Германии после объединения составлял 680 млрд. марок, а импорта — 573 млрд. марок, в том числе земель бывшей ГДР — соответственно 38,1 млрд. и 22,9 млрд. марок²⁸. По сравнению с западными землями значение восточных земель для германского экспорта было невелико. Однако по мере вовлечения «новых» земель в отлаженную экономическую систему ФРГ в 1990-е годы возрастала и роль восточных земель в совокупном экспорте Германии.

Несмотря на обострение конкуренции Японии и ФРГ на мировых рынках, отличительной особенностью экономического сотрудничества этих стран в 1990-е годы стала активизация их совместного участия в транснациональных корпорациях (ТНК). С ростом процесса глобализации в экономике межнациональные объединения стали сглаживать проявления конкурентной борьбы между этими странами. Такие корпорации с участием японского и западногерманского капитала существовали и ранее. Однако именно в 1990-е годы взаимодействие Японии и ФРГ в этих многосторонних структурах стало едва ли не определяющим фактором в обеспечении сбалансированного функционирования мировой экономики. Японо-германское сотрудничество позволяло устранять экономические разногласия в «треугольнике» Япония—США—Европа.

Таким образом, в 1990-х годах политические и экономические отношения между Японией и ФРГ получили мощный импульс для развития; возросла значимость политических проблем, требующих взаимодействия этих стран, увеличилось количество экономических сотрудничества Японии и ФРГ. В то же время в японо-германских отношениях сохранилась узость политического взаимодействия, сильная политическая зависимость этих стран от США. В экономической сфере остались нерешенными проблемы торгового дисбаланса, закрытости японского рынка; обе страны продолжали остро соперничать между собой на мировых рынках.

Примечания

¹ *H. W. Maul.* Japan, Deutschland und die Zukunft der internationalen Politik. — Auf der Suche nach der Gestalt Europas. Bonn, 1990, S. 189.

² Sueddeutsche Zeitung. 23.08. 2001 (<http://www.inosmi.ru/issues/7.html>).

³ *И. Латышев.* Есть ли основания у Японии именоваться сверхдержавой. — Азия и Африка сегодня. 1996, № 2, с. 48.

⁴ *А. В. Иванов.* Внешняя политика и дипломатия Японии. — Внешняя политика и дипломатия стран Азиатско-Тихоокеанского региона. М., 1998, с. 112.

⁵ Deutschland und Japan. Die deutsch-japanischen Beziehungen in Gegenwart und Vergangenheit. Tokio, 1986, S. 7.

⁶ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89, п. № 30, д. № 17, с. 2–3.

⁷ Цит по: *Е. Лабецкая*. Особенности взаимоотношений КНР и Германии. — Объединенная Германия в Европе и мире. М., 1994, с. 141.

⁸ *М. И. Крупянко*. Япония в системе Восток–Запад: Политика, экономика. М., 1991, с. 7.

⁹ *Е. Лабецкая*. Цит. соч., с. 154.

¹⁰ Цит по: там же, с. 153.

¹¹ Japan und Europa: Getrennte Welten? Frankfurt a. M., 1993, S. 500–502.

¹² *G. Hielscher*. Konturen einer deutschen Japan-Politik. — Japan und Europa: Getrennte Welten? S. 378.

¹³ Цит по: *А. Черветто*. Многополярный мир 1990–1995. М., 2003, с. 88.

¹⁴ ООН. Основные факты. М., 2000, с. 345, 348.

¹⁵ *З. Бжезинский*. Отсутствие единства подрывает влияние Европы на мировой арене (<http://www.inosmi.ru/text/stories/02/10/07/3168/>).

¹⁶ http://www.scripts.online.ru/money/news/98/08/26_012.htm

¹⁷ Цит по: *А. Черветто*. Цит. соч., с. 85.

¹⁸ Japan und Europa, S. 502.

¹⁹ Экономическая привлекательность Европы. (http://www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Publikationen/Wirtschaft/DownloadDatei__Standort,property=Daten.doc).

²⁰ *М. Конте-Хельм*. The Japanese and Europe. Economic and Cultural Encounters. L., 1996, p. 91.

²¹ Япония в современном капиталистическом мире. Ч.1. М., 1987, с. 177.

²² Europäisch-japanische Zusammenarbeit im Aufbau einer neuen Welt. — Deutsche Außenpolitik nach der Einheit, 1990–1993. Bonn, 1994, S. 86.

²³ *А. Абе*. Japan and the European Union: Domestic Politics a. Transnat Relations. L., 1999, p. 75.

²⁴ Немцы в Японии чувствуют себя хозяевами (<http://www.voditelu.ru/article-943>).

²⁵ *Е. Лабецкая*. Цит. соч., с. 156.

²⁶ *Ю. В. Саплин-Силановицкий*. Стратегия японских компаний. — Япония. 2004/05. М., 2006, с. 179.

²⁷ *О. Никифоров*. Германия отворачивается от Китая. — Эксперт. 2006, №20.

²⁸ *Н. Е. Григорук*. Статистика внешнеэкономических связей. М., 1993, с. 105.

ХОККАЙДО В КОНЦЕ XVI–НАЧАЛЕ XX В. (японский опыт освоения периферии)

К. Г. Виноградов

Япония включилась в мировую капиталистическую систему в середине XIX в. Включилась не по доброй воле, а вынужденно, под давлением мировых держав.

Экономика страны, которая в течение длительного времени была мало связана с внешним рынком и развивалась сравнительно медленно, попала в совершенно иные условия экспорта и импорта значительной массы товаров. От всех этих внезапно возникших перемен выгадывали в первую очередь европейцы и американцы. Они пользовались особыми привилегиями в Японии и обладали значительными капиталами, что давало им возможность умело использовать конъюнктуру рынка. Быстро возраставший мировой спрос на шелк, чай и другую сельскохозяйственную продукцию, несомненно, способствовал увеличению товарности земледелия, ускорял процессы расслоения в деревне.

Хуже всего пришлось основной массе японского крестьянства и городской бедноте. Даже выгодное для них повышение цен на шелк, чай и хлопок крестьяне не могли использовать, так как были слабо связаны с городским рынком, и от изменений конъюнктуры в выигрыше оставались не они, а различные посредники. Наряду с расширением площадей под тутовыми деревьями, хлопком и чаем сокращались посевные площади под рисом. Реставрация Мэйдзи (1868 г.), которая открыла путь капиталистического развития страны, не облегчила положения большинства населения.

Однако со времени этого исторического события не прошло и полувека, как Япония вошла в «клуб великих держав» и получила возможность извлекать прибыли из колоний. В этот же период страна успешно справилась с задачей освоения своих северных окраин и вообще северной части Тихого океана. Об этом свидетельствует, в частности, рост численности населения Хоккайдо: если в 1875 г. оно составляло 0,5% населения Японии, то в 1920 г. — уже 4,3%, а доля Хоккайдо в ВВП Японии к концу рассматриваемого периода достигла почти 4%⁵³.

До 1900 г. в экономике Хоккайдо первое место по стоимости продукции занимало рыболовство. Затем лидерство перешло к сельскому хозяйству, а с 1915 г. доминирующее положение заняла промышленность. Основу промышленного производства формировали средние предприятия, главным образом пищевой и лесной промышленности, но на острове возник и ряд самых передовых для того времени отраслей.

С 1893 г. там было развернуто производство газетной бумаги, которую до этого времени Япония была вынуждена импортировать. Именно на Хоккайдо в городе Муроран в 1907 г. британские фирмы «Армстронг» и «Виккерс» построили первый в Японии завод по производству тяжелых корабельных

орудий⁵⁴. Практически одновременно в Муроране были сооружены и первые в Японии доменные печи⁵⁵. К 1941 г. металлургический комбинат в Муроране уступит по мощности лишь комбинату в Явате (Кюсю). Остров стал другим.

Природные условия Хоккайдо мало подходили для привычных японцам методов ведения сельского хозяйства. Поэтому для освоения Хоккайдо японские власти еще с 1850-х годов начинают широко привлекать западных, главным образом американских, специалистов. Так, в 1871 г. в качестве советника по освоению Хоккайдо в Японию прибыл министр сельского хозяйства США Х. Кэпрон. В 1876 г. на Хоккайдо был приглашен У. Кларк — директор Сельскохозяйственного колледжа штата Массачусеттс. Кларк основал в Токио Сельскохозяйственную школу Саппоро, которая впоследствии была переведена на Хоккайдо. Эта школа стала первым высшим учебным заведением на острове, а также одним из христианских центров в стране. Кроме того, японские власти начали активно посылать на учебу в западные страны стажеров, преимущественно выходцев из самурайских семей.

При увлечении западными методами сельского хозяйства местные крестьяне все же упорно пытались адаптировать рис к условиям Хоккайдо. За это они даже порой подвергались наказаниям со стороны властей. Тем не менее их усилия увенчались успехом — с 1890-х годов рисоводство стало на острове возможным. Правда, на значительные объемы производства удалось выйти лишь в 1920-е годы. Во второй половине XX в. Хоккайдо превратился в крупнейшего производителя риса среди префектур Японии, опередив в 1963 г. префектуру Ниигата⁵⁶. Возможность выращивать рис сыграла огромную роль в укоренении японского населения на Хоккайдо.

Несколько слов о коренном населении острова — айнах. В первой половине XIX в. айнское население неуклонно сокращалось. С наступлением периода Мэйдзи и началом активного освоения Хоккайдо численность айнов стабилизировалась, но не росла. В 1873–1935 гг. на Хоккайдо проживало примерно 16 тыс. айнов, но их доля в населении острова стремительно сокращалась — с 14,6% в 1873 г. до 0,5% в 1935 г.⁵⁷

Отношения между айнами и японскими переселенцами складывались непросто, но надо отдать должное властям и общественным деятелям — проблемами айнов они в середине XIX — начале XX в. занимались. К этому их побуждала сложная международная обстановка в северной части Тихого океана, требовавшая в стратегических интересах обеспечить лояльность айнского населения, которое проживало на территории и Японии, и России. Отмечу также весьма важный символический аспект. Дело в том, что, вступив в Новое время, Япония провозгласила себя империей, и айны, наряду с жителями Окинавы, были «необходимыми» для империи «иными», «неяпонскими» народностями.

В 1899 г. японский парламент принял закон «О покровительстве над аборигенами». С поправками 1919 и 1937 гг. он действовал до 1997 г. Суть правительственной политики заключалась в том, чтобы превратить айнов — охотников и рыбаков — в оседлых земледельцев. Была выработана программа наделяния айнов землей, которая начала осуществляться с 1901 г. Однако лишение основных охотничьих угодий, отсутствие навыков сельскохозяйственного труда, вековые традиции, не воспитавшие умение выживать в конкурентной борьбе со все возрастающим пришлым населением, мешали переходу к новому укладу жизни. Земли нередко сдавались в аренду японским крестьянам, которые незаконно превращали их в свою собственность. В целях предотвращения этого власти Хоккайдо стали принимать ограничительные меры, создавали айнские кооперативы, земля которых не подлежала продаже, зало-

гу или сдаче в аренду⁵⁸. К 1916 г. 60% айнского населения в качестве основного вида деятельности уже занималось сельским хозяйством.

Выше отмечалось, что в Новое время Япония справилась с задачей освоения Хоккайдо. Однако почему на страницах авторитетного и монументального японского издания⁵⁹ Хоккайдо этого времени характеризуется как «внутренняя колония»?

Обратимся к данным о социальной структуре деревни, представленным в солидной монографии «Хоккайдо: история и современность»⁶⁰. Судя по ним, на Хоккайдо была зафиксирована самая высокая в Японии доля арендаторов и полуарендаторов, т.е. несамостоятельных крестьян, — 68% (1929 г.).

В связи с тем, что интенсивное сельскохозяйственное освоение острова началось только после 1868 г., одновременно с буржуазными преобразованиями в стране, аграрные отношения на Хоккайдо начали формироваться значительно позже, чем в остальной части Японии. Предполагалось, что крупные земельные владения, число которых неуклонно росло благодаря протекционистским мерам правительства, должны были стать капиталистическими хозяйствами с применением современной агротехники и наемной рабочей силы. Хоккайдо отводилась роль авангарда в процессе формирования капиталистических отношений в японской деревне. Естественные условия на острове, где имелись обширные свободные земли, пригодные для сельскохозяйственного освоения, социальные условия в деревне, куда еще не внедрилась в полной мере традиционная система землепользования с преобладанием мелких и мельчайших хозяйств, использование аграрного опыта развитых стран — все эти факторы позволяли надеяться, что молодое сельское хозяйство острова можно будет направить по капиталистическому пути.

Такие попытки предпринимались и в некоторых других районах Японии, однако на Хоккайдо капиталистические хозяйства фермерского типа внедрялись более интенсивно. Их всячески поощряли государственные органы, ведавшие освоением Хоккайдо. Примерами могут служить крупные фермерские хозяйства Хасигути, Хатисука, Уतिकоси и др.

Тем не менее и на Хоккайдо, где вначале не существовало системы помещичьего землевладения, господствовавшей в Японии, эти капиталистические хозяйства не были долговечными. Для собственников земли более привлекательной оказалась система полуфеодалных арендаторских хозяйств. Помещикам Хоккайдо была очевидной выгодность хозяйств, основанных на аренде, дававших устойчивые доходы, не связанные с риском, который всегда присутствовал в деятельности хозяйств предпринимательских⁶¹.

На Хоккайдо система землевладения и землепользования имела свою специфику, обусловленную крайним положением острова и аграрной политикой в отношении отсталого в экономическом отношении региона страны. Социально-экономическая структура тамошней деревни сформировалась в течение относительно короткого исторического периода под непосредственным воздействием наличия огромного фонда свободных земель, активного распределения и продажи государственных целинных земель, создания крупных земельных владений помещиков.

Среди особенностей землевладения на Хоккайдо необходимо выделить высокую степень концентрации земли в помещичьих владениях. В 1914 г. в собственности 0,7% помещиков Хоккайдо, имевших свыше 50 *тё* обрабатываемой земли (в Японии помещиков, имевших свыше 50 *тё* земли, было принято считать крупными), было сосредоточено 49,6% земли. В 1923 г. 54,6% крупных помещиков Японии владели землей на Хоккайдо, и даже при постепенном сокращении этой категории землевладельцев в 1920–1940-е годы такие

помещики на Хоккайдо составляли более 40% всех крупных землевладельцев страны⁶².

Еще одной особенностью землевладения на острове являлось значительное число «отсутствующих помещиков», в число которых входили бывшие *даймё* и их потомки, аристократы, представители крупного капитала, а также средние и мелкие предприниматели, в большинстве своем не проживавшие на Хоккайдо. Действительно, надо отметить, что в условиях мелкого землепользования хозяину не нужно было слишком утруждать себя. Японские специалисты отмечают, что положение хоккайдоских крестьян было тяжелее, чем на основной территории Японии, так как земельные собственники на Хоккайдо были в гораздо меньшей степени стеснены традиционной системой патронажно-клиентских связей, ко многому обязывавшей хозяев⁶³.

Для всех крестьянских переселенцев на Хоккайдо уже с 1870 г. предусматривалось обязательное вхождение в общину: традиционные «пятиворки» и более крупные единицы примерно по 25 дворов⁶⁴. Таким образом, на «чистом поле экспериментов» была незамедлительно воспроизведена традиционная организация деревни периода Эдо.

Замечу, что японским властям предлагали создавать на Хоккайдо не «помещичий», а «фермерский рай». Американский советник Хорас Кэпрон в 1871 г. выдвинул идею заселить Хоккайдо белыми американскими фермерами, наделив их участками земли по 30 га и более⁶⁵. Японцы отказались. Им нужен был свой, японский Хоккайдо. «Архаичные», некапиталистические формы эксплуатации показали себя более выгодными не только с экономической стороны. Они еще и позволили облегчить проблему безземелья и занятости, особенно для самураев, разорившихся в результате слома сёгунско-княжеской системы.

Что касается рыболовства — другой важнейшей для Хоккайдо того времени отрасли, то она не претерпела сколько-нибудь существенных организационных изменений со времен княжества Мацумаэ. Конечно, рыболовная отрасль осваивала новую технику и методы, но главным образом, по-моему, своим развитием она была обязана победам японского военного флота, что дало ей возможность в течение почти всей первой половины XX в. вести фактически ничем не ограниченный промысел в дальневосточных водах, в том числе русских.

Новейшие же предприятия того времени — прежде всего оружейные, судостроительные, металлургические и металлообрабатывающие — также были плодом политики правящего слоя Японии. Ради них и эксплуатировались японские крестьяне и рыбаки.

В результате войн, а также междоусобиц в княжестве Мацумаэ, о которых было сказано ранее, система властных отношений на острове оказалась практически разрушенной.

Правительство Мэйдзи, как и *бакуфу*, продолжало управлять Эдзо из Хакодатэ. Сам же Эдзо вскоре переименовали в Хоккайдо и поделили на 11 провинций (*кун*) и 86 уездов (*гун*). Переименование Эдзо было важным вопросом государственного управления. Поскольку большая часть Хоккайдо была еще неподвластна центру и быстрое освоение острова не представлялось возможным, правительство Мэйдзи хотело хотя бы так продемонстрировать «рыв с прошлым».

В июле 1869 г. в правительстве было создано Колонизационное управление (Кайтакуси). Глава этого ведомства имел ранг министра с правом прямого доклада императору⁶⁶. Сначала Кайтакуси возглавил *даймё* Наомаса Набэсима, затем его сменил аристократ (*кугэ*) из Киото Мититоми Хигасикудзэ. Назначение подобных личностей на должности руководителей ведомств было

типичным явлением в первые годы Мэйдзи. Я считаю, что пришедшие к власти в результате Реставрации Мэйдзи средние и низкоранговые самураи нуждались в своего рода прикрытии со стороны «традиции». Когда же положение новых лидеров упрочилось и нужда в этом отпала, те *даймё* и *кугэ*, которые служили лишь декорацией, были мягко отстранены.

В этом отношении Хоккайдо не был исключением. Номинальное, как мне кажется, руководство Набэсимы и Хигасикудзэ было недолгим. В 1870 г. во главе Кайтакуси встал один из выдающихся деятелей Реставрации Мэйдзи, выходец из княжества Сацума Киётака Курода. Типичный представитель новой элиты, он происходил из низкоранговых самураев. За военные заслуги при подавлении сопротивления северо-восточных княжеств и остатков войск *бакуфу*, в том числе и на Хоккайдо, Курода в 1869 г. был «на вечные времена» удостоен огромной рисовой стипендии в 700 *коку*. Таким образом, освоение Хоккайдо возглавили типичные представители правящего слоя Японии.

При основании Кайтакуси компетенция этого государственного органа была определена весьма широко, буквально одной фразой — «ведать освоением всех земель»⁶⁷, что было характерно для вновь образовавшихся тогда ведомств правительства Мэйдзи. Помимо Главного управления (Хонтё) Кайтакуси в городах Хакодатэ, Отару, Нэмуро, Соя были созданы его отделения — *ситё* (вплоть до настоящего времени этим термином на Хоккайдо обозначаются как административные учреждения, так и подведомственные им территории). Основными отделами внутри *ситё* были: общий, сельскохозяйственный, строительный. Могли добавляться отделы портовых сборов, золотодобычи, промышленности, уголовный, транспортный, госпитальный⁶⁸. Количество подразделений в *ситё* отражало уровень заселенности и освоённости. Среди других особенно выделялось *ситё* в Хакодатэ, курировавшее самые освоённые места на Хоккайдо. Документы, более или менее четко оговаривающие структуру Колонизационного управления и должностные обязанности его чиновников, были приняты в 1875 г.⁶⁹.

В январе 1870 г. годовое содержание Кайтакуси было определено примерно в 280 тыс. иен. Численность чиновников Управления изначально составила 335 человек, а через три года — 353. Обеспечение хозяйственной деятельности Колонизационного управления было возложено на купца Хатиросэмона Мицуи, которому было поручено организовать «Торговую компанию Хакодатэ»⁷⁰.

Полномочия Кайтакуси были весьма широки, в частности ему предоставили право выносить решения по уголовным преступлениям (правда, вынесение смертных приговоров оставалось прерогативой центрального правительства) и даже дали право выпускать деньги, имевшие хождение лишь на Хоккайдо⁷¹.

На первых порах Кайтакуси размещалось в Токио. Но очень скоро оно переместилось в Хакодатэ, а затем, в 1871 г., Главное управление переехало во вновь отстраивавшийся город Саппоро на равнину Исикари в центральной части Хоккайдо. Это место привлекло внимание еще представителей сёгунского правительства как опорной базы для продвижения на Сахалин. Кроме того, не последнюю роль, видимо, сыграло желание быть подальше от находившихся в Хакодатэ консульств западных держав и, соответственно, их военных кораблей. В Токио же осталось лишь представительство во главе с начальником Управления и его первым заместителем, которое и осуществляло фактическое руководство.

Власть Кайтакуси не сразу распространилась на весь Хоккайдо. В правительстве не было единства мнений в отношении способов освоения острова. Оно оказалось перед типичным в таком случае выбором — заниматься этим самому или отдать на откуп другим. Одни стояли за то, чтобы правительство

занималось освоением и управлением напрямую, другие же считали целесообразным разделить территорию Хоккайдо, Сахалина, южных островов Курильской гряды на зоны ответственности отдельных княжеств, которые были ликвидированы только в 1871 г.

Первый вариант, конечно, был более желательным, но трудноосуществимым. Справедливо мнение японских историков о том, что само правительство Мэйдзи в первые годы своего существования было единым лишь внешне. Ему еще предстояло пройти путь консолидации⁷².

Был выбран промежуточный вариант: Колонизационное управление, т.е. орган центрального правительства, осуществляло общее руководство, а Хоккайдо, Сахалин и южные острова Курильской гряды были разделены на зоны ответственности княжеств. Границы этих зон могли быть изменены указанием «сверху», а сами княжества лишены права управления выделенными землями. Такая система представляла собой «переиздание» на Хоккайдо сёгунско-княжеской системы в уменьшенном масштабе, правда, при гораздо меньшей свободе отдельных княжеств. Таким образом, можно утверждать, что правительство Мэйдзи не стало импортировать на Хоккайдо новые, «зарубежные» формы власти, а воспроизвело собственные, «архаичные». Впрочем, составные части получили уже меньшую степень свободы, что и являлось главной целью создания новой государственной системы.

В 1870 г. из 86 уездов Хоккайдо под прямым управлением находилось 20, под прямым управлением военного ведомства — 9, тогда как остальные 57 управлялись отдельными княжествами, префектурой Токио, отдельными аристократическими и самурайскими семьями и даже буддийскими храмами. Как видим, Кайтакуси приходилось делить власть не только с отдельными княжествами, но и с военным ведомством, которое отвечало за перевод и содержание на Хоккайдо самураев северо-восточных княжеств, разбитых в междоусобной войне⁷³.

Просьбы предоставить земли на Хоккайдо поступали главным образом от северо-восточных княжеств, а более богатым и сильным западным княжествам правительство Мэйдзи фактически навязывало зоны ответственности на Хоккайдо. Западные княжества соглашались весьма неохотно, стараясь, и безуспешно, отказаться под предлогом больших расстояний и непривычности климатических условий. Основную силу самурайских групп, добывавшихся земель на Хоккайдо, составляли самураи северо-восточного княжества Сэндай. Многие из земель княжества конфисковали, поэтому для его самураев получение земель на Хоккайдо было и вопросом материального существования, и вопросом «реабилитации» в глазах нового правительства.

В связи с тем, что в июне 1869 г. князя Мацумаэ «вернули» императору свое право владения, на их землях было образовано княжество Татэ, которое просуществовало до июля в 1871 г., когда его упразднили и оно превратилось в префектуру с одноименным названием. Впрочем, уже в сентябре того же года ее присоединили к префектуре Хироаки, которую от бывшего владения князей Мацумаэ отделил довольно широкий пролив Цугару. Лишь в сентябре 1872 г. эта территория была переведена в юрисдикцию Колонизационного управления.

Японские историки полагают, что разделение Хоккайдо на зоны ответственности между княжествами не принесло существенных результатов в его освоении. В качестве главной причины указывают на слабую финансовую базу отдельных княжеств. Однако, по их мнению, именно в первые годы Мэйдзи стали складываться самурайские группы, которые сыграли очень большую роль в последующем освоении Хоккайдо и в управлении выделенными им территориями⁷⁴.

В 1871 г. правительство Мэйдзи решило резко увеличить расходы на освоение Хоккайдо в соответствии с предложениями Киётаки Куроды. В течение десяти лет на это планировалось выделить свыше 10 млн. иен⁷⁵. Чтобы представить, насколько значительной была такая сумма для правительства Мэйдзи, достаточно сказать, что все его расходы в 1871 фин. г. составили 19 млн. иен, а в 1873 фин. г. — около 43 млн. иен⁷⁶. По сравнению с тем, что выделялось на освоение Хоккайдо в 1869 г., ежегодные затраты возросли более чем в 3,5 раза. Думается, что такое внимание к Хоккайдо было обусловлено как российско-японскими противоречиями из-за Сахалина, так и социальной напряженностью внутри самой Японии. Нужно было обустривать лишившихся прежних доходов самураев, а также безземельных крестьян. Эти проблемы предполагалось решать посредством освоения Хоккайдо и превращения его в северный форпост.

После упразднения системы княжеств весь Хоккайдо, за исключением четырех уездов полуострова Осима, которые до 1873 г. входили в префектуру Татэ-Хиросаки, перешел в ведение Колонизационного управления.

На вновь осваиваемых территориях организация власти проходила не менее трудный путь, чем развитие хозяйства. В первые годы Мэйдзи суды в Японии не были отделены от остальных органов власти. Кайтакуси не было исключением — на него, в частности, возлагались функции правоохранения и правосудия. Ввиду того, что иностранцы на территории Японии пользовались консульской юрисдикцией, преступления, связанные с подданными других государств, являлись предметом ведения Иностранного отдела отделения в Хакодате.

В 1872 г. японское правительство выделило суды из обычных органов государственной власти. В 1873 г. Киётака Курода подал прошение об учреждении суда в Хакодате, который и был создан в 1874 г.⁷⁷. Учитывая то, что там располагались консульства ведущих мировых государств, суд Хакодате должен был, конечно, играть роль своего рода «витрины» модернизирующейся Японии. Его компетенция распространялась лишь на территорию *ситё* Хакодате. Другие *ситё* могли через Главное управление обращаться в этот суд за разъяснениями. Однако и после 1874 г. в тех префектурах, где отсутствовали суды, территориальные начальники продолжали выполнять судебские функции. К таким территориям относились, в частности, Окинава и большая часть Хоккайдо.

Регулярная полиция была создана на Хоккайдо в начале 1870-х годов тоже лишь в городах Хакодате и Саппоро⁷⁸. По всей видимости, поддержание правопорядка на Хоккайдо в решающей степени возлагалось на группы самурайских переселенцев и военных колонистов (*тондэнхэй*), также набравшихся из самураев.

Идея создания военных поселений на Хоккайдо выдвигалась еще до эпохи Мэйдзи. Тем не менее вопрос о создании военных поселений был окончательно решен лишь к 1874 г., в них набирали главным образом обедневших самураев северо-восточной части Хонсю. Командование военными поселениями было также возложено на Киётаку Куроду. Год от года количество военных поселенцев росло. Японские власти явно опирались на опыт российских казачьих поселений⁷⁹. На Хоккайдо даже приглашались плотники из России для возведения жилья по русским образцам. В 1870-х годах глава военного ведомства Аритомо Ямагата направил в Россию генерал-майора Такэсиро Нагаюму в целях изучения российских казачьих поселений⁸⁰.

К 1899 г., когда наборы *тондэнхэй* были прекращены, военные поселенцы вместе с семьями составляли около 40 тыс. человек, т.е. около 4% населения

острова. Они сыграли значительную роль и в хозяйственном освоении Хоккайдо, в частности подняли 70 тыс. га целины.

Таким образом, можно заключить, что правящий слой Японии создал на Хоккайдо мощную военизированную организацию. Именно эта «архаичная» форма позволила обеспечить порядок на Хоккайдо. В августе 1918 г., когда по всей Японии прокатились «рисовые бунты», на усмирение которых было брошено 100 тыс. войск, Хоккайдо оставался спокойным⁸¹. Отмечу, кстати, что впоследствии система военных поселений была воспроизведена в Маньчжурии.

До эпохи Мэйдзи система местного самоуправления (выборы старост, сходы) существовала лишь в южной части Хоккайдо. На остальной территории — прибрежной и внутренней — руководство осуществляли начальники торговых и рыбопромышленных факторий (*басё*). С образованием Колониального управления система *басё* была формально упразднена. Однако поскольку наладить иную систему власти в отдаленных и неосвоенных местах было сразу невозможно, дело свелось к попыткам включить «правивших» там начальников факторий в ряды чиновников Кайтакуси с присвоением им соответствующих званий⁸². По существу, правительству приходилось обеспечивать официальную поддержку уже существовавшим формам власти. Колониальное управление оставляло бывшим управляющим и функции сборщиков налогов. Особенно сильна была система факторий на западном побережье Хоккайдо.

Справедливости ради следует отметить, что в тех местах, где Кайтакуси было способно наладить управление своими силами, оно это делало. В период с 1868 по 1872 г. там, где можно было рассчитывать на становление самостоятельных хозяев, способных платить налоги, Кайтакуси стремилось обеспечить возможность некоторого самоуправления под своим контролем⁸³.

Таким образом, в начале 1870-х годов на Хоккайдо сосуществовали система городского и сельского самоуправления, присущая Японии периода Эдо, закамуфлированная система факторий и, наконец, система прямого управления со стороны Кайтакуси с оплачиваемыми начальниками для групп сельскохозяйственных переселенцев.

Для того чтобы укрепить свою власть и расширить налоговую базу, правительство Мэйдзи в самом начале 1870 г. взялось за реформирование местного управления, т.е. за построение прозрачной системы.

В ходе реформы местного самоуправления на Хоккайдо вводится система районов. Набирать их начальников приходилось из тех же управляющих факторий и деревенских старост. Круг обязанностей и жалованье районных начальников определялись освоенностью и заселенностью.

По мере того как в результате аграрной реформы первой половины 1870-х годов на основной территории Японии сложился слой помещиков и богатых крестьян, правительство стало постепенно расширять для него возможности участия во власти. В 1878 г. оно издает три закона: Закон о реорганизации уездов, районов, деревень, кварталов, Закон об учреждении префектуральных собраний, Закон о местных налогах. Затем, в 1880 г. был принят Закон о районных, квартальных, деревенских сходах. По новым законам упразднялась система районов, восстанавливалось административное деление на уезд, район, квартал, деревню. При этом кварталы и деревни становились субъектами местного самоуправления.

Хоккайдо наряду с Окинавой был исключен из зоны действия этих законов. Некоторые их положения, правда, распространялись на территорию *ситё* Хакодате⁸⁴. Кайтакуси поддерживало местное самоуправление лишь в наиболее освоенных и заселенных местах, однако в отдаленных местностях принцип выборности местного начальства не вводился еще долгие годы.

Иначе говоря, центральная власть устанавливала правильный с ее точки зрения порядок, но там, где он встречал явное и подтверждаемое реальной силой недовольство, она шла на уступки и сохраняла прежний порядок.

В январе 1882 г. Колонизационное управление упразднили. Скорее всего, оно стало жертвой борьбы правящих группировок, которые формировались по принципу принадлежности к таким отличившимся в Реставрации Мэйдзи юго-западным княжествам, как Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн. Наверное, многие были недовольны тем, что Хоккайдо являлся практически монопольным владением сацумской группировки. Сацумское восстание, последовавшее за ним убийство главы ведомства внутренних дел Тосимити Окубо и другие события привели к временному ослаблению сацумской клики. Так, место Окубо занял Хиробуми Ито — выходец из бывшего княжества Тёсю. Промышленное ведомство возглавил Каору Иноуэ — также выходец из Тёсю. Во главе финансового ведомства встал Сигэнобу Окума — выходец из бывшего княжества Хидзэн. Эти люди не считали нужным продолжать линию Тосимити Окубо на форсированное освоение Хоккайдо⁸⁵.

Особенно остро противоречия между самурайскими кликами и аффилированными с ними коммерческими компаниями проявились в 1882 г. в ходе так называемого Хоккайдоского инцидента, связанного с распродажей государственных предприятий, складов и другого имущества частным лицам.

В результате Хоккайдо был разделен на три префектуры: Саппоро, Хакодате, Нэмуру. Следует обратить внимание на то, что во главе двух из этих трех префектур оказались представители самурайских группировок Тёсю и Тоса. Таким образом, Сацуме пришлось поделиться властью на Хоккайдо. В январе 1883 г. при Министерстве сельского хозяйства и торговли был образован Департамент по делам Хоккайдо. В его ведение были также переданы шахты и железные дороги Хоккайдо⁸⁶. Освоением стали заниматься различные ведомства, что неизбежно повлекло за собой дублирование и трения. По всей видимости, неадекватность такого раздробления скоро стала очевидной, и период «одного департамента и трех префектур» длился недолго. Уже в 1886 г. был вновь создан единый орган — Управление Хоккайдо (Хоккайдотё).

Директор Управления имел более низкий статус, нежели глава Кайтакуси: в отличие от последнего он мог докладывать напрямую лишь премьер-министру, а не императору. Теперь директор должен был следовать указаниям министерств в рамках их компетенции. Первым директором Управления стал Мититоси Ивамура, который в начале 1870-х годов стоял у истоков Кайтакуси, но был отстранен из-за расхождений с могущественным Киётакой Куродой.

Тем не менее власть директора Управления Хоккайдо была больше, чем у губернатора обычной префектуры. В отличие от обычных губернаторов директор имел в своем подчинении полицию, в его ведении находилось распределение земель переселенцам, он отвечал за лесные ресурсы, ему же принадлежало право утверждения всех сделок с землей айнов.

Во время пребывания Ивамуры на посту директора на глав уездов и городов одновременно были возложены обязанности глав местной полиции. Такой порядок сохранялся до 1896 г., на десять лет дольше, чем на основной территории Японии.

Постепенно статус директора Управления Хоккайдо снижался. В 1890 г. он стал ответственен уже не перед премьер-министром, а перед министром внутренних дел. Одновременно расширялись полномочия отдельных министерств. Так, в 1885 г. Министерство почт стало отвечать за почтовое сообщение на Хоккайдо. В 1890 г. Министерство двора взяло на себя управле-

ние императорскими землями на острове. Места лишения свободы и тюрьмы в 1895 г. были переданы Министерству внутренних дел, а позднее — Министерству юстиции. В 1896 г. сбором налогов стало заниматься Министерство финансов. В 1896 г., когда на Хоккайдо была размещена 7-я пехотная дивизия, военные поселения перешли в ведение военного министерства. На примере Хоккайдо ясно видно, что развитие в системном смысле, т.е. увеличение количества элементов при возрастании степени единства, есть процесс, требующий значительного времени. И разделение, в том числе властных функций, при условии сохранения единства тоже осуществимо не сразу.

Право избирать депутатов палаты представителей парламента Японии распространилось на жителей Хоккайдо в 1902 г. — на 12 лет позже, чем на остальной территории Японии, за исключением Окинавы. Лишь в 1918 г. — на 28 лет позже, чем на основной территории Японии, крупнейшие налогоплательщики Хоккайдо получили право избирать из своей среды депутатов палаты пэров парламента. До 1919 г. лишь 15 тыс. жителей Хоккайдо (0,7% населения) обладали правом голоса на выборах депутатов палаты представителей, тогда как в среднем по Японии таким правом обладали 1,5% населения⁸⁷. Иными словами, на Хоккайдо доля населения, имевшего право голоса, была более чем в два раза ниже, чем по Японии в целом. Такое положение говорит о социальной структуре острова того времени. Дело в том, что по избирательному закону право избирать предоставлялось мужчинам старше 25 лет, платившим не менее 15 иен прямого налога (прямыми налогами считались только земельный и подоходный) и проживавшим в своем избирательном округе не менее полутора лет. Высокая степень концентрации земельных владений на Хоккайдо, естественно, вела к сокращению общего числа избирателей. В свою очередь, ни крестьяне, ни рыбаки не могли удовлетворить ценовым требованиям.

Правительство стремилось насаждать местные представительные органы, с тем чтобы облегчить собственное бремя. Однако компетенция представительного собрания Хоккайдо долгое время была уже, чем у обычных префектуральных собраний, тогда как власть директора Управления Хоккайдо — больше, чем у обычного губернатора. Более простой была и структура представительных органов на Хоккайдо. Равного статуса с обычными префектуральными ассамблеями ассамблея Хоккайдо достигла лишь в 1920-е годы.

С конца XIX в. политические партии стали распространять свое влияние на Хоккайдо. В 1898 г. здесь было учреждено отделение Кэнсэйто. В 1901 г. свое отделение открыла партия Сэйюкай. Большинство членов представительного собрания Хоккайдо принадлежало именно ей. В 1916 г. эта партия обрела господствующее положение в ассамблее Хоккайдо. Однако, как отмечают японские историки, партийная принадлежность не имела большого значения на Хоккайдо⁸⁸.

С конца 1880-х годов главной особенностью муниципального устройства острова стала двухуровневая система населенных пунктов⁸⁹. На первом уровне управление соответствовало обычным населенным пунктам Японии. На втором уровне глава администрации назначался чиновником, а не избирался местным собранием. Сходы в населенных пунктах второго уровня имели меньшее число членов и урезанные полномочия. Хотя число населенных пунктов первого уровня неуклонно росло, но даже в 1920-х годах на Хоккайдо подавляющее большинство населенных пунктов относились ко второму уровню. Такая двухуровневая система просуществовала до 1947 г. Таким образом, «архаичность» административного устройства на всех уровнях сохранялась очень долго.

В результате того, что Япония вышла победителем из русско-японской войны, Хоккайдо из прифронтовой зоны стал все более превращаться в глубокий тыл и оказался весьма привлекательным местом для размещения новейших предприятий тяжелой, в том числе и военной, промышленности. На Хоккайдо все более разрастались островки модернизации, капиталистических отношений.

* * *

Фактически до конца XVIII в. японцы воспринимали айнов и их землю, т.е. большую часть Хоккайдо, как «чужих», «внешних» (*сото*). С XII по конец XVI в. центральные власти рассматривали Хоккайдо как прибежище беглецов и разбойников. В конце XVI — начале XVII в. эти власти, как часто случается с подобными окраинами в разных странах, официально признали сильнейшую тамошнюю группировку, с тем чтобы она могла обеспечивать на этой территории хотя бы некоторый порядок. Такой группировкой было происходившее из Северо-Восточной Японии самурайское семейство Какидзакис, которое образовало на Хоккайдо княжество Мацумаэ.

Под влиянием природно-географических условий, а также наличия еще могущественных в то время айнских племен на Хоккайдо сложился особый, отличный от основной территории Японии тип экономики: основу хозяйственной системы княжества Мацумаэ составляло не земледелие, а меновая торговля с айнами и различные промыслы — от рыболовства до добычи золота. Княжество Мацумаэ было заинтересовано в поддержании именно такого типа экономики. Данные исследований говорят о том, что княжество всеми силами стремилось оградить Хоккайдо от явлений, которые могли бы нарушить эту систему. Создавались препятствия на пути переселению на остров и на пути развития там собственного производства, и прежде всего земледелия.

На основании имеющихся данных допустимо утверждать, что по своему устройству княжество Мацумаэ соответствовало военно-торговым компаниям, основная задача которых состояла в получении прибыли, но которые были вынуждены брать на себя и административные функции в зонах своей деятельности. Я считаю, что подобная организационно-хозяйственная форма может возникать в любые времена. На протяжении XVII—XVIII вв. сёгунское правительство вполне устраивало, что Хоккайдо управлялся таким способом. Ни оно, ни отдельные княжества не испытывали желания выделять для освоения Хоккайдо людей и средства. Применение тем и другим находилось на основной территории Японии.

Таким образом, феодальная, или «традиционная», Япония периода Эдо для эксплуатации своей далекой окраины предпочла форму военно-торговой компании, которой в разные времена пользовались такие страны, как Англия, США, Россия, Китай и др.

Сёгунское правительство изменило отношение к своей северной окраине лишь в конце XVIII в. из-за опасений, что Южные Курилы и даже Хоккайдо (Эдзо) могут быть заняты русскими, которые в то время активно осваивали бассейн Тихого океана. Последние также использовали организационно-хозяйственную форму военно-торговой компании — Российско-Американской. В конце XVIII в. правительство объявило Хоккайдо и прилегающие к нему острова территорией, находящейся под его прямым управлением, что айны суть японцы, а Эдзо — японская земля. Однако, когда стало понятно, что Россия не угрожает японским владениям, Хоккайдо был вновь отдан военно-торговой компании — т.е. княжеству Мацумаэ.

С середины 1850-х годов угроза потерять Хоккайдо стала для Японии реальной. Уже с первой половины XIX в. северная часть Тихого океана стала местом активного морского промысла китов, а также ценных морских зверей западными державами. Хоккайдо стал интересовать их прежде всего как база для промысловых операций. В результате у Японии возникла необходимость быстро заселить и освоить остров и закрепить свои позиции в северной части Тихого океана.

В 1868–1914 гг., в эпоху ускоренной модернизации Японии, на Хоккайдо, который к середине XIX в. представлял собой практически «чистое поле экспериментов», во-первых, воспроизводились «архаичные», некапиталистические формы организации власти и населения (крестьянская община, вооруженное самурайство в виде военных поселений, мелкое и мельчайшее землепользование при преобладании крупного землевладения), сохранение и инкорпорация старых институтов управления, во-вторых, гораздо позже, чем на основной территории Японии, вводились новые политические институты, которые обычно считаются неразрывно связанными с модернизацией (суды, регулярная полиция, органы местного самоуправления, избирательное право в отношении общегосударственного парламента, всеобщая воинская повинность), и, в-третьих, создавались островки современной, прежде всего тяжелой, промышленности.

Полагаю, что частичная «архаизация» Хоккайдо (при одновременной модернизации страны) не есть аномалия для стран, входивших в мировую капиталистическую систему на правах колоний или полуколоний. Нельзя не согласиться с такими учеными, как И. Валлерстайн, В. Крылов, С. Кара-Мурза и др., которые говорят о демодернизирующей роли мирового капитализма на его периферии. И Япония, и Хоккайдо, как ее часть, в полной мере испытали это воздействие мировой капиталистической системы. По-моему, именно мировая капиталистическая система потребовала, чтобы на Хоккайдо были в еще более жестком виде воспроизведены «архаичные», некапиталистические отношения.

Японские правящие круги бросили все силы на то, чтобы повысить статус своей страны в мировой капиталистической системе. Они очень быстро сумели оседлать все товарно-денежные потоки, направлявшиеся из Японии и в нее, и продемонстрировали при этом большие способности к сочетанию нового с традиционным.

Освоение Хоккайдо, будучи одним из важнейших проектов правительства Мэйдзи, возглавлялось наиболее выдающимися представителями новой политической элиты из среднего и низкорангового самурайства, основной костяк которого формировали выходцы из юго-западного княжества Сацума. Вместе с представителями княжества Тёсю они до 1920-х годов занимали ведущее положение в политической структуре Японии. Огромную роль в освоении Хоккайдо сыграли самураи из восточных японских княжеств, которые проявили очень большую активность в Реставрации Мэйдзи, но потерпели поражение от западных и юго-западных самураев.

Курс японского правящего слоя на модернизацию острова полностью себя оправдал. К Первой мировой войне ведущее место в экономике Хоккайдо заняла промышленность. Стала расти численность пролетариата, инженерно-технических работников, менеджеров. На острове стали появляться новейшие по тому времени предприятия. Начала расширяться и сфера применения современных институтов. Оставаясь периферией страны, Хоккайдо решительно сближался с остальными регионами Японского архипелага.

Примечания

⁵³ Хоккайдо сангё кодзо-но бунсэки (Анализ структуры экономики Хоккайдо). Токио, 1960, с. 153; *К. Нисио*. Хоккайдо-но кэйдзай то дзайсэй (Экономика и финансы Хоккайдо). Токио, 1953, с. 47.

⁵⁴ Син Хоккайдо си (Новая история Хоккайдо). Т. 1. Саппоро, 1980, с. 179.

⁵⁵ *Х. Табата, М. Кувабара, И. Фунацу, А. Экигути*. Хоккайдо-но рэкиси (История Хоккайдо). Токио, 2000, с. 256.

⁵⁶ См. об этом: Хоккайдо ногё рон (Сельское хозяйство Хоккайдо). Токио, 1984.

⁵⁷ Хоккайдо-но хякунэн (Сто лет Хоккайдо). Токио, 1999, с. 211.

⁵⁸ Син Хоккайдо си, т. 5, с. 617–618.

⁵⁹ Кокуси дайdzитэн (Большой словарь по истории Японии). Т. 12. Токио, 1979, с. 748–749.

⁶⁰ Хоккайдо: история и современность. Владивосток, 1992, с. 39–40.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, с. 40.

⁶³ Син Хоккайдо си, т. 5, с. 806.

⁶⁴ *D. Anthony*. The Administration of Hokkaido under Kuroda Kiyotaka, 1870–1882: An Early Example of Japanese-American Cooperation. Thesis (Ph.D.), Yale University. New Haven, 1951, p. 63.

⁶⁵ *H. Capron*. Memoirs in 3 vols. — Typescript in U.S. Department of Agriculture Library. Vol. 2, p. 43.

⁶⁶ Син Хоккайдо си, т. 3, с. 83.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 97.

⁶⁹ Согласно «Кайтакуси кобунроку. Фурэйруйдзю» («Официальные записи Колонизационного управления. Сборник постановлений»), 3 октября 1870 г., должностные обязанности чиновников Кайтакуси определялись всего в одном документе. В 1875 г. было принято «Кайтакуси сёкутэй сётэй нараби дзиму сётэй» («Положение о должностях и должностных обязанностях Колонизационного управления»), а также «Кайтакуси бункёку сётэй» («Положение о структуре Колонизационного управления»). См.: Син Хоккайдо си, т. 3, с. 100, 213, 216.

⁷⁰ Там же, с. 94.

⁷¹ Там же, с. 93.

⁷² Там же, с. 120.

⁷³ Там же, с. 127.

⁷⁴ Там же, с. 135.

⁷⁵ Там же, с. 162–164.

⁷⁶ Хоккайдо: история и современность, с. 33.

⁷⁷ Син Хоккайдо си, т. 3, с. 221.

⁷⁸ Там же, с. 225–226.

⁷⁹ *G. Lensen*. Report from Hokkaido. Nakodate, 1954, p. 157–158.

⁸⁰ *D. Anthony*. Op. cit., p. 80.

⁸¹ *Х. Табата и др.* Цит. соч., с. 260.

⁸² Син Хоккайдо си, т. 3, с. 238.

⁸³ Там же, с. 239.

⁸⁴ Там же, с. 253.

⁸⁵ Там же, т. 1, с. 130.

⁸⁶ Там же, с. 131.

⁸⁷ Син Хоккайдо си, т. 5, с. 29.

⁸⁸ *С. Симидзу, А. Согамэ, Ю. Хасинкэ, С. Ямамото*. Тиики-кара-но сэйдзигаку (Политическая наука: взгляд из провинции). Токио, 1996, с. 84.

⁸⁹ Там же, с. 103.

ИМИДЖ РОССИИ В ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

А.Е. Куланов

Имидж России в мире — одна из самых популярных сегодня тем не только для отечественных, но и для западных средств массовой информации. При этом принципиальная разница в подходах и выводах у тех и других ничего не меняет по сути проблемы: образ нашей страны нуждается в срочной трансформации. Этого требуют как внешние, так и внутренние факторы. Попытки грамотно выстроить привлекательный имидж России пока ни к чему не привели — и, как модно говорить, background плохой, и времени маловато, да и сами усилия выглядят, мягко говоря, своеобразно: даже практически ничего не делая, мы умудряемся совершать множество ошибок. Одна из наиболее характерных из них — думать, что следует моделировать образ один на всех: мол, «Россия — страна хорошая», и баста! Между тем даже не столь долгая история формирования имиджей государств свидетельствует, что необходима если не изощренность, то хотя бы избирательность.

Сегодня имидж России в Японии существует как особая величина, оказывающая серьезное влияние на политические отношения между нашими странами. Весьма активно действуют силы, рассчитывающие на то, что это влияние, главным образом негативное, станет определяющим. В этом случае Россия, испокон веков известная в Японии как «темная страна», будет окончательно зачислена в число врагов. По мнению части японских политиков и политологов, отрицательный образ России в Японии сегодня, во-первых, естественен, а во-вторых, его следует воспринимать как факт, который предопределяет позицию Токио в политических переговорах с Москвой.

Зачем нужно формировать имидж России?

То, как воспринимают нашу страну в мире, есть важнейший фактор информационно-психологической безопасности со всеми соответствующими атрибутами — разведкой, контрразведкой, агентами, секретными операциями, даже войнами. Как и все прочие тайные войны, в отличие от войн обычных — и «горячих», и «холодных», — имиджевые ведутся почти непрерывно. Мы практически никогда не видим подготовительных этапов самих сражений — рекогносцировок, мозговых штурмов, штабных игр. Сами же сражения бывают ярки и заметны (вспомним как «...летели наземь самураи»), но чаще и они уходят в латентную стадию, максимально сближаясь с политической «подковерной борьбой». Специфика России в этом смысле заключается в том, что для нее состояние непрерывных имиджевых войн является таким же естественным на протяжении всего существования государственности, как и жела-

ние эти войны прекратить. На нынешнем этапе Россия ведет «оборонительные бои», а закончить имиджевую войну можно, только выиграв ее.

Да, имидж России сегодня плох практически во всем мире, но это пока не безнадежно. Стратегическая задача России — улучшив свой имидж, добиться не только экономических выигрышей (в виде инвестиционной привлекательности, например), но и решить серьезнейшие политические проблемы, стоящие перед ней и пока не имеющие перспектив, в том числе и по причине плохого имиджа. Не будет преувеличением сказать: то, как воспринимают Россию в мире, и есть во многом ее истинное место в системе международных политических, экономических, социальных и культурных отношений.

Мировое сообщество воспринимает Россию не просто как страну. Россия — это образ. Точно так же и русские — не национальность, а принадлежность к России, т.е. носители ее образа. Кардинальное отличие образа от имиджа состоит в том, что образ возникает и существует стихийно, под воздействием совокупности случайных факторов. Именно так строился образ России до сих пор, и больше мы не можем позволить себе такую роскошь. Имидж же является плодом осознанных, целенаправленных усилий его создателей; он всегда эмоционально окрашен и отвечает чаяниям какой-либо целевой аудитории. Имидж России уже существует, но сегодня он формируется почти исключительно за рубежом. Его авторы, как правило, создают этот имидж, находясь под осозанным или неосозанным влиянием заинтересованных сил, будучи инкорпорированы в те или иные социальные или профессиональные группы с заранее определенной позицией по отношению к нашей стране. Может быть, конкретный японский журналист и хотел бы писать о России хорошо — на его личностном уровне образ нашей страны позитивен, — но он не будет понят (а его статья не будет напечатана) руководством газеты, потому что в целом Россия для Японии — «неприятная страна», и писать о ней по-другому — очень странно.

Одновременно мы сами создаем мощную основу для акцентирования внимания иностранной общественности на своих недостатках — от скандального поведения олигархов в Куршевеле и болезненных проблем со свободой слова до грязи на улицах. В России действительно немало плохого — того, с чем надо бороться. Однако психологический эффект, полученный в результате интерпретации образа России западными (а Япония, безусловно, западная по своей ориентации страна) имиджмейкерами, в разы превосходит реальные вызовы и опасности. Самое же главное, что такой подход для России непродуктивен по сути: рассказывая о том, какие мы «плохие», Запад не предлагает никаких рецептов для лечения «болезней», кроме верного, жизненно необходимого (кто же спорит!), но не очень конкретного и не вполне ясного по способу применения — демократии. Да и сама демократия нередко становится не целью, а средством, политическим оружием, с помощью которого можно решать отнюдь не демократические задачи.

Из этого следуют два простых вывода. Первый: даже при полном одобрении самой идеи создания позитивного имиджа страны нам не имеет смысла, да и просто опасно заниматься этим, не имея конкретных целей, не располагая инструментарием, научными и практическими понятиями, средствами и не опираясь на профессионалов. В случае с Японией это особенно важно ввиду уникальности страны, ее информационного поля, своеобразности «театра имиджевых действий».

Второй (и, с моей точки зрения, главный): невозможно построить позитивный имидж без положительных изменений в самой стране. Мне уже не раз приходилось писать о том, что мы можем как угодно расхваливать красоты и просторы России, заманивая к нам японских, да и любых других туристов, но,

пока они будут простаивать очереди в Шереметьеве, платить неестественные деньги за такси, часами стоять в пробках, глаза на многочисленные «мигалки», несущиеся по встречной полосе, а потом планировать свои экскурсии так, чтобы у них была редкая для Москвы возможность сходить в туалет, результат наших героических имиджмейкерских усилий будет только один: резкое ухудшение образа.

С другой стороны, информируя зарубежную общественность о позитивных переменах в России, ни в коем случае нельзя лгать, а значит, надо добиваться этих перемен; мало рассказывать о том, что ты лучший, надо становиться лучшим.

Что же касается сугубо японской специфики, то общественное мнение в этой стране является чрезвычайно сильным фактором, воздействующим на политику. Более того, роль этого фактора непрерывно возрастает. Сегодня, особенно в отношениях с Россией, внешняя политика может оказаться заложницей общественного мнения, в котором уже отложился смоделированный ранее имидж России. В силу особенностей менталитета японского народа, особого характера его отношений с прессой и уровня воздействия политических сил на средства массовой информации само по себе общественное мнение японцев относительно легко и быстро формируется и разворачивается в нужном направлении. Иначе говоря, искусно и искусственно моделируемые представления о мире легко могут заменить для японцев, как, впрочем, и для граждан любой другой страны, сам мир. Кроме того, нельзя забывать, что японская внешняя политика чрезвычайно сильно зависит от политики США. Сочетание всех этих слагаемых в приложении к ситуации с Россией выглядит крайне неприятно, едва ли не бесперспективно. Особенно если вспомнить, что основной вопрос, будоражащий общественное мнение Японии в связи с имиджем России — территориальный, — был индуцирован Соединенными Штатами, а законность любых притязаний, в том числе территориальных, определяется в современном мире только одним — правильно сориентированным общественным мнением.

Как выглядит Россия в глазах японцев?

Имидж России в Японии имеет 250-летнюю историю, в ходе которой он не претерпел существенных изменений¹, а потому может считаться устойчивым, опирающимся на особый исторический и геополитический код, т.е. на совокупность внешнеполитических ориентаций, не зависящих от политической конъюнктуры в течение достаточно длительного исторического периода. Каковы же эти ориентации?

При всем многообразии проявлений образа нашей страны в Японии, связанных и с политическими характеристиками, и с научно-культурными ассоциативными рядами, и с бытовыми контактами, активно развивающимися сегодня на частном уровне, основу этого кода составляет осознание России как огромной и непонятной страны на севере, таящей в себе скрытую угрозу. Несмотря на то что уровень внимания японского общества к нам меняется в зависимости от ряда факторов, как меняется и знак отношения — то «плюс», то «минус», — на протяжении почти всех этих двух с половиной столетий код не меняется. Существует даже специальное определение для России — «угроза с севера», на бытовом уровне трансформировавшееся в каламбур: «О-Росия осоросиа» («Ужасная Россия»).

К сожалению, такая печальная характеристика имеет еще и неоднослойную структуру. Если вдуматься, само определение — «угроза с севера» — вы-

носит нашу страну за рамки стандартных современных геополитических дефиниций: для японцев мы не относимся ни к Западу, ни к Востоку, ни, естественно, к Югу, а именно к Северу — понятию туманному и, по сути своей, малоинтересному. На подсознательном уровне Россия оказывается как бы выключенной из мировой системы внешнеполитической ориентации. Особенности экономической ориентации Японии усиливают это ощущение и рождают одно из любимых высказываний японских политологов: «Если Россия внезапно исчезнет, Япония этого не заметит» или, в более политкорректном варианте: «Существование России не слишком-то осознается в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Такое равнодушное чреватое негативистским отношением к нам со стороны дальневосточного соседа в области внешней политики и основано на исторической инерции, проамериканской ориентации и постоянно возрастающей роли «территориального вопроса». Важно отметить: эта инициированная США проблема сначала была выведена на политический уровень, затем, когда стало ясно, что политическим путем она решена быть не может, переведена на уровень общественного сознания в качестве приоритетной. А сейчас уже прочно укоренившаяся в общественном сознании проблема «северных территорий» претендует едва ли не на роль национальной идеи в сфере отношений с Россией. Любые внешнеполитические контакты наших стран увязаны с ней и, как следствие, практически обречены на застой, а потому такое упорство выглядит, с одной стороны, маниакальным, с другой — естественным.

Отрадным в данной ситуации для нас является только тот факт, что этот стержневой образ России, благодаря существованию двух уровней формирования образов — государственного и частного, — пока еще остается амбивалентным. Возвращенный из исторического страха Японии перед захватом Россией ее северных уделов он вынужден учитывать признанные в мире достижения нашей страны. Основанный на соседских отношениях, в истории которых были такие полярные события, как Халхин-Гол и спасение советскими врачами японских детей от полиомиелита, этот образ позволяет нам сохранять относительно неплохие позиции не только в государственном японском сознании, но и в умах каждого конкретного японца. Более того, в истории формирования имиджевых характеристик русских и японцев немало общих мотивов, основанных на интересе к экзотической культуре страны-соседа, необходимостью оценки ее (если не как партнера, то как противника), а также на похожести попыток самоидентификации в системе координат «Запад — Восток». Японский исследователь Нахо Игауэ указывает в связи с этим на любопытный нюанс: Россия, слабо отраженная в японских стереотипах, очень часто играла роль фона для утверждения японцев среди наций, разделяющих ценности западной цивилизации, а Японии — как одной из ведущих мировых держав². Эксплуатируя государственный уровень этого «фона» со времен японо-китайской войны 1895 г., Токио представляет Россию как более азиатскую по духу, агрессивную и непросвещенную страну; себя же позиционирует как оплот Запада на Востоке³.

На частном же уровне японцы пока еще формулируют свое отношение к нам так: «Боюсь и не люблю эту страну, но с симпатией отношусь к русским людям», и это для нас последний рубеж обороны. Дальше отступать просто некуда: такая своеобразная толерантность — максимум, на который мы сегодня можем рассчитывать, поскольку, по разным данным, от 70 до 80% японцев не испытывают к России теплых чувств. Ситуация усугубляется еще и тем, что качество знаний об окружающем мире снижается сегодня и у нас, и в Японии. Даже географический образ России — основа «низкой геополити-

ки» (что может быть проще?) — в Японии практически отсутствует⁴. И это несмотря на то, что национальные стереотипы обязательно должны включать в себя и образы пространства, особенно если некоторые из этих пространств — спорные! Попросив недавно в Киото шестерых старшеклассниц назвать по одной самой яркой ассоциации со словом «Россия», я получил исчерпывающие ответы: «Родина футбола, страна кенгуру, расположенная на Камчатке, где-то в Европе, со столицей Лондоном и самым известным русским — Моцартом». Кроме футбола и Моцарта в бытовую мифологию японцев на смену вездесущим шпионам советских времен пришли сейчас сахалинские краболовы, бандиты и белокурые «хостес»⁵. Кто их заменит — вот вопрос вопросов. Любой мало-мальски цивилизованный уровень контактов в данной ситуации пойдет нам во благо. Фантастическая ассоциация России с «родиной футбола» у одной из девушек симптоматична: проигрыш российской сборной помог поднять симпатии к нам со стороны японцев — в нас увидели обычных людей, а слово «футбол» в ассоциативном ряду явно лучше слова «мафия».

В целом же общественное сознание японцев в отношении России явно не поспевает за происходящими у нас переменами. Японцы, сначала боявшиеся, а потом восхищавшиеся успехами Советского Союза, затем надеявшиеся на какие-то новые отношения после передачи им Южно-Курильских островов и разочаровавшиеся в этом, на частном уровне просто потеряли интерес к нам. Падение интереса (свежий пример: за 2007 г. число японских туристов в Россию сократилось на 24% — дорого и нет туалетов) — один из самых тревожных факторов, так как на пустом месте можно построить любой миф, так же как в пустую чайную чашку можно налить и чай, и яд. Все зависит от желания наливающего и внимательности принимающего.

Интересно, что японские политологи знают, что столь опасное состояние безразличия, пришедшее на смену ощущениям сначала противника, а затем партнера, превалирует сегодня во взглядах японцев на нашу страну, и многие из них предпочитают считать, что и в России по отношению к Японии складывается такая же ситуация, а это в корне неверно. Японию в России пока что любят или по крайней мере относятся к ней с симпатией. Это выигрышный для нас фактор — но только при условии, что в самой Японии об этом тоже узнают. Однако здесь вступают в силу условия политической игры. «Японский бум» — отличный материал для мидовских и представительских отчетов, показывающий успехи работы дипломатических миссий и Японского фонда, но кто из простых японцев знает о том, насколько популярна у нас пресловутая «японская кухня», не говоря уже о более глубоких и сложных вещах, например, таких, как японская литература? В подобной ситуации у нас практически необъятный простор для работы и бесконечные перспективы для совершенствования. Русская кухня⁶, классическая русская литература и русская музыка, театр, балет, цирк, получившие известность на Западе спортсмены и спортсменки русского происхождения вроде Алексея Ягудина или Мари Шараповой — все это, безусловно, отличная база для формирования позитивного имиджа России в Японии.

Всего лишь 9–10% японцев считают Россию важной для Японии страной. Уверен, что эти люди — бизнесмены. Несмотря на политический застой и прямые, серьезные упреки в отсутствии патриотизма («нельзя сотрудничать со страной, бандитски захватившей исконно японские земли!»), экономическое сотрудничество России и Японии не просто развивается, а растет как на дрожжах. За последние 8 лет объем товарооборота между нашими странами вырос примерно в 5,5 раза, достигнув 21,2 млрд. долл. (прирост только за 2006 г. составил 65%), и — внимание! — впервые в 2008 г. в только что изданной «Голубой книге по внешней политике» Россия названа «важной со-

седней страной!»! Основным перспективным направлением сотрудничества при этом обозначено развитие Дальнего Востока и Восточной Сибири, что косвенно закрепляет достигнутый высокий статус экономического взаимодействия в Северо-Западном федеральном округе⁷. Там, под Петербургом, уже работает завод «Тоёты», строятся «Ниссан» и «Судзуки». За последние три года число японских компаний, открывших свои офисы в Питере, выросло с 3 до 35, а в ближайшие два года японцы собираются открыть там еще около 50 представительств. С начала века в пригороде Санкт-Петербурга весьма эффективно функционирует крупнейшая в Европе фабрика по производству сигарет. «Camel», «Salem», «Winston», «More», «Русский стиль», «Петр I», «Тройка» — прибыль от продажи этих привычных нам марок идет в стеклянный небоскреб у станции Тораномон, ибо принадлежит это никотиновое изобилие компании Japan Tobacco International — лидеру табачной индустрии России. К строительству новых зданий в «северной столице» подключаются японские архитекторы с мировым именем. Из Пулкова снова начали совершаться прямые рейсы в Токио. А один из самых опытных идеологов японского менеджмента в России Юкио Асадзума, долгие годы возглавлявший Японские центры в Москве и недавно получивший от российского правительства орден Дружбы, спешно переведен на новое место работы — в Санкт-Петербург. Похоже, там, в западном, культурном, музейном — понятном японцам — Питере, а не в ошалевшей от денег и диковатой Москве японский бизнес видит перспективы своего развития в России. Парадокс в том, что в курсе этого — только те самые девять процентов. Только они знают, что утверждение «Япония не заметит исчезновения России» — ложь. Знают, но молчат — общественное сознание «против».

Подводя черту, попытаюсь тезисно сформулировать современный имидж России в Японии и факторы его формирования.

1. Стержневой образ России. Негатив: темная, непонятная, опасная страна, «угроза с севера». Эта часть имиджа имеет глубокие исторические корни (территориальные споры и войны XVIII–XX вв., различия в цивилизационной идентификации), ее подпитывают также «поддерживающие» образы (имперские амбиции России-СССР прошлого, мафия, бандитизм, воровство, плохое отношение к экологии и т.д.). Позитив: географический образ России подразумевает наличие экзотических для японского восприятия просторов и красот природы.

2. Стержневой образ русских. Амбивалентность: люди с «широкой душой», открытые в общении, ленивые, малообразованные и невоспитанные. Их «открытость» и талантливость (включается стандартный ассоциативный ряд по типу: Достоевский–Чехов–Рахманинов–Гагарин–Горбачев–Гергиев–Шарапова) дают возможность общения с русскими при определенных условиях (наличие хотя бы внешней цивилизованности).

3. Вторичные образы нередко входят в прямой конфликт со стержневыми или другими вторичными, так как опираются на менее масштабные исходные данные. Например, образ России как родины великой литературы или признанной на Западе живописи соседствует с образом «военно-шпионской» державы, сложившимся в советские времена. Вторичные образы органично дополняют и тесно переплетаются со стержневыми, нередко составляя их не только негативную, но и позитивную часть, поэтому они наиболее пригодны для выстраивания на их основе целостного положительного имиджа нашей страны.

4. База построения имиджа России в Японии довольно размыта и чрезвычайно многообразна. Устойчивые коды, включая географический и исторический, неизвестны широким массам японцев и легко могут быть подменены

суррогатными материалами, как правило, негативными по отношению к России.

5. Влияние внешних факторов заключается в практически полном отсутствии исходящих от России попыток сформировать свой имидж и ограничивается усилиями японских СМИ, политологов и политиков, а также определяющим влиянием третьих сил, прежде всего США.

Что делать?

Самый простой ответ на этот вопрос — ничего. Именно так мы пока и поступаем, несмотря на присутствие в Японии неких организаций, вроде бы обязанных заниматься формированием положительного образа нашей страны. Если же когда-нибудь вопрос о создании позитивного имиджа России в Японии перейдет из риторической фазы в рабочую, для начала придется решить две проблемы. Первая — как это делать? Вторая — кто этим будет заниматься? Поскольку решение второй из них лежит на поверхности, с него и начнем.

Существуют несколько категорий людей, на которых Россия обязана была бы положиться в этом сложном деле:

1. Дипломаты и сотрудники разнообразных российских организаций, постоянно представленных в Японии. Их отношение к указанной тематике характеризуется простой формулой, высказанной мне одним дипломатом: «Прежде чем спрашивать меня о том, что я сделал для укрепления имиджа России, запишите такой пункт в мои служебные обязанности, составьте должностную инструкцию, а потом уже задавайте вопросы». Что ж, значит, надо написать эти обязанности и инструкции.

2. Немногочисленные специалисты в области построения имиджа (теоретики и практики), журналисты и пропагандисты, представляющие себе реалии Японии. Их в стране — единицы, но и они не востребованы. Позиция традиционна: сделаем, что можем. Без специалистов, конечно, получится плохо, но ведь что-то получится?

3. Точно так же не востребованы российские японоведы — представители едва живой отрасли, способные своими знаниями и опытом внести значительный вклад в укрепление позиций нашей страны, но вынужденные перебиваться в России с хлеба на квас в ожидании японских грантов или отъезда в страну изучения. Молодежь бежит из японоведения. Один японский дипломат предлагал недавно собрать таких «беглых», но я сказал ему, что его резиденция не сможет вместить и сотой их доли. Только среди моих личных знакомых есть менеджеры с высшим японистическим образованием, работающие в Росатоме, МЭРТ, других многочисленных министерствах, экономических институтах, фирмах и фирмочках, чаще всего никак не связанных с Японией. Нашему государству они не нужны, и это серьезная ошибка. Кстати, молодые дипломаты — специалисты по Японии и потенциальные имиджмейкеры — тоже все чаще разделяют эту судьбу.

4. Наши люди там. Это отдельная категория. В Японии, по разным оценкам, сейчас постоянно живет от 6 до 10 тыс. россиян. Большинство из них никак не связаны с официальными российскими властями и находятся в состоянии постоянной «холодной войны» с ними — такова печальная реальность русской диаспоры в этой стране. Россия отталкивает от себя тысячи молодых людей, постоянно живущих среди японцев, говорящих по-японски, не имеющих никакой надежды на ассимиляцию, но и не желающих возвращаться. Их потенциал велик, но не задействован. Кстати, знаменитые «русские хо-

стес», основную массу которых составляют украинки, молдаванки, белоруски, казашки и румынки и которые являются одним из негативных факторов восприятия России в Японии, — тоже потенциальный материал для изменения этого отношения. Примеры есть: Турция добилась того, что в Японии ушло в прошлое ассоциирование «турецких бань» с проституцией. Надо только захотеть. А ведь кроме «хостес» в Японии живут и работают сотни ученых, аспирантов, студентов — талантливых русских людей, у которых «руки чешутся» приложить свою энергию в большом, интересном деле. Почему бы не использовать их в издании, например, пропагандистских журналов о России, ведении веб-сайтов на японском языке, посвященных даже узким областям взаимодействия? Сотни физиков, химиков, программистов могли бы помочь России, мягко, по касательной, заинтересовав в ней своих коллег. Могли бы...

5. Японские русисты. Вымирающая специальность, спасти которую можно только из России. Когда-то русский язык был в Японии довольно популярен, и, хотя и сегодня программы обучения ему еще транслируются по NHK, положение в корне изменилось. Менее одного процента студентов выбирают его в качестве второго для обучения (первый — практически всегда английский). Падение популярности России вскоре может привести к отсутствию молодых специалистов, говорящих по-русски, а отсутствие возможностей для применения своих знаний делает русистов в возрасте советологами — их опыт и знания востребованы только в деле борьбы за «северные территории». Люди, на которых должна быть возложена едва ли не основная пропагандистская нагрузка, забыты Россией и превращаются из ее друзей в экспертов — в лучшем случае.

Что касается формирования позитивного имиджа России в Японии, то повторюсь: Россия должна понять, что делом первостепенной важности является наведение порядка у себя дома, об этом необходимо помнить всегда, иначе работа теряет всякий смысл. Лишь параллельно с этим должны проводиться «мягкие» пропагандистские акции долговременного воздействия: открытие обществ дружбы, культурных фондов, издание журналов, проведение концертов и гастролей, съемки художественных фильмов и т.д. Работа должна быть честной и максимально транспарентной. Японцы должны знать, что мы трезво оцениваем себя и их, что мы заинтересованы в Японии не больше, чем она в России. Необходимо заставить себя уважать — ни один восточный народ не будет дружить с униженными. Мы обязаны также разъяснить Японии, что у России есть будущее и мы будем рады, если это будет совместное будущее, так как отношение в России к Японии весьма положительное. Особая тема — важность восстановления влияния в Японии русской культуры, прежде всего классической. Великая русская литература, живопись, музыка с опорой на хорошо известные в Японии и признанные на Западе имена является замечательной основой для возвращения позиций России в Японии. Необходимо добиваться усиления позитивной части имиджа нашей страны и превращения такого имиджа из вторичного, «поддерживающего», в стержневой. Выставки и концерты вкупе с PR-мероприятиями сегодня уже вполне по силам российской стороне. Естественно, что в этом, равно как и во всех предыдущих вопросах, именно государство должно играть важнейшую и определяющую роль. Только такой подход позволит нам избежать ситуаций, когда лучшим русским писателем японцы объявляют В.Сорокина, а интерес к классике сопровождается не переводом, а переписыванием Достоевского (хотя на первом этапе допустимо и это — для стимулирования первоначального интереса). Русская культура — достояние не только мировой общественности, но и русского — в широком смысле — народа, так почему Россия не может вступить за нее?

Ни в коем случае нельзя забывать и о таком мощном факторе формирования имиджа, как пропаганда уже внесенных в копилку японской культуры вкладов россиян. Кто из японцев знает о том, что символ их страны прекрасный Киото во время войны был спасен от американских бомбардировок во многом благодаря усилиям русского профессора С.Г. Елисеева? Кто вспомнит о том, что знаменитый великий чемпион сумо — *ёкодзуна* Коки Тайхо — наполовину русский? Кто расскажет об одном из первых наставников любимейшего японцами вида спорта — бейсбола — В.К. Старухине? Примеров подобного рода — масса, включая даже такие экзотические, как упоминание о том, что жена Джона Леннона Ёко Оно является племянницей одной из основоположниц японской скрипичной школы Анны Бубновой (ее сестра — Варвара Бубнова внесла огромный вклад в преподавание русского языка и литературы в Японии).

Ну и, наконец, было бы глупо утверждать, что имидж России в Японии можно исправить до уровня, когда японцы будут считать нас дружественной страной, — это место прочно занимают Соединенные Штаты. Но восстановить его до уровня, объективно демонстрирующего нашу потребность друг в друге, одновременно и дело чести для России, и геополитическая необходимость.

Примечания

¹ Подробно об истории имиджевого взаимодействия наших стран см: *А. Куланов, В. Молодяков. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007.*

² *Нахо Игауэ. Взаимные образы русских и японцев. — Вестник Евразии. 2004, № 1* (http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2004-1_iga.htm).

³ *А. Куланов, В. Молодяков. Цит. соч., с. 84–96.*

⁴ Подробнее о связи имиджа государства с элементами геополитики см.: *В. Колосов. «Низкая» и «высокая» геополитика. — Отечественные записки. 2002, №3(4).*

⁵ Кстати, прозвище последних — «хаккэй росиадзин» («белые русские»), применяемое сейчас обычно со смыслом «белая красotka», также имеет историко-имиджевое происхождение, о котором в сегодняшней Японии помнят только специалисты. «Белыми русскими» называли белоэмигрантов, хлынувших после 1917 г. в Японию (*Нахо Игауэ. Цит. соч.*).

⁶ Автору по всей Японии не удалось насчитать и сотни ресторанов русской кухни, в то время как в Москве японских — поистине бесчисленно.

⁷ Несмотря на позитивную динамику и впечатляющие цифры, стоит заметить, что в общем объеме инвестиций в российскую экономику Япония занимает весьма скромное место с показателем всего в 1,4%.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В музеях московского Кремля с 22 мая по 16 июля 2008 г. проходила выставка «Самураи. Сокровища воинской знати Японии» из коллекции Токийского Национального Музея, старейшего собрания Японии. Выставка была посвящена культуре даймё, оказавшей огромное влияние на развитие японского искусства в целом. В выставочных залах Успенской звонницы и Патриаршего дворца было представлено более семидесяти памятников, знакомящих зрителя с культурой самураев, — самые древние клинки страны, доспехи, подлинные маски и костюмы театра Но, редкие предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства Японии. В экспозиции были выделены специальные разделы, посвященные чайной церемонии, театру Но, женскому костюму и предметному миру знатных самурайских домов. Впервые за два последних десятилетия в России экспонировались памятники художественной культуры Японии столь высокого уровня, охватывающие длительный период с X по XX в., в том числе имеющие статус «национального сокровища» и «особо ценного культурного объекта». Выставка пользовалась огромным успехом, ее посмотрело 102 тыс. человек, высоко оценил экспозицию президент России Д.А. Медведев, специально посетивший выставку накануне своей поездки на саммит «Большой восьмерки» в Японии.

В рамках выставки в Оружейной палате был организован специальный цикл публичных лекций, посвященных различным аспектам истории и культуры Японии. В течение девяти недель было прочитано девять лекций ведущих японских и российских исследователей, прослушанных публикой с большим интересом. По многочисленным просьбам слушателей лекционного цикла в Кремле, журнал «Знакомьтесь — Япония» начинает публикации этих лекций (в журнальном варианте).

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

КУЛЬТУРА И ВОИНСКОЕ ОБЛАЧЕНИЕ САМУРАЕВ

Кадзугоси Харада

Само название воинского сословия — «самураи» — в Европе и, как я думаю, в России всегда ассоциируется с традиционной японской культурой. На этой выставке представлены замечательные образцы парадного облачения воинов: их шлемы, доспехи и т.д. Конечно, самураи — это прежде всего воинское сословие, и поэтому они по роду своей деятельности связаны с оружием. Однако в то же время это был высокообразованный, культурный и просвещенный класс, который создал такие образцы традиционной японской культуры, как чайное действо, театр Но и т.д. Самураи также писали стихи *вака* в жанре пятистиший *танка* и коллективных стихотворных цепочек *рэнга*.

В своей лекции я постараюсь затронуть основные моменты, связанные как с воинским аспектом деятельности самураев, так и с их духовной культурой, в частности с уже упоминавшимися чайным действом, театром Но.

Само слово «самурай» имеет несколько пренебрежительное значение. В раннем средневековье родовая аристократия называла так служилое сословие, выполнявшее для нее функции телохранителей, секретарей, управляющих поместьями и т.д. К концу XII в. самураи взяли в свои руки реальную власть и, сбросив владычество родовой аристократии, стали правящим сословием.

Самураи особенно удачно для себя сумели воспользоваться распрей, возникшей среди старых аристократических семейств примерно в середине XII в., что послужило поводом для возвышения самурайского сословия. Первым крупным воинским кланом, представлявшим реальную политическую силу, был дом Тайра, или Хэйкэ. Верхушка рода Тайра не только присвоила себе личные надель аристократии и стала владельцем обширных земельных территорий, но и добилась высоких рангов при дворе, сумев занять в правительственной иерархии важные посты, ранее принадлежавшие родовой знати. Тем самым Тайра поставили себя в положение новой аристократии.

Власть дома Тайра, опиравшегося на старую политическую структуру императорской столицы (Киото), продолжалась сравнительно недолго. Он столкнулся с противодействием другого знатного старинного воинского рода, Минамото, или Хэйдзи. Минамото, собрав воинскую коалицию на северо-востоке страны, победили противостоявший им род Тайра и сменили его у власти, основав новое правительство «военно-полевой ставки», или *бакуфу*. Произошло это так: в 1185 г. в решающем сражении между Тайра и Минамото последние одержали победу, а через семь лет, в 1192 г., в северо-восточном городе Камакура глава рода Ёритомо Минамото учредил свое военно-феодалное правительство *бакуфу*. Новое правительство стремилось опираться не на старую столичную культуру, а на обычаи северо-восточных самураев, и поэтому ставка *бакуфу* была отдалена от Киото почти на 500 км.

Без преувеличения можно сказать, что почти 700 лет, с 1192 по 1868 г. продолжалось безраздельное владычество класса самураев. Разумеется, на престо-

ле по-прежнему пребывал император, а при нем иерархия вельмож-аристократов, и культура родовой знати не исчезла бесследно.

После такого небольшого экскурса в историю я хотел бы перейти к рассказу о самурайском вооружении. Воинское сословие во всем опиралось на силу оружия, так как именно оно приносило своим владельцам экономические привилегии, посты, славу их семьям и т.д. Неудивительно, что с эпохи Хэйан (IX–XII вв.), когда началось формирование этого сословия, воины очень высоко ценили оружие. Для них битва была не просто инструментом упрочения их положения, захвата власти или получения экономических выгод. Поле сражения было местом их славы, время сражения — их звездным часом, поэтому воины выходили на бой в парадном облачении, как на пир или придворный бал. Сражению предшествовали пышные церемонии и ритуалы, в ходе которых воин называл свое имя, свой род и вызывал достойного ему противника на поединок. Об этом повествуют произведения воинского эпоса, например, «Повесть о доме Тайра», или же средневековые живописные свитки *эмакимоно*, отражающие эти героические события. Поэтому неудивительно, что за 700 лет существования и развития культуры самураев производство воинских доспехов достигло высот также и в декоративном аспекте.

Существует множество разновидностей и типов доспехов японского воина.

Есть так называемый доспех *тосэй-гусоку* (букв. «современный доспех») — полное воинское облачение, состоящее из множества элементов, закрывающих почти все тело воина. Легкое облачение воина *харамаки* (букв. «обмотка живота») закрывает в основном грудь и живот. Есть еще два типа доспеха: *ооёрой* (букв. «большой доспех») — наиболее старый тип доспеха и *домару* (букв. «вокруг тела») — облачение кирасного типа.

В доспехе *ооёрой* передняя часть, спина и левый бок составляют единое целое. Доспех надевается слева, правый бок защищен отдельно крепящейся пластиной. К сожалению, у нас в Токийском национальном музее нет образцов раннесредневекового воинского облачения *ооёрой*. *Домару* обертывается вокруг тела и застегивается под правой рукой на правом боку. *Харамаки* обертывается вокруг живота и застегивается на спине.

Доспехи сделаны из металлических пластин *кодзанэ* размером 2–4 см на 5–7 см. Эти металлические пластины соединяются между собой шнурами в горизонтальные ряды, которые затем соединяются по вертикали. Одно из достоинств доспехов из пластин *кодзанэ* заключается в том, что они удобны для носки и плотно прилегают к телу. А когда доспехом не пользуются, его можно компактно сложить в специальные шкатулки для хранения. Цвет шнура является важным элементом в декоре воинского облачения и может быть красным, белым, синим и т.д.

Главной особенностью японского меча является изгиб. Металлические мечи стали производиться в Японии во второй половине IV–V в. Японский архипелаг как восточная окраина Азии всегда испытывал большое культурное влияние Китая и Кореи, и именно оттуда пришли в Японию прямые металлические мечи. Они изготавливались в Японии по крайней мере до VIII–IX вв., но начиная с примерно с X–2-й пол. XI в. японские мечи приобрели характерный изгиб. В захоронениях периода IV–VI вв. находят прямые мечи, однако традиционно мы называем «японским» меч более позднего времени, имеющий изгиб.

На выставке представлен меч самого древнего из известных нам мастеров, ковавших мечи, — меч Ясуцуну из Хоки (современная префектура Тоттори). Почти одновременно с ним жил другой известнейший мастер Мунэтика из Киото. Начиная именно с этих мастеров стало принято указывать на рукояти

меча имя изготовителя. Со времени Ясуцуну и Мунэтики в истории Японии известны имена около 23 тыс. мастеров по производству мечей.

В раннем средневековье, в эпоху Хэйан, центром производства мечей были столица Киото и земли, находящиеся на территории современной префектуры Окаяма. В эпоху Камакура география производства мечей расширилась. Можно назвать пять самых известных мест: к уже упомянутым двум добавились Камакура и земли современных префектур Нара и Гифу. Период Камакура (XIII–XIV вв.) представлен на выставке работой самого известного мастера той эпохи Масамунэ из города Камакура, а также мечом *танто* («короткий меч») Ёсимицу Аватагути из Киото. Ёсимицу известен как мастер коротких мечей, которые особенно высоко были оценены в эпоху Эдо (XVII–XIX вв.).

Поразительно, насколько прекрасно сохранились эти мечи. За свою тысячелетнюю историю они практически не изменились и продолжают сверкать так, будто произведены совсем недавно. Это не случайность. В эпоху Эдо говорили, что меч — душа воина, одно из самых главных его владений. Еще в раннем средневековье, в эпоху Хэйан, среди воинов существовал обычай перед решающим сражением идти в синтоистское святилище молить божеств и духов предков о победе и подносить им воинское облачение и мечи. Если сражение оказывалось успешным, воин вновь шел в святилище, чтобы отблагодарить их богатыми дарами и ритуальными подношениями. Поэтому в настоящее время синтоистские храмы являются хранителями богатых коллекций воинского снаряжения.

От эпохи Хэйан осталось не так много образцов вооружения, всего около 20 предметов. И только один из них хранится в музее в Окаяме, а остальные — в синтоистских храмах.

Сюзерен самурая мог отметить заслуги своего вассала богатыми дарами в виде феода, а также вооружения: мечей, воинского облачения. В особенности обычай дарить своим вассалам мечи как знак высшего доверия упрочился в XV–XVI вв., когда вся Япония была охвачена междоусобными войнами (это был так называемый Период воюющих провинций — Сэнгоку дзидай).

Обычай дарить мечи возник спонтанно как выражение признательности, а потом стал своего рода ритуалом, окончательно сформировавшимся к эпохе Эдо. Подарки в виде мечей стали обычными не только среди провинциальной знати крупных феодалов *даймё*, но и в центральном правительстве *бакуфу*: *сёгуны* и представители администрации *сёгуната* тоже ввели в обычай дарить мечи. Например, при рождении сына у *сёгуна*, при обряде совершеннолетия юного наследника, его браке и других важных событиях жизни было принято, чтобы *даймё* дарили семье *сёгуна* мечи и в качестве ответного дара тоже получали мечи. Члены семей *даймё* в аналогичных случаях также получали в подарок мечи от дома *сёгуна*. Подаренный *сёгуном* меч становился бережно хранимым фамильным сокровищем и знаком отличия, отметкой на иерархической лестнице воинского сословия. В случае торжественных событий в доме *сёгуна* благодетельствованные князья дарили в ответ такого же класса мечи. И эта циркуляция мечей, постоянный обмен ими стали обычаем. Следует отметить, что если в эпоху Эдо произведенные и подаренные мечи ценились прежде всего за их форму, то в предшествующую эпоху Муромати (XIV–XVI вв.) больше внимания придавалось декоративным элементам — украшению рукояти и ножен.

Во второй половине эпохи Муромати, когда воинский класс стал зажиточным и более образованным, количество и качество подарков возросли. Стали дарить не только мечи, но и различные предметы бытового назначения, искусно выполненные и изукрашенные. В администрации князей и в аппарате

сёгун появились своего рода «советники по культуре» (*добосю*), которые оценивали подобные дары. Эти специалисты, как настоящие искусствоведы, создавали трактаты по искусству оценки мечей. Ряд трактатов был тайным: они передавались только в узком кругу посвященных. Семейство Хонъями создало целую школу по оценке мечей, и представители этого рода сформировали профессиональную корпорацию. Специалисты из дома Хонъями стали давать письменное заключение на сложенной бумаге *оригами*. В нем указывались стоимость меча, его подлинность и т.д. Такие письменные заключения с оценкой прилагались к мечам, которыми в виде подарков обменивались дома *сёгуна* и *даймё*.

Многие *даймё* именно в это время собрали большие коллекции, имевшие значительную художественную ценность. Они были не только предметом гордости владельца, но и означали масштаб его влияния. Появились специалисты по уходу за мечами. Главная задача этих людей заключалась в том, чтобы поддерживать мечи в идеальном состоянии: смазывать их, шлифовать и т.д. Поэтому даже мечи почти тысячелетней давности всегда находились в бое-способном состоянии.

На этом я заканчиваю рассказ о мечях и перехожу к другой теме: к чайной церемонии, или чайному действу. Считается, что традиция чаепития появилась в Японии примерно в IX в. Однако тогда это были спорадические чаепития в императорском доме, в ходе которых пили чай, привезенный из Китая. Новый этап наступает в период Камакура, когда культура чаепития начинает объединяться с медитативными практиками дзэн-буддизма, ценившего чай как средство физического расслабления и психической концентрации во время долгих медитаций. Дзэнские монахи в своих трактатах о чае отмечали его лекарственное воздействие.

Считается, что в Японию семена чая привез в конце XII в. Эйсай (Ёсай), дзэнский монах школы Риндзай. Он же посадил первые образцы чайных кустов при дзэнском храме. Эйсай посоветовал третьему *сёгуну* дома Минамото молодому Санэтомо, пристрастившемуся к винопитию, чай как идеальное средство от похмелья. Чай помог, *сёгун* и его окружение оценили это средство, и с тех пор чай стал любимейшим напитком самураев, а чаепитие быстро распространилось в воинском сословии.

Дзэн — одно из направлений буддизма, распространенных в Китае в эпоху Сун (кит. *чань*). Вместе с дзэнской культурой в Японию пришло не только само учение, но и многие предметы, связанные с храмовым и монастырским бытом. Это предметы утвари, культовые украшения, живопись и т.д.

Чайная культура, с которой связано наполнение дзэнских монастырей и храмов специфической утварью — каллиграфическими свитками, картинами, курительницами, сосудами для воды, чайницами, цветочными вазами и т.д., — распространилась в воинском сословии и к эпохе Муромати (особенно в среде *даймё*) приобрела форму действия, приподнятого над миром повседневного бытия. В кругу *даймё* считалось, что чайная утварь высшего класса должна быть китайской, поэтому в княжеских домах собирались большие коллекции китайской керамики и предметов чайной утвари.

В противовес этому в конце XVI в. Сэн-но Рикю, выходец из купеческого сословия города Сакаи, величайший чайный мастер, создал традицию «смирного», «скупого» чаепития *ваби-тя*, в которой подчеркивался духовный аспект, а не внешняя роскошь. Это культура углубленно-духовного, аскетического чаепития, служащего поиску дзэнского озарения, поиску совершенной красоты-истины в несовершенных бытии и природе вещей. С этого времени многие *даймё* наряду с роскошными чайными павильонами и комнатами стали создавать в своих замках и поместьях чайные домики в стиле *ваби*.

Еще одна важная составляющая культуры самураев — театр Но. Он родился из обрядового фольклора, из ритуальных действий аграрно-магического происхождения. Постепенно из ритуального аспекта выделился собственно художественный, стали появляться профессионалы сцены, развлекавшие публику своими нехитрыми скоморошскими забавами *саругаку* (букв. «обезьяньи потехи»). Ко второй половине XIV в. это искусство необычайно развилось, а отец и сын Канъами и Дзэами сделали его подлинным высоким классическим искусством. Этому способствовало то обстоятельство, что спектакль их труппы увидел третий сёгун второго сёгуната Ёсимицу Асикага. Он приблизил к себе труппу Юсаки, к которой принадлежали отец и сын, сделав ее фактически своей придворной труппой. Тогда народное площадное искусство *саругаку* начало эволюционировать к высокой классической драме Но.

Воинская знать необычайно увлеклась театром Но. Об этом свидетельствует тот факт, что Нобунага Ода, правитель, прославившийся своим крутым нравом, был актером-любителем и выступал в спектаклях театра Но. Ко временам третьего сёгуната Токугава, с XVII в., театр Но превратился в парадно-ритуальное церемониальное действо, насаждавшееся как в доме Токугава, так и среди *даймё*. Театр Но считался обязательным элементом классического образования самураев. *Даймё* старались не отставать от столичных и от эдоского сёгуната, наперебой приглашая к себе в поместья известных актеров Но и устраивая представления. Сценическая одежда актеров была гораздо более яркой, экспрессивной, красочной, чем повседневная и даже праздничная одежда самураев. Сценические костюмы шили из особых сортов изукрашенной парчи с символическими узорами.

Перевод с японского В.П. Мазурика

ЛЕКЦИЯ 1

ЯПОНИЯ ПРИ СЁГУНАТЕ ТОКУГАВА

А.Н. Мещеряков

Период Токугава является уникальным — как для самой Японии, так и с точки зрения истории всемирной. Ни до, ни после него Япония не знала такого протяженного мирного и спокойного периода, когда силы населения Японского архипелага были направлены исключительно на мирный труд и созидание.

В 15-й день 9-й луны (21 октября) 1600 г. 70-тысячное войско коалиции княжеств Восточной Японии под водительством *даймё* (князя) Иэясу Токугавы (1542–1616) одержало решающую победу над 80-тысячной армией коалиции княжеств Западной Японии в битве при Сэкигахаре (провинция Мино, совр. префектура Гифу). В самом скором времени после своей победы Иэясу удалось объединить Японию, которую последние десятилетия сотрясали кровопролитные междоусобные войны. В 1603 г. Иэясу Токугава получил указ императора Гоэдзэй (1586–1611) о назначении его военным правителем — *сёгуном*. Полное название должности звучало так: «великий *сёгун*, покоритель восточных варваров». Эта должность имела древнее происхождение, на нее назначались военачальники, выступавшие походом на восток (северо-восток) острова Хонсю против *эдзо* (или *эмиси*) — предков айнов. В древности должность *сёгуна* была временной, для Иэясу и его потомков она стала постоянной и наследственной.

Первоначально предполагалось, что *сёгун* будет защищать императора от нападений «варваров». На самом деле немногочисленные *эдзо* (полукочевые земледельцы, рыболовы, охотники и собиратели) не представляли никакой реальной угрозы режиму. Настоящих внешних врагов у Японии не существовало. Однако после окончания войн, предшествовавших вступлению Иэясу в должность *сёгуна*, ему предстояло восстановить спокойствие и мир в самой Японии. В 1615 г. его войска взяли штурмом осакский замок Хидзэри Тоётоми (1593–1615), последнего возможного конкурента в борьбе за власть. После самоубийства Хидзэри дом Токугава окончательно утвердился в своем положении.

Всего через два года после назначения *сёгуном* Иэясу отрекся от должности в пользу своего сына Хидэтады (1579–1632), который повелением императора был также назначен *сёгуном*. Так началась династия Токугава. Однако сам Иэясу до самой смерти оставался реальным главой сёгуната. Он использовал политическую технику, давно апробированную в императорском доме, где отрекшийся император зачастую получал большие полномочия по сравнению с тем временем, когда он находился на троне. Назначив преемника (т.е. обеспечив преемственность власти), бывший император по праву старшинства оставался главой дома, но избавлялся при этом от многих ритуальных и церемониальных ограничений, которые накладывал на него титул. Отречения *сёгунов* были достаточно распространенной практикой и в дальнейшем.

Свою ставку Иэясу основал на востоке Японии — в деревушке Эдо (совр. Токио), которая была расположена в 500 км от Киото, где находился дворец императора. Теперь это поселение стало стремительно преобразоваться в город — главный административный центр страны. Однако, помня о своем военном прошлом, правительство Токугава по-прежнему именовалось «полевой ставкой» (*бакуфу*). Она находилась на побережье Тихого океана в долине Канто, самом большом рисопроизводящем районе страны. Это обстоятельство оказалось для Токугава более важным, чем близость к императору и Киото — традиционному политическому центру Японии. Получив контроль над Канто, Токугава приобрели ресурсную базу для содержания разветвленного бюрократического аппарата и самой большой армии в стране, конкуренцию которой не могла составить ни одна княжеская дружина.

Второе важнейшее событие в истории Японии XVII в. — это закрытие страны. В 1639 г. были изданы сёгунские указы, окончательно запретившие пребывание в Японии христианских миссионеров (в основном это были иезуиты) и европейских купцов. Европейцев сочли силой, которая оказывала на Японию дестабилизирующее влияние. Лучшим доказательством этому послужило крестьянское восстание 1637–1638 гг. в Симабаре (провинция Хидзэн, совр. префектура Нагасаки). Именно там, на острове Кюсю, влияние христиан было самым сильным в Японии (даже часть тамошних князей приняла христианство). Восстание началось из-за повышения налогов, в нем участвовало 37 тыс. человек, его возглавляли японские христиане, и оно было окрашено в милитаристские тона. В подавлении восстания приняло около 120 тыс. воинов.

После усмирения крестьян нападки на христианство со стороны властей усиливаются. Его квалифицируют как религию, которая учит неповиновению властям, отказу от веры в синтоистских божеств и будд, в глазах элиты оно предстает как разрушитель традиционных этических ценностей. Заявления миссионеров о том, что только крещение избавляет от ада, распространялось ими и на некрещеных предков японских христиан, что входило в вопиющее противоречие с культом предков. В качестве практического обоснования изгнания европейцев выступало и то соображение, что через них осуществлялась доставка в Японию огнестрельного оружия.

Теперь общение с внешним миром было ограничено несколькими китайскими, корейскими и голландскими кораблями. Лимит для последних был самым жестким и составлял всего два корабля в год. Фактория Ост-Индской компании, занимавшейся в Японии торговлей предметами роскоши, располагалась на крошечном насыпном островке Дэдзима возле Нагасаки. Именно голландские купцы стали на долгое время японским «окном в Европу». Более мягкое отношение к голландцам было обусловлено тем, что они были не католиками, а протестантами и не занимались прозелитизмом. Прибывая в Японию, они были обязаны представить детальный отчет о том, что произошло в Европе за истекший «отчетный период». Хотя голландцы временами отправлялись в Эдо на аудиенцию к сёгуну, без специального на то разрешения они не имели права покидать пределы Дэдзимы. Христианство же в самой Японии подверглось строжайшему запрету. Всем японцам предлагалось доказать, что они не являются приверженцами этой религии. Для этого им предлагалось топтать ногами сделанную из меди христианскую икону с изображением девы Марии. Последователей христианства преследовали и даже казнили.

После подавления симабарского восстания Япония вступила в полосу стабильности и мира. Европейцы, разочарованные отсутствием в Японии тех ресурсов и товаров, которые в избытке имелись в других странах Восточной и Южной Азии (прежде всего в Индии), в течение длительного времени не беспокоили Японию непрошеными вторжениями. Вместе с запретом «на въезд»

был введен и запрет на выезд японцев за пределы архипелага. Строительство крупных судов также не разрешалось. Для Японии наступило время крайне ограниченных контактов с внешним миром. Поскольку стабильный XVIII век оказался беден происшествиями, событиями «общенациональной» и международной значимости, то основное внимание историков традиционно уделяется не столько истории «событийной», сколько институциональной.

Основателю сёгунской династии Иэясу Токугава и его потомкам удалось сформировать такую политическую систему, которая доказала свою прочность, просуществовав в течение двух с половиной веков. К XVIII в. страна оказалась разбита на две с половиной сотни княжеств. Их размеры были ничтожны — в среднем всего около 1000 кв. км. Князья были ранжированы на две основные категории: прямые вассалы дома Токугава — *фудай даймё* («внутренние князья»; в их число попали союзники Иэясу по борьбе против западной коалиции; в конце XVIII в. их насчитывалось 145) и *тодзама даймё* («внешние князья», бывшие противники Иэясу, их число составляло 98). Кроме того, отдельную группу составляли 23 *симпана* («родственные княжества»), т.е. княжества, которые возглавлялись родственными Токугава домами. Внутри этих категорий существовали и другие подразделения, что создавало достаточно запутанную систему вассальных отношений. При этом переход из одной категории в другую был мало возможен. Хотя из этого правила и существовали исключения, но общим курсом Токугава по отношению к княжествам была не их интеграция, а фиксация того типа отношений, который существовал при Иэясу. Это не означает, что *бакуфу* не занималось конфискацией и перераспределением земель при первых *сёгунах*, но они были весьма далеки от идеи полной централизации управления. К XVIII в. система обрела стабильность, случаи перераспределения земли и переводов *даймё* с места на место стали скорее не правилом, а исключением. Идеалом периода Токугава была конфедерация княжеств, а не государство абсолютистского типа. Это было не только политическое, но и мировоззренческое убеждение: Иэясу завещал своим потомкам оставлять без изменения нравы и обычаи провинций, входивших в Японию, на том основании, что то, что хорошо для одних, не подходит другим.

Тем не менее на князей были наложены серьезные ограничения. Им запрещалось строить новые оборонительные сооружения (замки); для предотвращения создания скрепленных кровным родством коалиций заключать браки они могли только с согласия *бакуфу*; по всей стране было запрещено иметь огнестрельное оружие; крупнейшие города (Эдо, Киото, Осака, Нагоя), порты и рудники были выведены из-под контроля князей и находились под непосредственным контролем *бакуфу*. Сёгунат всячески препятствовал контактам князей с императорским домом.

Одной из форм контроля над князьями была «система заложенчества» (*санкин котай*), которая предписывала *даймё* и их семьям обязательное нахождение в столице. Только по прошествии года князю разрешалось вернуться в родные места — тоже на год. Семья же продолжала оставаться в Эдо. Затем князь и его дружина снова возвращались в Эдо. Живя «на два дома», *даймё* истощали свои материальные ресурсы — расходы на путешествия, в которых участвовали многочисленные дружины, и содержание резиденций в Эдо отнимали 35—40% доходов, источников пополнения которых у них было не слишком много. Крошечные размеры княжеств не давали реальной возможности для создания сколько-то значительного прибавочного продукта. Держа князей в Эдо под присмотром своих бдительных агентов, *сёгуны* предотвращали возможность сговора. Система доказала свою эффективность — вплоть до середины XIX в. ни одного сколько-нибудь серьезного заговора выявлено не было.

Это, разумеется, не означало, что внутри элиты отсутствовали группировки с разными интересами. Однако политическая борьба того времени заключалась не в попытках свержения сёгунской династии, а в лоббировании своих кандидатов на пост сёгуна и другие высшие правительственные должности. Поскольку в Японии отсутствовал фиксированный порядок наследования (это касается императорского, сёгунского и княжеских домов), это создавало прекрасные возможности для составления политических коалиций, которые, однако, не посягали на основополагающие принципы устройства сёгуната. При этом с течением времени наблюдается уменьшение роли личности сёгуна, все большее значение в принятии решений приобретает сёгунские советники и администраторы. В XVIII в. на должности сёгунов часто назначались люди юные, болезненные, сластолюбивые или не имевшие никакой склонности к активной государственной деятельности. Модель, при которой номинальный глава режима осуществляет церемониальные функции и имеет мало отношения к принятию практических решений, не была изобретением этого времени. Точно так же обстояли дела и в императорском доме еще в глубокой древности. Во многих княжествах ситуация складывалась точно таким же образом. Одним из последствий подобного стиля управления было почти полное отсутствие лидеров диктаторского типа на всем протяжении японской истории. Управление страной и княжествами осуществлялось коллективно на основе достижения компромиссных «аппаратных» решений. Главным органом управления *бакуфу* стал «совет старейшин» (*родзю*), в состав которого входили четыре-пять ротлируемых представителей из среды *фудай даймё*.

Несмотря на жесткий контроль со стороны *бакуфу*, включавший в себя полный запрет на публичное обсуждение политических вопросов, следует иметь в виду, что *даймё* не рассматривались как враги режима. Каждый князь имел свою вооруженную дружину самураев. *Сёгуны* редко вмешивались во внутренние дела княжеств, где *даймё* выступали в качестве верховных распорядителей и судей. *Даймё* обладали правом сбора податей с подведомственной им территории в свою пользу и при этом не платили налогов в государственную казну. В случае экстренной необходимости (ремонт сёгунского замка, ликвидация последствий пожара, землетрясения, тайфуна и т.п.) правительство могло только просить князей поучаствовать в каком-нибудь проекте, но не более того. Обычно князья соглашались на такие предложения, но объем участия решался на основе компромисса. Резиденции *даймё* в Эдо обладали экстерриториальностью — преступник мог скрыться там, и *бакуфу* не имело легальной возможности вытребовать его оттуда. В случае опасности князья были обязаны поставлять центральной власти в Эдо свои войска, но в условиях отсутствия реальной военной угрозы их главная обязанность превращалась в XVIII в. в фикцию. Иными словами, князья имели достаточно прав, которые позволяли им сохранять довольно большую самостоятельность и чувство достоинства.

Самостоятельности княжеств способствовало и слабое развитие коммуникаций в стране. Панически опасаясь заговоров и мятежей, сёгунат не разрешал их принципиального улучшения (ширина главного тракта Токайдо, соединявшего Эдо, Осаку и Киото, составляла около пяти метров), на строительство новых дорог и мостов накладывались серьезные ограничения. В то же самое время в 53 пунктах тракта Токайдо содержались постоянные дворы для путешественников. Служба пеших гонцов с письмами и бандеролями преодолевала расстояние между Эдо и Осакой за 2–6 дней, тогда как для того, чтобы процессия, сопровождающая *даймё*, преодолела то же самое расстояние, требовалось около 20 дней. Таким образом, внезапность передислокации воинских соединений была исключена.

Отношения сёгуната и императорского двора в Киото отличались двойственностью. С одной стороны, двор находился под полным контролем сёгунской власти. Император постоянно находился «под дворцовым арестом»: ему запрещалось покидать пределы своего дворца, охрану которого поочередно несли дружины самураи из разных княжеств. После визита в Киото Иэмицу Токугавы в 1634 г. сёгуны перестали бывать в Киото. Зримым присутствием сёгуната в Киото был принадлежавший *бакуфу* огромный замок Нидзёдзэ, который превосходил императорский дворец как размерами, так и убранством. Император и его аристократическое окружение (ок. 300 семей), которое вело свое происхождение от синтоистских божеств, не имели ни военных, ни (почти никаких) материальных ресурсов и находились в этом отношении в полной зависимости от благорасположения *бакуфу*.

С другой стороны, несмотря на то что император не обладал влиянием на принятие решений, у него сохранялся достаточно высокий ритуальный и церемониальный статус. Император («сын Неба») считался земным воплощением Полярной звезды (*тэнно*) и отправлял ритуалы, ставящие своей целью обеспечение благоденствия страны. Новый сёгун официально утверждался в своем статусе только после того, как император издавал соответствующий указ. Окружение сёгуна тоже получало придворные ранги и должности только с согласия императорского двора, за что приходилось ему приплачивать. В отличие от древности, придворные ранги и должности не обеспечивались соответствующим содержанием, но без них военные чувствовали себя людьми «неполноценными». Сёгуны временами подкрепляли свой авторитет с помощью «династических» браков. Так, в 1620 г. дочь Хидэтады была отдана замуж за императора Гомидзуноо (1611–1629), а их семилетняя дочь Мэйсё даже заняла в 1629 г. императорский трон — впервые после VIII в. на троне оказалась женщина. Члены императорского рода обеспечивали и ритуальную охрану сёгунских предков: в буддийском храме Бодайзи в Эдо, где отправлялись поминальные службы по членам сёгунского рода, настоятелем служил принц крови, местом рождения которого был Киото.

Иными словами, императорский двор обеспечивал легитимность режиму сёгуната. Токугава возводили свое происхождение к роду Гэндзи (Минамото), который, в свою очередь, считал своим предком императора Сэйва (858–876). Токугава не имели на то никаких реальных генеалогических подтверждений, но эта фальсификация тем не менее служила основанием легитимности их власти. Император, считавшийся в дальневосточной политической философии «хозяином времени» (в том числе погоды, а значит, и урожая), сохранил эту функцию и при Токугава — именно от его имени провозглашались девизы правления, в соответствии с которыми жила вся страна. В документе, известном как «Завещание Иэясу Токугавы», его автор фактически признавал, что сёгунская династия, в отличие от императорской, конечна. Считалось, что китайская по своему происхождению концепция «мандата Неба» (смена династии, растратившей свою сакральную энергетику) применима к сёгунам, но не к императорам. История подтверждала это умозаключение: если императорская династия не знала перерыва с самых древних времен, то у сёгуната Токугава было два предшественника — сёгунаты Минамото (1185–1333) и Асикага (1333–1573). «Золотой век» Японии сёгуны относили к правлению мифического первоимператора Дзимму, а не к своим предшественникам. Закрепленный за императором статус покровителя наук и искусств (основным из которых считалась поэзия) служил важнейшим средством поддержания его статуса и авторитета, поскольку в японской (дальневосточной) традиции поэзия является мощным и общепризнанным средством гармонизации космоса и уничтожения хаоса. Поскольку сёгуны Токугава сделали основой своей иде-

ологии неоконфуцианство, они не могли игнорировать его важнейший постулат: примат светско-духовной власти над военной. Ибо только ритуалы и церемонии обеспечивают порядок в Поднебесной, отделяют человека культурного от варвара.

Таким образом, в стране наблюдалось определенное двоевластие, которое давало в перспективе возможность для коренных изменений в политическом устройстве страны. Не подвергавшееся сомнению происхождение императорского рода от синтоистской богини солнца Аматэрасу создавало ему такой «ритуальный авторитет», что *сёгуны* не помышляли об узурпации его жреческих полномочий. В связи с этим *сёгунам* не оставалось ничего другого, как позиционировать себя в качестве защитников императора и двора, т.е. выполнять служебную функцию. Это находило выражение в заботе о материальном положении двора и в восстановлении (финансировании) тех ритуалов, которые перестали отправляться в период междоусобиц, когда положение двора в Киото бывало временами попросту бедственным.

Стратификация токугавского общества была проведена с большой строгостью. Социологическая мысль того времени полагала, что управляемое из Эдо население страны делится на четыре основных сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и купцы. Самураи были наиболее привилегированным сословием. Только они имели право на фамилию, ношение оружия, шелковых одежд, особую «самурайскую» прическу. При этом переход из одной категории в другую был почти невозможен, браки между представителями разных сословий не допускались. Такая структура, когда на верху социальной лестницы находятся военные и земледельцы, а в самом низу ютятся имеющие дело с презренными деньгами торгошники, не является чем-то уникальным для средневекового общества. Предметом гордости для самураев было то, что они не умеют (или якобы не умеют) распознавать номиналы монет.

Однако в отличие от Европы клирики находились за пределами этой социальной сетки. Период Токугава характеризуется утерей религиозной пассионарности, которая в значительной степени была свойственна для Японии прошлых веков. Это время не порождает религиозных личностей того масштаба, какие рождала страна в прежние времена. В обществе доминирует неоконфуцианское понимание религии, когда она считается в значительной степени предрассудком. Японцев того времени (во всяком случае, интеллектуальную элиту) больше волновал не потусторонний, а посюсторонний мир. Во времена Токугава не существовало официальной религиозной ортодоксии (ни буддийской, ни синтоистской). Жители были лишены свободы посещать буддийские храмы полюбившейся им школы (а их существовало множество). Они были приписаны к одному из ближайших буддийских храмов, которые превратились в одно из подразделений административного аппарата. Так, в их функцию входила регистрация рождений и смертей, выдача справок о том, что прихожанин не является приверженцем христианства (такая справка требовалась при отправлении в далекое путешествие — обычно это было паломничество).

На окончание усобиц страна отреагировала резким повышением рождаемости. Считается, что в 1600 г. численность населения составляла чуть более 12 млн. человек. Перепись населения, проведенная в 1721 г., показала, что в стране проживает уже около 31 млн. человек. К концу века эта цифра практически не изменилась. Можно полагать это «застоем», а можно считать, что общество и его хозяйство находились в уравновешенном и стабильном состоянии. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что японское государство не предпринимало никаких усилий по расширению своей территории, хотя Хоккайдо, например, представлял собой прекрасную возможность для

экспансии и освоения. Иными словами, Япония располагала достаточной ресурсной основой для того, чтобы поддерживать высокую численность населения.

Рост численности населения был связан и с развитой гигиенической культурой последнего. Чистоплотность и ежедневная баня были нормой, катастрофических эпидемий Япония не знала. Традиционные для Дальнего Востока методы врачевания включали, помимо растительных и минеральных лекарств, акупунктуру, прижигания моксой, массаж, тщательно разработанную диету. Несмотря на высокую детскую смертность, средняя продолжительность жизни составляла около 40 лет.

При крайне ограниченном количестве пригодной для хозяйственного освоения земли сама цифра 31 млн. не может не вызывать уважения. Тем более что значительная часть населения не занималась производительным трудом. Это прежде всего самураи, которым в теории запрещались любые занятия, кроме военных и административных. Это не означает, что никто из самураев не крестьянствовал, не врачевал или не открывал частных школ, но все-таки подавляющее их большинство (вместе с семьями их насчитывалось около 2 млн. человек) жило исключительно за счет фиксированных рисовых пайков, которые платились им сюзеренами. Таким образом, непроизводительный слой в Японии был значительно больше, чем в Европе или России. И японское крестьянство вполне успешно кормило и одевало дворян-самураев, лишенных земли. В XVII–XVIII вв. слово «трудолюбие» начинает появляться в источниках, и оно позиционируется в качестве общепризнанной добродетели. Крестьян, которые добились особенно больших хозяйственных успехов, было принято отмечать особыми табличками, которые устанавливались перед их домами. Праздность не входила в список достоинств и считалась вредной для здоровья из-за вызываемом ею застоя пневмы (яп. *ки*, кит. *ци*). Нищие не считались «божьими людьми», даже буддийские монахи были обязаны трудиться.

Производительность крестьянских хозяйств была весьма высокой. Ввиду ограниченности сельскохозяйственных земель (три четверти страны покрывают горы) японский крестьянин не выращивал, как правило, никакого скота, отдавая все силы растениеводству. Животный белок японцы получали почти исключительно из рыбы. Наряду с фекалиями и компостом рыба употреблялась также в качестве удобрения. Поскольку из всех зерновых рис давал самый высокий урожай и являлся наиболее престижным видом питания (его основным потребителем выступали самураи и городские жители), крестьянам вменялось в обязанность сосредоточиваться именно на заливно-рисосеянии, а это требовало постоянных усилий по сооружению и поддержанию в порядке ирригационных сооружений (плотин, водохранилищ, каналов), что заметно понижало зависимость крестьянина от погодных условий (в особенности от частых в Японии летних засух). В условиях почти полного отсутствия скота практически все работы выполнялись вручную. Период Токугава отмечен резким сокращением поголовья лошадей. С наступлением мира надобность в боевой коннице отпала, а содержание лошадей оказывалось настолько хозяйственно неоправданным, что в Японии отсутствовал гужевой транспорт. Знатные люди путешествовали в паланкинах, простой люд — пешком. Короткие, порожистые и пересыхающие летом реки не давали возможности для широкого распространения речных перевозок. Основным средством транспортировки тяжелых грузов выступало каботажное судоходство.

В то время два урожая в год были уже нормой во многих районах Японского архипелага. Первый составлял рис, второй — высаживаемые на его месте после сбора урожая другие культуры. Основным видом налога был позе-

мельный, взимавшийся рисом. Он определялся в зависимости от качества обрабатываемой земли (по всей стране она была ранжирована по признаку плодородия), погодных условий, местных традиций и составлял 30–40% урожая. Оставшаяся часть урожая была достаточной для поддержания жизни, но она, как правило, не оставляла возможностей для расширенного воспроизводства.

Трудовая повинность (строительство и ремонт ирригационных сооружений, дорог, административных учреждений и т.п.) отнимала у крестьян немало времени. Однако сложившийся тип хозяйствования и социального уклада приводил к тому, что случаи массового голода были достаточно редки. Точно так же, как и крестьянские выступления. Обычно они принимали форму петиционного движения. Просьбы крестьян были весьма скромны. По большей части они просили избавить их от произвола местного начальника. Случалось, что такие петиции подавались с нарушением субординации, через голову непосредственного начальника, что было строгойше запрещено. В таком случае типичным исходом являлась казнь зачинщиков и удовлетворение их требований. Протесты городского населения против повышения цен на рис (блюды интересы самураев, которые продавали часть своего пайка, сёгунат старался держать цены на рис высокими) временами заканчивались погромами рисовых лавок (например, в 1783 г.), но такие случаи были исключительно редки. Легитимность же власти *сёгуна* и *даймё* под сомнение никогда не ставилась. Этому способствовало и то обстоятельство, что элита предьявляла достаточные высокие требования по отношению к себе, что помогало значительно минимизировать коррупцию и беззаконие.

Основная доля поземельного налога шла на выплату пайков самураям и содержание административного аппарата. Эта часть составляла около половины расходной части бюджета — как самого *бакуфу*, так и княжеств. В этих условиях правительство не имело возможности осуществлять крупные «общенациональные» проекты. Ремонт замка *сёгуна* или князя вызывал заметное напряжение финансов. Процессии, периодически направлявшиеся к храму в Никко (префектура Тотиги, примерно в 120 км северу от Эдо), где почитался дух основателя династии Иэясу Токугава, были наиболее видимым проявлением могущества власти. Вместе с тем это мероприятие было для *бакуфу* весьма затратным, поскольку *сёгуна* сопровождала огромная свита из князей и их дружин, которая растягивалась на десятки километров. Однако, если оценивать ситуацию в целом, следует сделать вывод, что режим *бакуфу* не страдал комплексом гигантомании.

Значительная часть японского населения концентрировалась в городах. Считается, что в начале XVIII в. в них проживало 7–10% населения. Основу их жителей составляли самураи, которым предписывалось находиться рядом со своим сюзереном. В связи с этим большинство японских городов того времени представляли собой разросшиеся призамковые поселения. Самыми большими среди них были Киото, Осака и Эдо. Киото — древняя столица страны, Осака — ее «кухня» (крупнейший торговый город), Эдо — резиденция *сёгунов*. Население Эдо составляло около 1 млн. человек, Киото и Осака — 500 тыс.

Мужское многолюдье Эдо поддерживалось концентрацией там правительственных учреждений и «системой заложничества». Самураи, которые находились в Эдо в составе княжеских дружин, прибывали туда без семей. И это имело огромное влияние на всю городскую инфраструктуру. В Эдо процветали магазины, гостиницы, харчевни, публичные бани и дома, театры. Происхождение заведений такого рода следует отнести к более раннему времени, однако в эпоху Токугава значительно увеличилась их концентрация. Точно так же, как и концентрации ремесленников. Вместе с тем следует помнить, что

урбанизация не сопровождалась значительными изменениями в производстве, а сам рост городов был обусловлен не экономическими, а административными причинами. Городская Япония не знала ничего, подобного «промышленной революции». Улучшения в технологии производства не носили принципиального характера. Даже самые крупные города являлись, по сути, очень «большими деревнями». В то же время можно говорить о «коммерческо-торговой революции», поскольку была создана разветвленная торговая сеть и протобанковская система, которая занималась страхованием морских грузов, выдачей аккредитивов, кредитованием князей и оптовых торговцев. Последние, в свою очередь, кредитовали крестьян.

Основой развития торговли был рис. Получив свой рисовый паек, многие самураи конвертировали определенную его часть в деньги. Через Осаку, где находилась крупнейшая в стране рисовая биржа, ежегодно проходило около 600 тыс. т риса.

Стабильность режима и общественное спокойствие были характерной особенностью почти всего периода Токугава. В особенности это касается XVIII в. Власть, не отвлекаясь на внешние дела (в стране отсутствовало даже специализированное учреждение, в ведении которого находились бы внешние сношения), всю свою энергию направляла на обеспечение незыблемости принятого порядка. Целью реформаторской деятельности было уточнение базовых социально-экономических параметров, а не их кардинальное изменение. Именно такой характер имели две самые значительные реформы периода Токугава — годов Кёхо (1716–1735) и Кансэй 1789–1800), названные так по девизам правлений и затрагивавшие вопросы налогообложения, финансовой системы, трудовой миграции (ее ограничения).

Запрет на изменение сословного состояния, создание крестьянских пятидворок с их принципом круговой поруки и коллективной ответственности (за недоимки, преступления, организацию общественных работ и т.д.) подкреплялись детальнейшей регламентацией жизни всех сословий. Одежда, прически, еда, размер и устройство жилища, материалы для его постройки, способы передвижения (простолюдинам запрещалось путешествовать в паланкине), формы публичного поведения (поклоны, приветствия, этикет устной и письменной речи, самурайские самоубийства и т.д.) и социальные роли были разработаны с пугающей детализацией. Законотворческая деятельность, которая в значительной степени имела запретительный (регламентирующий) характер, отнимала у властей колоссальное количество времени да и бумаги. Распоряжения правительства и князей доводились до сведения жителей либо письменно (на досках объявлений), либо устно (оглашение на деревенских сходах). Отличительной особенностью таких распоряжений было отсутствие «мотивировочной» части — жителям предписывался тот или иной способ поведения без объяснения его причин.

Японец проживал в регламентированном и предсказуемом пространстве — не только социальном, но и физическом. В этом пространстве частные дома, учреждения, магазины, театры, публичные дома, возделанные поля занимали раз и навсегда определенное властями и традицией место. Занятия были наследственными, местожительство — тоже. Для совершения путешествия требовалось разрешение властей. Люди не искали «лучшей доли» за морем, «пионерский» дух отсутствовал, степень оседлости была чрезвычайно высокой. Общий ритм жизни был выстроен из расчета на извечность существующих порядков, будущее время тоже рассматривалось как предсказуемое. В 1836 г. залезший в долги *даймё* княжества Сацума заключил с кредиторами соглашение, согласно которому завершение выплаты долга предусматривалось в 2085 г.

Обучение, осуществлявшееся в разветвленной сети частных школ (как для самураев, так и для простолюдов), было направлено на усвоение того, что высшей добродетелью является безоговорочное послушание — главе семьи, старосте, уездному и городскому начальству. Образцом послушания выступали самураи — главной добродетелью их неписаного кодекса чести (*бусидо*) выступала верность своему сюзеру. Таким образом, от общества требовалось, чтобы оно вело себя в соответствии с идеалами военного сословия. Сохранилось большое количество сочинений представителей всех сословий, которые свидетельствуют о том, что вопросам этики уделялось огромное внимание. При всей разности подходов для большинства из них характерно воспевание послушания, трудолюбия, честности, этикетности поведения, долга, личной верности, подчиненности человека интересам коллектива.

Образованность глубоко проникла в японское общество. Считается, что в середине XIX в. грамотой в той или иной степени владело около 40% мужчин и 15% женщин. Что до самураев, то практически все они были грамотными. В связи с этим ксилографическое книгопечатание получило широкое распространение, в крупнейших городах действовали сотни библиотек.

Сёгунат мыслил себя не только административным распорядителем, но и моральным лидером, учителем народа, который открыто характеризовался как «неразумный». В связи с этим прилагались настойчивые усилия по внедрению в его среду моральных ценностей. Периодически издавались указы, призывающие к неукоснительному исполнению семейных обязанностей; перед частными домами устанавливались таблички, свидетельствующие о том, что здесь проживают чадолюбивые (многодетные) родители и родителейлюбивые дети. Часты были и указы, запрещающие (ограничивающие) излишества и роскошь — фейерверки, посещение зрелищных мероприятий (выступления уличных артистов, театральные постановки и соревнований по борьбе *сумо*). Осуждались ношение драгоценностей, гребней, шелковой одежды, употребление изысканных курительных трубок, пышные свадьбы, дорогое питание (например, сладости, ранние овощи и фрукты), неумеренное винопитие и т.д. Всячески поощрялись экономность и бережливость: жителям предлагалось пользоваться домашней утварью максимально долго, откладывать до последней возможности ремонтные работы в своем доме, не тратиться на излишества и т.п. Никого не удивляли и запреты на азартные игры, «нескромные» картинки и книжки (в их число попал и знаменитый средневековый роман «Повесть о Гэндзи» Сикибу Мурасаки), «безнравственные» театральные постановки. Свободная любовь считалась проявлением неконтролируемой и разрушительной страсти, а потому не подлежала воспеванию. Место любви занимал семейный долг. Физическое наслаждение мужчин обеспечивали обитательницы лицензированных «веселых кварталов». Закрепленное в указах власти раздражение вызывалось не столько их «аморальностью» или же «развращенностью», сколько их шикарными нарядами. То есть им предъявлялись те же самые требования, что и другим обитателям страны.

Все эти ограничения и регламентации проводились в жизнь с завидной последовательностью — нарушители попадали в тюрьму, магазины, где торговали товарами сверх порога указанных цен, безжалостно закрывались. Общий курс сёгуната был рассчитан не столько на увеличение производства, сколько на ограничение потребления. Это касалось не только «простолюдов», но и самураев, князей и даже *сёгунов*, которые, бывало, являли себя своим вассалам в самых простых одеждах. Статусный разрыв между различными социальными группами был огромным, но, если судить по европейским стандартам, разница в материальном положении не была столь кричащей. Несмотря на ограниченность средств, *бакуфу* и князья не предпринимали серьезных уси-

лий для увеличения налоговой базы, которая на протяжении всего периода Токугава оставалась практически неизменной.

Для обеспечения выполнения своих указов *бакуфу* обладало огромным административным и полицейским аппаратом (как центральным, так и княжеским), доносительство было в порядке вещей, должность тайного агента пользовалась спросом. Несмотря на то что эффективность многих мелочных ограничений весьма сомнительна (их иногда называли «трехдневными законами»), основные распоряжения все-таки исполнялись. Все это приводило к тому, что японское население отличалось беспрецедентным послушанием, а управляемость страной следует признать очень высокой. В перспективе это сильно облегчило в стране проведение модернизации во второй половине XIX в., которая проводилась в соответствии с планами, разработанными уже новыми властями.

Имея минимальное количество физических контактов с Западом, Япония (по крайней мере ее управленческая верхушка и интеллектуальная элита) отчетливо помнила о времени пребывания европейцев в Японии. Христианские сочинения находились под запретом, но небольшой группе ученых дозволялся доступ к европейским книгам научного содержания. Эти ученые получили прозвище «голландоведов» (*рангакуся*). Они занимались штудированием медицины, биологии, астрономии, географии, физики, химии. Однако прямое воздействие европейской науки на японский интеллектуальный климат нужно признать минимальным. Начинаясь с нативистского движения (Школа национальных наук — Кокугаку) объявило Японию «страной синтоистских богов» и противопоставляло ее Китаю, Корее и Западу. Многие из ученых, принадлежавших к этой школе, полагали, что страны Запада стремятся к завоеванию Японии, а потому следует быть готовым к отпору. Хотя конфуцианский ученый и государственный деятель Хакусэки Араи (1657–1725) не думал так, он находил, что распространение христианства с неизбежностью вызывает дух мятежности. Именно игнорирование христианством такого основополагающего элемента, как сыновняя почтительность, многократно приводило к смене династий в Европе, чего Япония сумела счастливо избежать. Хакусэки Араи и ему подобные с недоумением и гневом цитировали соответствующие части Писания, где умалялось значение кровнородственных связей, составлявших каркас японского общества («Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня...»).

Ученые школы Кокугаку (такие, как Мабути Камо, 1697–1769, Норинага Мотоори, 1730–1801, и др.) занимались изучением и комментированием древних письменных текстов. Они были озабочены выявлением в культуре «чисто» японских элементов, что во времена господства неоконфуцианства не являлось для власти первоочередной идеологической задачей. В связи с этим школа Кокугаку не являлась особенно влиятельной. Однако труды ее ученых еще сыграют во второй половине XIX в. огромную роль в формировании японского государства-нации.

Конец XVIII—начало XIX в. принесли Японии немало угроз ее изолированному существованию. Западным державам становилось «тесно» в прежнем мировом пространстве. Один за другим в Японию прибывали английские, американские и русские корабли. Все непрошеные гости требовали одного: чтобы Япония открыла свои двери для торговли. Иными словами, они требовали порвать с одним из основополагающих принципов существования сёгу-

ната и потому получали отказ. Система сёгуната была выстроена таким образом, что она хорошо держалась в условиях автаркии и располагала достаточной гибкостью и ресурсом для самоподстройки. Однако малейшее внешнее вмешательство в ее работу грозило катастрофой. Так и произошло. В середине XIX в. сёгунское правительство под давлением (в том числе и силовым) западных держав (прежде всего США, России, Англии и Франции) было вынуждено пойти на открытие нескольких портов, а всего через десятилетие, в 1868 г., сёгунат Токугава пал.

Глядя из сегодняшнего дня, кажется, что век 18-й оказался для Японии поистине «золотым». В XVII столетии еще чувствовались последствия кровопролитных междоусобных войн, которые сотрясали страну ранее. Век 19-й принес Японии полноформатное столкновение с европейской цивилизацией, результатом которого стал крах всей прежней системы жизни, гражданская война, лихорадочный поиск ответов на вызовы Запада, болезненные реформы, уничтожение культурного разнообразия. Все это сопровождалось развитием комплекса национальной неполноценности и жуткими психологическими стрессами. Именно в то время сформировалось устойчивое представление о том, что все правление сёгуната Токугава было «временем застоя». Заимствованный с Запада термин «феодализм» приобрел отрицательный привкус — стало считаться, что в мирном правлении сёгуната невозможно обнаружить ничего хорошего. Сёгунат стали обвинять во всех смертных грехах, включая техническую и военную отсталость, закрытие страны, ее изоляцию от «благодатного» международного общения, под которым разумелось прежде всего общение с Западом.

Это убеждение подпитывалось трудами западных историков, которые, свято веря в «прогресс», находили прошлые времена мирного правления сёгуната мало соответствующими идеям о благодатности движения. Япония казалась им классическим образцом «спящей Азии», которую Запад пробудил к активной и деятельной жизни. Западные историки, публицисты, политические и общественные деятели были поражены быстротой перемен, происходивших в Японии второй половины XIX—начала XX в., и наперебой восхищались ими. Они находили, что, выйдя из изоляции, Япония сделала правильный выбор. Индустриализация, всеобщее обязательное обучение, всеобщая воинская повинность, успехи в империалистических войнах (японо-китайская война 1894—1895 гг. и русско-японская 1904—1905 гг.) свидетельствовали о том, что Япония приняла западные правила мировой игры и находится на верном пути. В самом скором историческом будущем этот путь привел ее к потере чувства реальности, фантастическому по своей непродуманности участию во Второй мировой войне и полному военному и моральному краху. Однако историки-марксисты, которые долгое время правили бал в послевоенной Японии, тоже не отнеслись к эпохе Токугава благожелательно. Они тоже были продуктом прогрессистской концепции развития мировой истории и пытались найти в этой эпохе лишь потенциальную предтечу грядущей революции. Но поскольку, несмотря на все их старания, во времена Токугава им не удавалось отыскать убедительных свидетельств развития капиталистических отношений и нарастания накала классового боя, они тоже объявляли это время «косным».

Отношение к эпохе Токугава стало меняться лишь сравнительно недавно. Только тогда историки разглядели за абстрактным зданием «феодализма» живого человека, только тогда был поставлен вопрос: действительно ли вековая изоляция страны была для нее такой вредоносной, как то утверждалось ранее?

**«Я БУДУ ПИСАТЬ ШЕДЕВР —
ЯПОНСКИЙ „ВИШНЕВЫЙ САД“»¹**
(переключка Осаму Дадзая с А.П. Чеховым)

Вакана Коно

1. Дадзай и Чехов

В данной статье рассматривается связь между пьесой А. Чехова «Вишневый сад» и романом классика современной японской литературы Осаму Дадзая «Закат». Почему я сравниваю эти произведения, разные по жанру, написанные в разных странах, в разное время? Сначала обратимся к биографии и основным мотивам творчества Дадзая.

Осаму Дадзай — один из самых читаемых японских писателей XX в.² — родился в 1909 г. в богатой семье крупного помещика на северо-востоке Японии. В 16 лет он начал писать рассказы и решил сделать литературу своей профессией. В этот период жизни он находился под сильным влиянием писателя Рюноске Акутагавы (1892–1927), самоубийство которого было большим ударом для Дадзая. С этого момента он начал вести беспорядочный образ жизни. В это же время Дадзай увлекся коммунистическими идеями и стал тяготиться своим знатным происхождением, остро ощущая обособленность от трудового народа. В 20 лет эти мысли привели его к попытке самоубийства. Следует отметить, что на протяжении жизни он пять раз пытался покончить с собой. Наконец в 1948 г. в нетрезвом виде он утопился вдвоем с любовницей, бросившись в резервуар для дождевой воды³.

Теперь несколько слов об образовании Дадзая. Важно отметить, что он был хорошо знаком с творчеством Чехова. Об этом свидетельствуют упоминания имени Чехова и чеховских персонажей в произведениях писателя. Например, в рассказе «Восемьдесят восьмой вечер» (1940 г.) герой, бедный писатель, так размышляет о себе: «Я писал много рассказов, кажется, все пустяки. Я совсем забыл литературу. Отупел. Иногда тайком читал только Чехова»⁴.

В другом рассказе под названием «Он стал совсем другим» (1934 г.) героиня жалуется приятелю, что ее любовник изменяет ей:

«— Мой друг непостоянен, как погода.

— О чем вы говорите? Я не понимаю.

— Он изменчив и поддается любому влиянию. У него никогда нет своего мнения! Он заражается интересами своих любовниц. Когда он любил девушку — любительницу литературы, говорил только о литературе. Когда жил с женщиной из старинной части Токио, подражал изящному образу жизни этого района. В этом весь его характер!

— Не может быть. Тогда это абсолютно чеховский персонаж»⁵.

Очевидно, что в этом эпизоде содержится намек на героиню рассказа Чехова «Душечка». А герой рассказа «Весенний разбойник» (1940 г.) приводит слова Соленого из «Трех сестер», который использовал стихотворную строфу: «Он и ахнуть не успел, как на него медведь напал».

Дадзая интересовали не только рассказы и пьесы, но также письма и сама личность Чехова. Так, персонаж рассказа «Юноша-обезьянка» (1934 г.) мечтает стать писателем и читает собрание писем Чехова⁶. Чеховские мотивы звучат и в воспоминаниях героя о детстве, школе и его учителя английского языка. «Мистер Буруру был похож на Чехова. Он носил очки, у него была короткая бородка, взгляд застенчивый, всегда улыбался, словно ослепнув от света... Мистическая неопределенность придавала ему какое-то очарование. Каждый студент нашего первого курса тайком хотел понравиться этому красивому иностранцу⁷.

2. «Закат» и «Вишневый сад»

Но наиболее «чеховским» произведением Дадзая является роман «Закат», написанный в 1947 г., т.е. за год до смерти. Решив написать этот роман, он сказал знакомому редактору: «Я буду писать шедевр. Большой шедевр. Намерен писать японский „Вишневый сад“. О трагедии банкротства аристократа. Я уже определился с названием. Это будет „Закат“, что значит исчезающее солнце. Как вам нравится это название?»

Зададимся вопросом, почему Дадзай решил писать японский «Вишневый сад»? Сейчас мы не говорим подробно о его любви к Сидзуко Ооте, обедневшей аристократке, чей характер, жизнь и судьба имеют много общих черт с характером и судьбой Раневской. В литературных исследованиях часто говорилось об этом. Здесь же хотелось бы обратить внимание на другие причины⁸.

Сначала заметим, что в жизни самого Дадзая было много сходного с жизнью персонажей «Вишневого сада». Он, подобно героине «Вишневого сада» Любви Андреевне Раневской, как уже упоминалось, родился в богатой помещичьей семье. Отец был значительной фигурой — депутатом парламента. В его доме так же, как и у Раневской, жили посторонние люди, дальние родственники и прислуга. После земельной реформы 1945 г. семья обанкротилась. Это потрясло Дадзая. В письме к японскому писателю Масудзи Ивусэ он говорит: «Мой родной дом сейчас словно „Вишневый сад“, грустная жизнь» (15 января 1946 г.)⁹. В другом письме снова находим сравнение с Чеховым: «Будь консервативным! Быть консервативным не значит быть реакционным, это значит быть реалистом. Вспомни Чехова. Вспомни „Вишневый сад“» (25 января 1946 г.)¹⁰. «Вишневый сад» упоминается и в других письмах друзьям, например: «Я никак не могу забыть „Вишневый сад“. Сегодня самый смелый образ жизни — жить консервативно» (28 января 1946 г.)¹¹ или: «Когда вы приедете на север Японии, обязательно приходите к моему дому. Я покажу вам „Вишневый сад“ как раз перед банкротством» (21 мая 1946 г.)¹².

Эти письма доказывают, что «Вишневый сад» Чехова оставил необыкновенно глубокий след в душе Дадзая. По словам его жены, именно в то время возник замысел романа «Закат».

К тому же можно увидеть, что Дадзай нашел общее между жизнью чеховских героев и жизнью японцев сразу после окончания войны. Об этом в 1946 г. в эссе «Район Цугару и Чехов» Дадзай пишет: «Я читал много, все-таки наиболее интересны мне были пьесы Чехова. Тема большинства пьес Чехова — провинциальная жизнь... Мне стало казаться, что нынешняя жизнь на севере Японии очень похожа на жизнь в пьесах Чехова»¹³.

В одном из своих писем он говорит: «Вчера вечером я читал эссе Чехова и загрустил, потому что персонажи слишком похожи на жителей севера Японии» (21 мая 1946 г.)¹⁴, и в другом: «Недавно я еще раз перечитал полное собрание пьес Чехова» (30 апреля 1946 г.)¹⁵.

Кроме того, надо сказать, что Дадзай критически относился к новой, с его точки зрения, весьма пошлой, культурной и литературной тенденции после войны. В одном письме он пишет: «Они сделали японскую культуру вульгарной. Надо бороться с их „салонной культурой“... Сегодня самое красивое в Японии — быть консервативным» (15 января 1946 г.)¹⁶. Из писем, написанных в 1945–1946 гг., очевидно, что для Дадзая мир «Вишневого сада» был метафорой и высокой литературы, и настоящей культуры, которые, как ему казалось, были утрачены в послевоенном «новом» мире. В этом смысле, решение написать свой «Вишневый сад» было литературной «борьбой» с новой «вульгарной» тенденцией.

3. Переключки сюжетов и персонажей

Итак, рассмотрим сюжет романа «Закат». Действие происходит в 1945 г., в самом конце Второй мировой войны. Молодая женщина Кадзуко и ее мать, обедневшие аристократки, продали свой любимый дом, полный воспоминаний об отце, умершем в нем, и переселились из Токио к морю. Мать героини — добрая женщина, невинная, как ребенок. Она такая милая, изящная, чуткая от природы что все говорят: она последняя настоящая аристократка. Наодзи, брат Кадзуко, возвращается с войны, но затем опять уезжает в Токио, где ведет разгульную жизнь с друзьями. Один из его друзей, Уэхара, — писатель. Шесть лет назад Кадзуко видела его только один раз, и тогда он поцеловал ее. Уэхара женат, и этот поцелуй был для него не более чем игра. Она же никак не может забыть об этом. Три раза Кадзуко писала ему письма, в которых прямо говорила: «Я хочу родить Вам ребенка»¹⁷. Но ответа не было. После смерти матери Кадзуко приехала в Токио увидеться с Уэхарой, и они стали близки. В тот же день ее брат совершил самоубийство, оставив письмо, в котором писал, что ему невыносима жизнь аристократа, которую он вел. Кроме того, он несчастлив оттого, что давно тайно любит жену Уэхары. Ожидающая ребенка Кадзуко пишет в письме к Уэхаре: «Я рада, что нарушила моральный запрет, и у меня будет ребенок. Мы с тобой жертвы этой устаревшей морали. Моей первой победой стало преодоление запрета... Моя революция — это родить и воспитать ребенка от моего любимого. Я буду всегда бороться со старой моралью, и моя жизнь будет яркой, как солнце»¹⁸.

Что общего в произведениях Дадзая и Чехова? Во-первых, очевидно сходство сюжета — банкротство знатной семьи. В романе сама Кадзуко говорит, что судьба их усадьбы напоминает сюжет «Вишневого сада»: «Извините. Я вспомнила „Вишневый сад“. Вы купите наш дом?»¹⁹.

Во-вторых, сходство некоторых персонажей. Безусловно, мать Кадзуко в некотором отношении напоминает Раневскую. Обе беспечны как дети, не заботятся о том, на что жить, ничего не делают для того, чтобы защитить свое состояние и жизнь, и покоряются жестокой судьбе. Обе верят другим людям и самоотверженно любят.

В то же время и Раневская, и мать Кадзуко довольно проницательны. Когда Лопехин был еще мальчиком и отец ударил его по лицу, молодая Раневская подвела его к рукомоюнику, говоря: «Не плачь, мужичок, до свадьбы заживет...»²⁰. Это обычное выражение, часто употребляется как пословица, но можно считать его и предсказанием будущего. Все персонажи думают, что Лопехин любит Варю, но его поведение и слова доказывают, что он на самом деле любит Раневскую²¹. Несмотря на то что Лопехин занятой человек, он ждет ее приезда до утра и часто посещает ее дом для того, чтобы уговорить ее сдать имение в аренду. Он целует ей руку со словами: «Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза

глядели на меня, как прежде. Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную»²². Может быть, он бывал в вишневом саду, когда Раневская была за границей, не для того, чтобы видеть Варю, как думали все, но чтобы следить за ее именем. Если Лопехин любит Раневскую, его свадьба никогда не состоится, по крайней мере во временных рамках произведения. То есть слова Раневской как бы предсказывают, что его рана, в данном контексте душевная, не заживет вечно и он останется несчастным, даже если станет богатым.

Проницательность матери Кадзуко проявляется в том, что перед смертью она говорит, хотя и не видит этого, что в саду их дома ползает змея, и это действительно так. В «Закате» змея символизирует смерть.

Кадзуко напоминает Аню. Они обе представительницы нового поколения, с которым связаны надежды. И в словах Кадзуко: «Моя жизнь будет яркой, как солнце»²³ слышен отзвук слов Ани, обращенных к Раневской: «Радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама!»²⁴.

Японская славистка Т. Янаги считает, что Кадзуко имеет сходство и с Ниной из «Чайки», потому что для обеих любовь к писателю связывается с мечтой о новой жизни и борьбой за освобождение от прошлого²⁵. Уэхара, которого полюбила Кадзуко, как и Тригорин, немолодой и утомленный жизнью человек. И Нина, и Кадзуко любят, скорее всего, себя в тех ролях, которые они играют в жизни, а не самих писателей. Обе в большей степени ищут новые формы любви и жизни. Кадзуко однажды в письме к Уэхаре говорит, что «влюбилась» в него не как Нина в «Чайке»²⁶. Она хочет сказать, что она более сознательно выбрала эту горькую любовь, как бы делая первые самостоятельные шаги свободной женщины. Однако Кадзуко тоже сначала мечтала о счастливой жизни с писателем, страдала от его измены и только после разлуки решила жить одна, как Нина.

4. Символы цветов. Финал

Продолжая сравнение, отметим, что как в «Вишневом саде», так и в «Закате» цветы являются и символом, и лейтмотивом произведения. В «Вишневом саде» цветы представляют собой символ погибшей аристократии, прошлого спокойствия и чистой красоты. Например, об этом говорят слова Лопехина: «Вишня родится раз в два года, да и ту девать некуда, никто не покупает»²⁷. Другими словами, вишня потеряла свое практическое назначение, вишневый сад имеет скорее эстетическое значение для его обитателей. В начале первого действия Епиходов говорит: «Сейчас утренник, мороз в три градуса, а вишня вся в цвету»²⁸. Цветущая на морозе вишня — это, можно сказать, символ персонажей, особенно Раневской, которая живет красиво, но не гармонично в новых обстоятельствах периода перемен.

В «Закате» тоже встречаем подобную символику. В начале романа вишня — вся в цвету²⁹, а в конце наступает зима, и писатель символично изображает голые деревья без цветов (с. 212). «Снег начал падать как лепестки» (с. 93) и «Когда ветер поднялся, сливовые лепестки рассыпались» (с. 94), — пишет Дадзай. Как вырубка сада в пьесе «Вишневый сад», так и эти опадающие лепестки цветов из «Заката» символизируют конец старого поколения. К тому же для Дадзая цветы представляют собой и символ творчества.

Обратимся к другим его произведениям и письмам, в которых этот символ очевиден. Например, в одном из своих писем он писал: «Я тоже с большим

трудом выращиваю цветы. Этими цветами я утешаю грусть народа» (25 декабря 1932 г.). И в раннем рассказе «Листья» (1934 г.) Дадзай использовал цветы как символ своих произведений: «Один плотник всегда думает только о выращивании цветов. Он лишний человек»³⁰. По мнению японского литературоведа И. Ватанабэ, плотник — один из двойников Дадзая. Это манифест Дадзая, который, потерпев неудачу в практической жизни, жил только ради творчества. В том же рассказе Дадзай, цитируя «Фауста», писал: «Мефистофель умер, обожженный лепестками опавших, как снег, роз»³¹. Здесь выражена высокая оценка творчества: «цветы» (творчество) могут уничтожить даже Мефистофеля. Возможно, за образом Мефистофеля подразумевался сам Дадзай. В этой фразе звучит его неодолимое стремление погибнуть во время творческого пути³².

В рассказе есть эпизод, когда русская девушка продает еще не распустившиеся цветы на улице Токио в туманный декабрьский вечер. О ней Дадзай писал: «Если молодежь, знающая Чехова, видела бы эту девушку, она бы представила себе ее происхождение так: „отец — отставной капитан второго ранга, мать — гордая аристократка“»³³. Она стоит на улице три дня, однако цветы купили только два человека — утомленная танцовщица и грустный пьяница. В последний день она подарила цветок китайцу, хозяину лавки, который жалел и угощал ее. На пути от лавки к остановке трамвая она стала раскаиваться в том, что дала трем людям увядшие цветы, и вдруг села на корточки, начала креститься и страстно молиться. Она молилась по-русски, но в конце молитвы два раза сказала по-японски: «Пусть расцветут, пусть расцветут»³⁴. Для Дадзая ее молитва подобна молитве о творчестве.

И в автобиографичном рассказе «Human Lost» (1937 г.), написанном на основе личного переживания (жена и друзья Дадзая обманули его и заперли в сумасшедший дом), цветы представляют собой символ творчества. Герой — писатель, узнавший, что его обманули, сочинил стихотворение и показал врачу. Там было следующее: «Пушкин умер в 36 лет, но он оставил шедевр „Евгений Онегин“... Однако писать надо в святом месте (а не в таком месте, как сумасшедший дом). Я настойчиво требую цветы! Ах, мы могли бы быть счастливей. Мы могли бы больше радоваться. Даже если бы я спал в цветах. Ах, возвратите цветок!.. Я потерял... единственный цветок»³⁵.

В письме к жене он писал: «Ты не понимаешь речку, по которой плывет цветок творчества»³⁶. В больнице он узнал, что счастье в реальной жизни уже невозможно, и решил жить одиноко, только ради творчества.

В конце романа «Закат» вновь звучит тема цветов. Зимой, когда Кадзуко и Уэхара идут вместе по улице, они видят деревья совсем без листьев. Она сказала, что они красивы. Он ответил, почему-то немного смущаясь: «Да. Красива гармония черных веток с цветами». Кадзуко возразила: «Нет, я люблю именно такие ветки, без цветов, без листьев, без почек. Они живут, не умерли. Разве не так?»³⁷. Почему Уэхара сказал так: ведь деревья, которые они видели, были без цветов? Здесь ярко отражается различие мировоззрений: для Кадзуко достойна сама жизнь, а для Уэхара самым важным является творчество.

Как река творчества в рассказе «Human Lost» течет вниз, так и жизнь Дадзая идет на спад. Это мироощущение писателя выражено в финале романа «Закат». В финале «Вишневого сада» чувствуется надежда на новую жизнь, финал же «Заката» безнадежен. Речь Кадзуко не такая яркая и жизнерадостная, как речь Ани и Пети. Ее мать, в отличие от Раневской (которая, несмотря на все свои несчастья, уезжает в Париж), умирает от туберкулеза. Безнадежность и пессимизм «Заката» соответствуют мрачной атмосфере времени. Напомним, что роман был написан в 1947 г., т.е. спустя два года после пора-

жения Японии во Второй мировой войне. Книга была издана огромным тиражом, и даже вошло в моду новое японское слово, появившееся на основе этого романа, «сяё-дзоку», которое на русский можно перевести как «закатники», которое характеризует людей, живущих без надежды, как декаденты.

Однажды Дадзай написал в письме: «Мне кажется, что я принадлежу к народу, обреченному на гибель» (30 апреля 1936 г.)³⁸. И в одном рассказе герой говорит: «Я был готов на смерть, как представитель гибнущего народа». Дадзай думал, что гибель — его фатум. Все творчество Дадзая проникнуто этой мыслью. Дадзай так любил «Вишневый сад» Чехова в конце жизни, потому что, наверное, чувствовал, что финал «Вишневого сада» предсказывает финал и его творческой жизни, приход новой эпохи, в которой он лишний и на жизнь в которой никак не мог питать надежду.

Примечания

¹ Статья является переработанным вариантом доклада на международной научной конференции «Чехов в контексте духовного развития человечества. Век XX — век XXI», проходившей 28–31 января 2000 г. в Государственном музее-заповеднике А.П. Чехова «Мелихово». Филологический факультет МГУ. Статья подготовлена при поддержке гранта (№ 15720049) Министерства образования Японии.

² На русский язык переведено произведение Осаму Дадзая «Исповедь „неполноценного“ человека» (М., 1998, пер. с яп. В. Скальника).

³ См.: *Г. Чхартшвили*. Писатель и самоубийство. М., 1999, с. 474.

⁴ Хатидзюхати я. — Дадзай Осаму дзэнсю (Полное собрание сочинений О. Дадзая). Т. 3. Токио, 1988, с. 15.

⁵ Карэ ва мукаси-но карэнарадзу. — Цит. соч., т. 1, 1988, с. 266–267.

⁶ Сарумэн кандзя. — Там же, с. 191.

⁷ Там же, с. 194.

⁸ В письме, адресованном Сидзуко (январь 1947 г.), Дадзай пишет о «Закате»: «Я буду писать самый красивый и печальный роман на память». — Дадзай Осаму дзэнсю, т. 11, 1979, с. 359.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 302.

¹¹ Там же, с. 303.

¹² Там же, с. 321.

¹³ Цугару тихо то Чехов. — Дадзай Осаму дзэнсю, т. 10, 1989, с. 374.

¹⁴ Дадзай Осаму дзэнсю, т. 11, с. 320.

¹⁵ Там же, с. 316.

¹⁶ Там же, с. 300.

¹⁷ Сяё. — Цит. соч., т. 9, 1989, с. 164.

¹⁸ Цит. соч., т. 11, с. 236–237.

¹⁹ Сяё, с. 155.

²⁰ *А.П. Чехов*. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т.8. М., 1986, с. 197.

²¹ См.: *М. Оно*. Комэнто (Комментарии). — *А. Чехов*. Сакура-но соно (Вишневый сад). Токио, 1998, с. 147–151.

²² *А.П. Чехов*. Цит. соч., с. 204.

²³ Сяё, с. 237.

²⁴ *А.П. Чехов*. Цит. соч., с. 241.

²⁵ *Т. Янаги*. Сяё-ни цуитэ (О «Закате»).. — Нихон бунгаку кэнкю сирё сосё (Собрание материалов по изучению японской литературы). Т. 1: Дадзай Осаму. Токио, 1970, с. 166–176.

²⁶ Сяё, с. 156.

²⁷ *А.П. Чехов*. Цит. соч., с. 205.

²⁸ Там же, с. 198.

²⁹ Сяё, с. 70.

³⁰ Ха. — Дадзай Осаму дзэнсю, т. 1, с. 18.

³¹ Там же, с. 21–22.

³² См.: *И. Ватанабэ*. Дадзай Осаму. Кокоро-но одзя О. Дадзай. (Царь сердца). Токио, 1984.

³³ Ха, с. 25.

³⁴ Там же, с. 27.

³⁵ Human Lost. — Дадзай Осаму дзэнсю, т. 2, 1988, с. 71–72.

³⁶ Дадзай Осаму дзэнсю, т. 11, с. 76.

³⁷ Сяё, с. 213.

³⁸ Дадзай Осаму дзэнсю, т. 11, с. 316.

**ТОСИО СИМАО:
СУДЬБА НА ФОНЕ ИСТОРИИ
(1917–1986)**

И.П. Кожевникова

С Тосио Симао я познакомилась в далеком 1965 г. на симпозиуме советских и японских писателей. Точно не помню темы докладов, но, видимо, разговор шел о месте писателя в современном мире. В частности, запомнилось, как Евгений Евтушенко, закатывая глаза и картинно прижимая руку к груди, вещал, что писатель должен думать о смерти. После него встал японец Тосио Симао и просто сказал:

— Стучилось так, что я полтора года думал о смерти.

Симао, окончивший в 1943 г. исторический факультет университета Кюсю, был призван в армию и после окончания Военно-морской офицерской школы стал командиром отряда торпедных катеров «токкотай» — спецотряда, а проще говоря — отряда смертников.

Отряд, которым командовал Симао, был отправлен на острова Амамиосима — группу самых южных японских островов, входящих в состав архипелага Рюкю, недалеко от Окинавы. «Идиллия, брошенная среди бесконечных вод Тихого океана», — писал об этих местах Гончаров во «Фрегате „Паллада“». Коралловые рифы и разбивающиеся о них буруны белых волн, тихие бухты с песчаными отмелями, воздух, напоенный ароматами тропиков. Здесь Симао встретился с 17-летней Михо, но их любовь с самого начала была обречена, так же как и жизнь самого Симао. В этих райских местах стояли заградительные части, которые должны были не дать американцам высадиться на Амамиосима и остановить их продвижение к главным японским островам. Спецотряд Симао дислоцировался на острове Кокэрома. Там, по обе стороны узкого залива, в выкопанных пещерах с бетонированным сводом стояли наготове скрытые от постороннего взгляда торпедные катера.

Полтора года Симао жил в ожидании смерти. Около полутора суток он ждал приказа о выступлении. Свой автобиографический рассказ «Выступление так и не состоялось», увидевший свет в 1962 г., он начинает так:

«Если бы не выступление, и этот день ничем не отличался бы от обычных дней. Полтора года я жил под знаком приготовления к смерти. И вот вечером 13 августа (1945 г. — **И.К.**) от командира заградительных частей был получен приказ о выступлении нашего спецотряда. Узнав, что наконец пришел последний день, и душа и тело облачились в погребальный саван, но, так как сигнала об отправке все еще не было, приблизившаяся смерть вдруг остановилась.

Я никогда не участвовал в подобном бою и даже никак не мог себе его представить, но он, находясь еще в отдалении, уже стал для меня испытанием. Даже самое маленькое событие, пока оно не произойдет, не становится твоим и остается terra incognita. И хотя смерть, которая, как казалось на этот раз, никак тебя не минует, стояла прямо перед глазами, непокорные кровь и

плоть все-таки не смирялись, и это порождало в душе какую-то странную тоску. Сознание, что решающий момент в твоей жизни произойдет в зависимости от того, как заблагорассудит повернуть штурвал своего корабля вражеский командир, либо от того, какое решение примет второпях собственное командование, ввергало в бездонную пустоту...

К концу ночи, за которой наступил *тот* день, большинство из пятидесяти двух солдат нашего спецотряда погрузились в дремоту, и это успокаивающе подействовало и на меня. Я сам мог, не двигаясь, подбирать слова приказа и рисовать в уме ужасные картины смерти, солдаты же были просто заняты физической работой, готовя к отплытию одноместные катера. Команда моего катера состояла из двух человек, они сами готовили себе смертный саван и, кроме того, должны еще были заботиться и обо мне.

Выступление навстречу смерти было похоже на подготовку к детскому пикнику: предстояло облачиться в походную форму, привести в порядок пуговицы и ремни, прикрепить к поясу ручную гранату, которую следовало пустить в ход, если почему-нибудь отобьешься от боевой колонны или останешься в живых. Надо было также взять с собой флягу с водой и продовольствие, хотя и непонятно было, придется ли воспользоваться. Все эти дела, которые надо было сделать ночью в канун выступления, казались мне непонятными и странными, и я держался от них в стороне...»

В публикациях о Второй мировой войне много писалось о японских фанатиках-смертниках — летчиках, моряках, пехотинцах, получивших ставшее известным на всех языках общее название «камикадзэ» (букв. «божественный ветер»). В кинохронике и в художественных фильмах мелькали кадры, на которых молодые люди, выпив ритуальную чашечку *сакэ*, надевали на шлем белую повязку с иероглифами и отправлялись на задание, откуда не было возврата. В печати приводились их письма, где они писали о счастье умереть за императора, за священную Японию.

Ничего этого в рассказе Симао нет. Он скрупулезно и внешне бесстрастно описывает ход событий, отчего драматизм происходящего чувствуется еще сильнее.

«...А солнце неотвратимо двигалось, чтобы показаться над горизонтом. Каким он будет этот новый день — этого я себе представить не мог...»

Невыносимо тяжелый день был весь подчинен одной-единственной цели — схватке, из которой нечего было и думать вернуться живым. Я считал, что это неотвратимая судьба. И конечно, день за днем старался заставить себя смириться, но в глубине души не мог. Перед моими глазами стояла чернота, точно морская пучина, которая разверзнется в наступивший день выступления и поглотит нас, поглотит в страшное небытие — я не мог думать об этом дне по-другому. Но, видимо, пока что ход событий вокруг меня неожиданно остановился. Эта задержка, вызванная обстоятельствами, которых я не знал, ввергла меня в какое-то странное оцепенение. Так ослабевает сжатая до предела пружина, если ее долго держали в таком состоянии. Я почувствовал себя страшно усталым, и меня охватила непонятная неудовлетворенность. Противоречие раздражало — тело радовалось тому, что смерть хоть ненадолго задержалась, а в душе теснились мысли о предстоящей задаче. Выполнение же этой задачи откладывалось; между выступлением и теперешним состоянием пролегло безграничное пространство — ведь одно было так не похоже на другое.

Солнце безжалостно поднялось, и его никакими силами нельзя было затянуть обратно. Не покидавшая меня мысль о том, что ночь прошла, а выступление не состоялось, вызывала раздражение, которое уже было на грани возмущения, но я старался сдерживаться. От этого захотелось спать. Если не

будет приказа о выступлении, на что будет годен наш отряд? Мы уже не сможем вернуться к сутолоке мелких повседневных дел, наверно, любое из них после прошедшей ночи покажется нам мелким и ненужным. Из-за бессмысленной оттяжки все предстало в неприглядном виде, и смерть потеряла ореол красоты».

Настал день, а приказа о выступлении все не было. С молодыми людьми, которые должны умереть, пришли проститься крестьяне из соседней деревни, принесли им рисовые лепешки. Пришла проститься любимая девушка — на поясе у нее висел кинжал. Почему так долго нет приказа? Наконец героя вызывает командование. Он удивлен, что ему приказано явиться днем: обычно все сообщение между штабом и спецотрядом происходило только ночью. Но, выйдя наверх, он замечает что-то необычное. Люди на полях, собравшиеся группами, что-то обсуждали. И он понимает — война окончилась.

Полтора года Симао готовился к смерти. Полтора дня ждал, когда это случится. Это ожидание пережила и Михо, которая поклялась, что как только отряд Симао уйдет в море, она заколет себя кинжалом. Как видно из заголовка рассказа, выступление так и не состоялось. Япония капитулировала. Герой рассказа, он же сам его автор, Симао, остался жив. Но после такого жестокого испытания войти в обыденную жизнь было нелегко. Критики сравнивают по пережитому Симао с Достоевским, который был помилован на эшафоте. По дороге из Амаиосима в Кобэ, где жил его отец, Симао видел атомное пепелище Нагасаки, разрушения от бомбежек, обнищавших, растерянных людей. Как рассказывал сам Симао, он первое время много пил, пускался в загул. Но мирная жизнь в кругу семьи отодвинула тяжелые воспоминания.

В 1946 г. он женится на Михо. Сохранилась их свадебная фотография — на ней они молодые и красивые в традиционных японских нарядах. У них рождаются дети — сын Синдзо и дочь Мая. Симао преподает историю в Университете Кобэ. Начинает успешно печататься. Казалось, что чудом дарованная жизнь предвещала счастье. Но судьба, словами поэта Арсения Тарковского, гналась за ними, «как сумасшедший с бритвою в руке». Подорванное здоровье самого Симао, душевная болезнь Михо, тяжелый недуг, поразивший Майю. С десятилетнего возраста она перестала говорить, стали затрудненными дыхание и прием пищи, она на всю жизнь осталась инвалидом.

Семья возвращается на Амаиосима, родину Михо, туда, где на долю Симао выпали тяжчайшие испытания. Вероятно, он переживал душевный кризис. Может быть, после трагедии войны, когда рухнули прежние представления и идеалы, он искал новую точку опоры. Симао принимает католичество. Я пыталась расспросить его об этом, и он был готов говорить на эту тему, но, увы, мой японский язык был явно недостаточен для богословского разговора.

При крещении Симао получил христианское имя «Петр», что означает «камень». Это слово как-то не вязалось с мягким в общении Симао, но в нем был кремневый стержень. Несмотря ни на что, он много писал, одна за другой выходили его книги — в 1967 г. первое пятитомное собрание сочинений, в 1983 г. издательство «Сёбунся» завершило выпуск его 17-томника.

Произведения Симао получили признание критиков; многие его книги отмечены литературными премиями — за свою жизнь он получил все литературные премии Японии. Но прожить на его гонорары семья не может. Симао был представителем, так сказать, «чистой литературы», литературы для узкого слоя интеллектуалов, а такие — некоммерческие — книги, выходят малыми тиражами, и соответственно авторы получают более чем скромный гонорар. Симао, будучи уже известным писателем, вынужден работать — он заведует библиотекой в городе Надзэ на Амаиосима, а потом, когда они не-

которое время живут в Кагосиме, на самом юге острова Кюсю, — работает в городской библиотеке. И лишь когда в 1981 г. Симао становится членом Японской художественной академии, он получает возможность заниматься только творчеством.

И вот штрих к характеру Симао. Он, как сам признается, долго сомневался, становится ли членом Академии, хотя это было престижно и обеспечивало материально. Именно это его и коробило — ему, как и многим японским интеллигентам, работникам умственного труда, было неловко и даже как-то неприлично получать деньги от какой-нибудь организации. Но Симао принял это предложение ради своей семьи — она должна была получать материальное пособие и в случае его смерти.

О чем пишет Симао? Он представитель направления «эгобеллетристика» (*ватакуси сёсэцу*), которое берет начало от старинного жанра *эссе* «вслед за кистью» (*дзуйхицу*). Он непревзойденный стилист; напечатано все, написанное им, в том числе даже школьные дневники. Симао чуткий психолог, сосредоточивший свое внимание на передаче тончайших нюансов человеческой души, преимущественно камерных. Действие многих его произведений происходит во сне, героев мучают ночные кошмары. Повествование большей частью на грани яви и вымысла, реальность перемежается с фантазмагорией.

Друг Симао, известный критик Такэо Окуно, называет его первым японским сюрреалистом, отметив, что сюрреализм Симао — это не сюрреализм Кафки, а особый, чисто японский. Окуно считает, что, сражаясь с жестокой реальностью, Симао создает удивительные авангардистские сюрреалистические работы, такие как «Игла смерти» («Си-но тогэ») и «Повседневная жизнь во снах» («Юмэ-но нака дэ-но нитидзё»), подобных которым нет в мировой литературе. По его мнению, он достоин Нобелевской премии. Симао глубоко уважаем среди японских писателей, он оказал большое влияние на многих из них.

Годы, проведенные на Амамиосима, уединенно лежащих посреди Тихого океана, дали Симао толчок для глубокого изучения их истории, этнографии, фольклора. Он пришел к заключению, что эти маленькие острова являются как бы «заповедником» истинной японской культуры, которая под воздействием разнообразных причин претерпела на главных Японских островах большие изменения. Он ввел в обиход термин «японезия», принятый историками культуры. В основе его лежит мысль о взаимосвязи культур всего обширного Азиатско-Тихоокеанского региона, о вкладе жителей самых маленьких островов в общую культуру Японии. Сам Симао написал несколько работ по истории, фольклору, нравам и обычаям Амамиосима. Книгу — собрание старинных легенд, отмеченную литературной премией, издала его жена Михо.

Симао с юности любил путешествовать. Став писателем, он много ездил. Побывал в США, в Пуэрто-Рико, на Гавайях, в Индии, в Европе. Несколько раз посетил Советский Союз. После того, уже упоминавшегося симпозиума советских и японских писателей, он на некоторое время задержался в Москве. Языка он не знал, и сотрудники Иностранной комиссии Союза писателей попросили меня по возможности помогать ему. Без всякой «программы» мы просто ходили по городу, по арбатским переулочкам, окрестностям Останкинской башни, были в гостях у моих друзей-писателей Натальи Тарасенковой и Владимира Богомолова. Хотя Симао не знал русского, а они японского, общению это не мешало.

Иногда к нашим прогулкам присоединялся молодой русист Мития Накадзато, тоже оставшийся после симпозиума в Москве. Он был заядлый охотник и интересовался русскими охотничьими собаками. В Обществе собаководов мне дали телефон ветеринара-кинолога, которая держала борзых. Все вместе

мы поехали в ее гостеприимный дом и восхитились этими изящными, удивительными собаками. Мы радовались как дети, обнимались и фотографировались с ними. Симао смеялся от души, а потом мы отчищали его от собачьей шерсти.

Вообще, мне кажется, Симао хорошо чувствовал себя в Москве, он не испытывал никакого напряжения. Его окружали люди, которые симпатизировали ему и всегда были рады помочь. Однажды, возвращаясь из Индии, где он участвовал в конференции писателей стран Азии и Африки, он заехал в Москву. Стояли трескучие морозы. Из теплых вещей у Симао был только тонкий свитер. Ясно, что в нем нельзя было даже нос высунуть из гостиницы. Но Владимир Богомолов дал ему кожаные перчатки на теплой подкладке, Максим Горохов из Музея Толстого шапку-ушанку, а я — лыжный свитер из деревенской шерсти и носки. Не думаю, что ему было очень удобно в этой амуниции, но во всяком случае тепло. Мы почему-то поехали в Коломенское. Деревья стояли в стильном снежном кружеве, снег скрипел под ногами, но, несмотря на холод, русская зима, кажется, Симао понравилась. Видно, для него, живущего в тропиках, это были новые, непривычные ощущения.

Виделись мы с Симао и в Японии. Одно время мне довелось там часто бывать, иногда по несколько месяцев. Японцы — благодарные люди. Они никогда не забывают ничего из того хорошего, что ты им когда-нибудь сделал. Симао всегда старался повидаться со мной, помочь, если надо показать что-нибудь интересное. В Токио он бывал по своим литературным делам и потому, что там жил его сын Синдзо. Как-то он приехал в такое странное место, как храм секты Сока гаккай у подножия горы Фудзи. Как-то мы вместе были в Кобэ, который он хорошо знал. Он и свою дочь Маю назвал в честь горы, возвышающейся над городом.

Я познакомилась со всей семьей Симао — женой Михо, детьми Синдзо и Маей, позднее с внучкой Махо. Один раз я была у них в гостях, когда они жили недалеко от города Камакура. Весь уклад дома был чисто японский. Впервые я увидела Симао в строгом *кимono* из плотного, матового темно-зеленого шелка особого рода ручного ткачества, которым издавна славятся Амаиосима.

Симао показал мне свой кабинет. Низкий стол, на котором он писал, сидя на подушке-*футоне*. Целая стена книг. Их было очень много, и при частых переездах перевозить их, наверно, было нелегко.

Михо угощала меня блюдами ее родины — Амаиосима, какой-то очень вкусной курицей с необычной приправой. Она приглашала приехать на Амаи, но этого, увы, не получилось, о чем сейчас можно только пожалеть.

Наша последняя встреча состоялась в 1981 г. у меня дома. Симао и его друг Окуно вместе с женами две недели путешествовали по Европе. Были в Риме, Париже, Праге, Софии, других городах. Их поездку организовала крупная книготорговая компания «Марубэни». На обратном пути пару дней они провели в Москве. Путешествие получилось утомительным, и пробыли они у меня недолго. Особенно запомнилось, как Михо, встав из-за стола, запела каким-то странным утробным голосом. Мы не понимали слов, но были потрясены страстностью и экспрессией. Кончив петь, Михо объяснила, что это старинная песня, которую поют на Амаи. Песня девушки, провожающей в бой своего жениха. Она клянется в случае его гибели последовать за ним. «Я пела эту песню, когда отряд Симао должен был уйти в море. Я тоже поклялась покончить с собой», — сказала она.

Я смотрела на взволнованную Михо и на усталое лицо Симао и думала, какую глубокую печать оставило прошлое в их душах.

Симао был красивым человеком с обаятельной открытой улыбкой. Но самым запоминающимся в его облике были глаза. Таких я никогда не видела. Они были говорящие и все понимающие. Он сразу вызывал к себе доверие. В нем чувствовалась надежность. С ним, японцем, бывшим «камикадзе», командиром отряда смертников, католиком и сюрреалистом, спокойно, как говорится, можно было бы «идти в разведку».

Хотя в своих произведениях Симао часто описывает фантазмагорические ситуации, нюансы нелегких переживаний, в общении он был очень спокойным человеком, с ним было просто и легко. Когда он был уже знаменитым писателем, в нем совершенно отсутствовало высокомерие, невнимание к людям, нетерпимость в споре; не было намека на агрессию, фанатизм, чувство национальной исключительности. И никакого военного пыла. Поэтому у многих, знавших его биографию, невольно возникал вопрос: как это он оказался среди смертников отряда «токкотай»?

Ответ на это Симао дал в рассказе «Бухта в заливе», напечатанном в журнале «Синтё» в 1983 г., почти через сорок лет после описываемых событий. Он является как бы прологом к рассказу «Выступление так и не состоялось», написанному на двадцать лет раньше. В обоих повествование ведется от первого лица и оба они автобиографичны.

«Бухта в заливе» начинается с того, что в конце марта 1944 г. двести студентов, призванных на военную службу, неожиданно переводят из Военно-морской офицерской школы в Ёкосуке во временный тренировочный лагерь под городком Каватана префектуры Нагасаки. Там, на берегу Тихого океана, в прекрасной бухте они проходят военную подготовку. Героя (он же сам Симао) направляют в самый опасный отряд — торпедных катеров. Япония уже терпит поражение за поражением на тихоокеанском театре военных действий. Фронт приближается к собственно Японским островам. Большинство японских боевых кораблей уже покоятся на морском дне, а обескровленная промышленность не справляется с военными заказами. Поэтому командование возлагает надежды на спецотряды смертников «токкотай». На простейших катерах, оснащенных взрывчаткой, они должны на полном ходу врезаться в корабли противника. Слухи об этом доходят до героя. Но он, хоть и одет в военную форму, в душе остается недавним студентом, любящим книги и живущим еще в своем прежнем мире. До какой степени понимал он серьезность положения?

Проходит примерно половина срока пребывания в тренировочном лагере, когда наступает день, перевернувший всю жизнь героя.

Однажды вечером, после ужина, майор С. — командир отряда курсантов—бывших студентов — собрал их и выступил перед ними с речью. Он похвалил их успехи, коснулся военного положения, рассказал о новом оружии особого назначения и, не говоря этого прямо, дал понять, что было бы желательно, чтобы они добровольно вступили в спецотряд. Он закончил тем, что завтра они будут целый день свободны от тренировок, с тем чтобы хорошенько обдумать такое важное решение и вечером сообщить его в письменном виде.

Скупыми мазками Симао рисует портрет этого долговязого майора, вскоре погибшего в районе Окинавы на крейсере «Ямато». Он вечно распекал студентов и называл их дураками. В этот трагический момент за его словами чувствовалась непривычная мягкость и грусть. Он-то, конечно, понимал, что предлагает этим зеленым юнцам самим подписать себе смертный приговор. Герой слушал майора С., а самому казалось, что тело его плавает в пустоте; море в заливе, горы вдаль — все стало каким-то странным. Он уже знал, что пойдет добровольцем. Почему? Это остается за кадром. В японской литерату-

ре не принято разъяснять поступки героев. Но это становится ясно, если вспомнить обстановку тех лет — военный угар, безудержный шовинизм, призывы умереть за императора и священную Японию. Традиции, религия и литература с самурайских времен воспитывали поколения за поколением молодых японцев в духе презрения к смерти. Отклониться от этого пути считалось бесчестьем.

Симао подробно описывает следующий длинный-предлинный день. О вступлении в спецотряд вслух никто не говорил. Курсанты валялись на нарах в бараке или слонялись по окрестностям. А вечером после ужина герой написал: «Изявляю желание пойти добровольцем в спецотряд». Утром майор С. объявил, что все курсанты выразили желание вступить в спецотряд. Эпизод сопровождается интересной авторской ремаркой: «И я так думал, — пишет Симао, — но сейчас, когда прошло тридцать с лишним лет, я услышал, что были такие, кто не хотел идти добровольцами. Но в то время у меня и в мыслях не было, что не все желали стать смертниками».

Далее следует описание тягостных дней ожидания, мелькавшей иногда надежды, что, может быть, спецотряды не потребуются, а также картин морских сражений и разверзнувшейся морской пучины, которые представлялись герою. Все это написано спокойно, даже отстраненно.

Но немногие, словно вскользь брошенные фразы, такие как «хотя по календарю наступило лето, чувство было такое, что в нашем лагере задули осенние ветры» или «после отправки первой группы курсантов осталась пустота, как во рту после вырванного зуба», говорят, что эта внешняя бесстрастность — не бесчувствие, а загнанные глубоко внутрь боль и отчаяние молодого человека, который понимает свою обреченность. Таковы следующие строки:

«Я глядел на разбросанные тут и там дома рыбаков, и сердце сжималось от этой картины. До меня доносился запах дыма от очагов, голоса матерей и детей, лай собак, и эта обыденная жизнь входила в мою душу. Я с горечью думал, что никогда уже не смогу вернуться в эту милую повседневность, точно меня отделяет от нее пропасть».

Через несколько дней герой в составе следующей группы курсантов отправляется в лагерь, где проходят тренировку будущие смертники, и потом получает назначение на Амамиосима.

Что было с ним дальше, видно из рассказа «Выступление так и не состоялось».

Этот рассказ, необычный для произведений Симао последнего времени, вызвал большой интерес критики и читающей публики. Члены жюри, состоящего из известных писателей, единодушно присудили ему премию Ясунари Кавабаты. К ней прилагалась денежная сумма в один миллион иен, которая выплачивалась из фонда, учрежденного на Нобелевскую премию Кавабаты. Журнал «Синтё» еще раз напечатал этот рассказ, предварив его высказываниями о нем членов жюри. Так, председатель жюри Ясуси Иноуэ назвал его «самым значительным произведением Симао, которое тот не мог не написать». Мицуо Накамура охарактеризовал его как образец первоклассной прозы послевоенной литературы, а Дзюнъити Ёсиюки отметил, что «автор с большой силой впервые описал, как набирались добровольцы в спецотряды и как они потом ждали приближения смерти». Говоря о манере письма Симао, Тацуо Нагаи замечает, что все события в рассказе рассматриваются «как сквозь увеличительное стекло».

Почему Симао написал этот рассказ почти сорок лет спустя? Пути творчества неисповедимы. Пережитое требует длительного осмысления. Три лучших книги о Первой мировой войне — «На Западном фронте без перемен» немца

Эриха Марии Ремарка, «Смерть героя» англичанина Ричарда Олдингтона и «Прощай оружие» американца Эрнеста Хемингуэя были написаны почти одновременно в канун 30-х годов прошлого века. Можно только предполагать, что тяжкое испытание, выпавшее на долю Тосио Симао в молодости, все эти годы жило в его памяти. Воспоминания об этом не потеряли своей яркости. Он помнил все до мельчайших деталей, что долгое время было подспудно. Но в какой-то момент воспоминания вырвались и легли на бумагу. Почему? Наверное, этот рассказ можно считать предупреждением Симао будущим поколениям. Он, умудренный опытом человек, наверно, захотел рассказать о самом драматическом событии своей жизни, показать изнанку того, что по неведению выглядит героическим, предостеречь молодежь, которая может легкомысленно распорядиться и своей собственной жизнью и судьбой жизни на Земле.

Видно, поэтому Ясуси Иноуэ и говорит, что этот рассказ Симао не мог не написать. И он успел это сделать незадолго до смерти. Скончался Тосио Симао 12 ноября 1986 г.

ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ

(Гэндзи-моногатари)

Мурасаки Сикибу

В четырех книгах

*Перевод с японского и примечания
Т.Л. СОКОЛОВОЙ-ДЕЛЮСИНОЙ*

Книга 3

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ 2

Основные персонажи

*Бывший министр, господин из дома на Шестой линии (Гэндзи), 41–47 лет**Великий министр, Вышедший в отставку министр (То-но тюдзё) — брат Аои, первой супруги Гэндзи**Уэмон-но kami (Касиваги), 25(26)—31(32) год, — сын Великого министра**Третья принцесса, 15(16)—21(22) год, — дочь имп. Судзаку, супруга Гэндзи**Садайсё, Правый министр (Хигэкуро) — супруг Тамакадзура**Удайсё (Югири), 20–26 лет, — сын Гэндзи и Аои**Нёго Кокидэн — дочь Великого министра, супруга имп. Рэйдзэй**Принц Весенних покоев, новый Государь (имп. Киндзё) — сын имп. Судзаку и наложницы Дзёкёдэн**Нёго из павильона Павлоний (имп-ца Акаси), 13–19 лет, — дочь Гэндзи и госпожи Акаси**Государь из дворца Судзаку, Вступивший на Путь государь, Государь-монах (имп. Судзаку) — сын имп. Кирицубо, старший брат Гэндзи**Супруга Садайсё, супруга Правого министра, госпожа Найси-но kami (Тамакадзура), 27–33 года, — дочь Великого министра и Югао, приемная дочь Гэндзи**Дочь Садайсё (Макибасира) — дочь Хигэкуро от первой супруги**Принц Сикибукё — отец Мурасаки и первой супруги Хигэкуро, дед Макибасира**Принц Хёбукё (Хотару) — сын имп. Кирицубо, младший брат Гэндзи**Нынешний Государь, Государь из дворца Рэйдзэй (имп. Рэйдзэй) — сын Фудзицубо и Гэндзи (официально сын имп. Кирицубо)**Нёго из дворца Дзёкёдэн — мать наследного принца, сестра Хигэкуро**Государыня из дворца Рэйдзэй (Акиконому), 32–38 лет, — дочь Рокудзё-но мясудококоро и принца Дзэмбо, приемная дочь Гэндзи, супруга имп. Рэйдзэй**Госпожа Весенних покоев (Мурасаки), 33–39 лет, — дочь принца Сикибукё, супруга Гэндзи**Госпожа Акаси, 32–38 лет, — возлюбленная Гэндзи, мать имп-цы Акаси**Старая монахиня (монахиня Акаси) — мать госпожи Акаси**Обительница Летних покоев (Ханатирусато) — бывшая возлюбленная Гэндзи**Найси-но kami со Второй линии (Обородзукие) — придворная дама имп. Судзаку, бывшая возлюбленная Гэндзи**То-найси-но сукэ — дочь Корэмицу, возлюбленная Югири**Супруга Удайсё (Кумои-но кари), 22–28 лет, — дочь Великого министра**Госпожа Оомиа — бабка Югири и Кумои-но кари (мать Аои и То-но тюдзё)**Вторая принцесса (Отиба) — дочь имп. Судзаку, супруга Касиваги.*

Продолжение. Начало см. в № 5–47.

© Пер. с яп. и примеч. Т.Л. Соколовой-Делюсиной, 2008

Трудно было ожидать большего, и все же... «Какая досада! Неужели и впредь придется довольствоваться столь же уклончивыми ответами? — сетовал Уэмон-но ками. — Неужели никогда не удастся „ей самой рассказать?..“»¹.

Возможно, именно тогда в его сердце и зародилось недоброе чувство к Гэндзи, которого почитал он доселе превосходнейшим из людей.

В последний день луны в доме на Шестой линии собралось множество гостей. Пришел сюда и Уэмон-но ками, коротавший часы в тоске и мрачных раздумьях. «Полюбуюсь хотя бы цветами у ее покоев, — думал он, — может быть, сумею рассеяться...»

Дворцовые состязания по стрельбе из лука устраиваются обыкновенно на Вторую луну, но в том году, к величайшей досаде многих, их так и не успели провести, на Третью же луну приходились дни Удаления от скверны в память об ушедшей Государыне-супруге. Поэтому, когда прошел слух, что нечто подобное затевается в доме на Шестой линии, все поспешили туда.

Разумеется, приехали оба дайсё — левый и правый², связанные с хозяином дома родственными узами, а за ними и их подчиненные — каждый старался опередить остальных.

Гэндзи предполагал ограничиться «малыми состязаниями»³, но, заметив среди гостей превосходных мастеров по стрельбе «стоя», призвал их к себе и попросил показать свое искусство. Лучшие стрелки были разделены на левых и правых, четных и нечетных.

К вечеру сад окутала неясная дымка, напоминающая о том, что весна приближается к своему пределу. Дул порывистый ветер, и нелегко было отойти от цветущих вишен⁴. Гости сильно захмелели.

— Какие великолепные дары получили победители! — восклицали они. — Отрадно сознавать, что в них отразились вкусы тех, кто их подготовил!

— Вряд ли кто-то предпочел бы смотреть на чванливых придворнослужителей, якобы попадающих сто раз подряд в листок ивы!⁵

— Несомненно, куда приятнее наблюдать, как состязаются благородные особы.

Тут оба дайсё и остальные гости спустились в сад. Необыкновенная задумчивость Уэмон-но ками привлекла внимание Удайсё, а как ему были известны кое-какие обстоятельства... «С ним явно происходит что-то неладное, — подумал Удайсё, и сердце его тревожно сжалось. — Ах, не к добру...»

Молодые люди всегда были очень дружны. В нашем мире редко встречаются друзья, столь трогательно привязанные друг к другу. Стоило даже мимолетной грусти омрачить сердце одного, как другим овладевала тревога.

Глядя на Гэндзи, Уэмон-но ками с трудом скрывал смущение. «Как я мог хотя бы помыслить... — терзался он. — Ведь до сих пор я никогда не позволял себе ничего предосудительного, даже если речь шла о сушей безделице. А уж столь тяжкое преступление...»

В конце концов у него возникло настойчивое желание заполучить хотя бы ту китайскую кошечку. «Разумеется, ей нельзя высказать все, что мучит мою душу, но ее можно приручить, и она скрасит мое одиночество...» И вот, словно лишившись рассудка, Уэмон-но ками и днем и ночью мечтал об одном: «Как бы похитить кошку?» Но, увы, это было не просто.

Однажды зашел он в покои нёго Кокидэн, надеясь, что беседа с ней поможет ему развлечься. Будучи особой чрезвычайно осторожной и застенчивой, нёго даже с ним разговаривала только через посредника. «Ну не странно ли, что мне удалось увидеть принцессу, когда родная сестра и та не позволяет мне приближаться?» — подумалось Уэмон-но ками. Но мог ли он осуждать женщину, к которой с такой неодолимой силой влеклось его сердце?

Из дворца Кокидэн Уэмон-но ками перешел в Весенние покои. Вглядываясь в лицо принца, он старался уловить в нем черты естественного сходства с сестрой. Принца нельзя было назвать красавцем, но черты его были благородны и изящ-

ны — высокое положение всегда придает человеку особую значительность.

Не так давно дворцовая кошка принесла котят. Их раздали, и один попал в Восточные покои. Глядя на его милую возню, Уэмон-но kami невольно вспомнил...

— Ах, какая прелестная кошка есть у принцессы с Шестой линии! — сказал он. — Я видел ее мельком, но смею вас заверить — ей нет равных.

Принц, большой любитель кошек, пожелал узнать подробности, и Уэмон-но kami употребил все усилия, чтобы возбудить его любопытство.

— Это — китайская кошка, совсем не такая, как ваша, — рассказывал он. — Все кошки похожи друг на друга, но, поверьте, более прелестного, более ласкового существа я еще не встречал.

Вероятно, слова Уэмон-но kami запали принцу в душу, во всяком случае, он через него из павильона Павлоний обратился к Третьей принцессе с соответствующей просьбой, и по прошествии некоторого времени кошка была доставлена в его покои.

— В самом деле, какая милая! — восхищались дамы, а Уэмон-но kami, предвидевший, что принц поступит именно таким образом, через несколько дней снова зашел к нему.

Уэмон-но kami, с малолетства приобретя благосклонность Государя из дворца Судзаку, выказывал ему неизменную преданность, когда же тот удалился в горную обитель, сблизился с принцем Весенних покоев и обнаруживал непритворное участие во всем, что его касалось.

В тот день, обучая принца игре на кото, Уэмон-но kami сказал между прочим:

— Как много у вас кошек! Где же та, о которой мы говорили?

Отыскав, он принялся нежно ее ласкать.

— Она действительно прелестна! — говорит принц. — Только диковата, возможно потому, что внезапно оказалась среди чужих. Впрочем, мои кошки ничуть не хуже.

— Обычно кошки не различают людей, на это способны лишь самые смыш-

ленные, — возражает Уэмон-но kami. — Я уверен, что у вас есть кошки и лучше этой. Может быть, вы отдадите ее мне на некоторое время? — просит он.

В глубине души он и сам понимал, сколь неразумно его поведение.

Так или иначе, Уэмон-но kami удалось осуществить задуманное. Ночью он укладывал кошку возле своего ложа, а днем ухаживал за ней, ласкал и кормил. Диковатая прежде кошка очень его полюбила, не отходила от него ни на шаг, спала рядом с ним, ластилась к нему, да и Уэмон-но kami привязался к ней всем сердцем. Однажды, когда ему было как-то особенно грустно и он, вздыхая, лежал у порога, кошка подошла к нему, нежно мяукая, словно говоря: «Ложись, ложись»⁶, а он погладил ее и сказал, улыбувшись:

— Что за упрямое существо...

Тебя лаская,
Мечтаю о той, что владеет
Сердцем моим.
Отчего ты так жалобно плачешь?
Может, жалеешь меня?

Наверное, и нас с тобой связывают давние узы...

Он внимательно посмотрел кошке в глаза, и она замурлыкала еще нежнее. Взяв ее на руки, Уэмон-но kami вздохнул.

— Вот странно, можно ли было ожидать, что какая-то кошка удостоится такой благосклонности? — недоумевали дамы.

— До сих пор господин не обращал на них решительно никакого внимания.

Несмотря на просьбы принца, Уэмон-но kami так и не возвратил ему кошку. Он не расставался с ней ни на миг, одной лишь ей поверяя свои сокровенные думы.

Супруга Садайсё, сохранив дружеские отношения с Удайсё, общалась с ним, пожалуй, даже охотнее, чем с сыновьями Великого министра. Обладая живым умом и приветливым нравом, она держалась по-родственному непринужденно, и, хотя связывали их не совсем обычные узы, Удайсё отвечал ей тем же, тем более что него из павильона Павлоний была

слишком церемонна и приблизиться к ней было не так-то легко.

Садайсё после окончательного разрыва с первой супругой обратил все свои пожелания на госпожу Найси-но ками. Сожалея о том, что рождаются у нее одни мальчики, он хотел было забрать к себе дочь — ту юную особу, что сложила когда-то песню о кипарисовом столбе, — и заняться ее воспитанием, но принц Сикибукё решительно воспротивился. «Хоть ее уберегу от позора», — думал он.

Принц Сикибукё пользовался большим влиянием в мире и успел снискать исключительную благосклонность Государя, который принимал в нем большое участие и никогда ни в чем ему не отказывал. Известный своей утонченностью — пожалуй, только господин с Шестой линии и Великий министр могли соперничать с ним, — принц был окружен всеобщим почтением, в его доме всегда толпились люди, готовые ему услужить. Садайсё тоже прочили блестящее будущее, говорили даже, что станет он столпом Поднебесной, так могла ли его дочь остаться незамеченной? Многие обращались к принцу Сикибукё с соответствующими предложениями, но он до сих пор не сделал окончательного выбора. Возможно, он рассчитывал на Уэмон-но ками, но, к величайшей досаде принца, тот — потому ли, что кошка была ему милее, или по какой другой причине — не оказывал его внучке никакого внимания. Девушку же, жизнерадостную, общительную по натуре, с каждым днем все больше влекло к мачехе, тем более что родная мать ее, по-прежнему подверженная странным припадкам и влачащая унылое, замкнутое существование, давно уже не возбуждала в ее сердце ничего, кроме мучительной жалости.

Принц Хёбукё по-прежнему жил один. После того как надежды его оказались обманутыми⁷, он, судя по всему, разочаровался в мирских делах и, боясь насмешек, не предпринимал никаких попыток обзавестись супругой. Однако теперь — нельзя же вечно жить одному — он постарался довести свое желание до

сведения принца Сикибукё, и тот сразу же согласился.

— Не вижу оснований для отказа, — сказал принц. — Любой попечительный родитель предпочтет отдать дочь принцу крови, если только он не прочит ее во Дворец. Правда, в наше время многие стараются брать в зятя простых подданных, людей здравомыслящих, но вполне заурядных. Мне же такие браки не по душе, я не вижу в них ничего благородного.

Итак, принц Хёбукё получил согласие, не успев сказать своей избраннице ни слова упрека, а потому чувствовал себя неудовлетворенным, но пренебречь столь знатной особой было невозможно, и, ничем не выказывая своего недовольства, он начал посещать ее. Вряд ли о каком-нибудь зяте заботились лучше, чем о нем.

— У меня много дочерей, — говорил принц Сикибукё, — и они доставили мне немало огорчений. Казалось бы, наученный горьким опытом, я должен смириться, но, увы... Теперь вот подросла внучка, и могу ли я не беспокоиться за нее? Ее мать давно уже не в себе, и с каждым годом ее рассудок помрачается все больше. Господин Садайсё, видно, и думать забыл о дочери, обиженный тем, что я воспротивился его желанию. Могу ли я не принимать в ней участия?

Он сам вникал во все, вплоть до убранства покоев, проявляя заботливость, которая кому-то показалась бы чрезмерной.

Принц Хёбукё, до сих пор тосковавший по умершей супруге, мечтал получить в жены женщину, похожую на нее. Но, к его величайшему огорчению, дочь Садайсё при всей своей миловидности не имела ничего общего с его первой супругой, и, может быть, поэтому он не жаловал ее особым вниманием, что чрезвычайно огорчало принца Сикибукё, не ожидавшего ничего подобного. Мать девушки тоже в те недолгие часы, когда безумие не помрачало ее рассудка, сетовала на злосчастную судьбу дочери, все глубже погружаясь в бездну отчаяния. Не скрывал недовольства и Садайсё, никогда не одобрявший этого союза. «Я знал, что

этим кончится, — думал он. — Принц слишком изменчив в своих привязанностях».

А госпожу Найси-но Kami столь явное свидетельство сердечного непостоянства принца Хёбукё заставило обратиться мыслями к прошлому. «Ведь и я могла оказаться в таком же положении, — думала она, с умилением и грустью вспоминая те далекие годы. — Обоим моим почитателям пришлось бы тогда нелегко». Впрочем, вряд ли она когда-нибудь серьезно помышляла о союзе с принцем. Ее мучила мысль, что он должен был счесть ее легкомысленной, неспособной на глубокие чувства особой, ибо, принимая его пылкие, страстные послания, она в конце концов стала супругой другого. «Как бы об этом не узнала дочь Садайсё», — тревожилась госпожа Найси-но Kami, продолжая заботиться о падчерице так, как того требовали приличия. Делая вид, будто не замечает никаких перемен в настроении принца Хёбукё, она через своих пасынков любезно осведомлялась у него о здоровье супруги. Впрочем, сам принц, мучимый угрызениями совести, не помышлял о том, чтобы разорвать этот союз. Только госпожа Северных покоев в доме принца Сикибукё, особа, как известно, чрезвычайно сварливая, не упускала случая высказать свое недовольство.

— Видно, зря я полагала, что, соединив свою судьбу с принцем, можно по крайней мере рассчитывать на спокойную, не омраченную супружескими изменами жизнь, — то и дело ворчала она. — Ведь только это и может возместить недостаток роскоши, которая окружала бы ее во Дворце.

«Такого со мной еще не бывало! — рассердился принц, услышав, в чем его обвиняют. — Уж на что я любил свою прежнюю супругу, а и то позволял себе мимолетные шалости. Но разве когда-нибудь меня бранили так сурово?»

Все сильнее тосковал он по прошлому и все чаще проводил дни в собственном доме, печалась и вздыхая. Прошло два года, дочь Садайсё привыкла к частым отлучкам супруга и принимала их как должное.

Так годы сменяли друг друга, и последующие ничем не отличались от предыдущих. Но вот настал восемнадцатый год со дня восшествия на престол нынешнего Государя.

— Печально, что нет у меня сына, который мог бы в будущем воспринять правление, — сетовал Государь. — Увы, мир наш так непрочен... Я желал бы остаток дней прожить спокойно и неторопливо, отдавая часы всевозможным тихим удовольствиям, встречаясь с дорогими сердцу людьми.

Государь поговаривал об этом уже давно, но все не решался осуществить свое желание, а тут вдруг тяжкий недуг овладел им, и он отрекся от престола.

— Как жаль, — горевали люди, — в самом расцвете лет... Стоило ли так спешить?

Впрочем, принц Весенних покоев уже достиг зрелости, и, после того как власть над миром перешла к нему, не произошло никаких значительных перемен. Великий министр получил разрешение на отставку и перестал бывать во Дворце.

— Даже мудрый Государь, осознав, сколь непрочен мир, отстранился от дел, — говорил он, — так стоит ли цепляться за свое звание дряхлому старику?

Садайсё, получив должность Правого министра, стал вершить дела правления. Нёго из дворца Дзёкэдэн скончалась, так и не дождавшись, своего часа⁸. Разумеется, она и без того имела высокое звание, но что толку ей было в нем, если ее всегда заслоняли другие?

Старший сын нёго из павильона Павлоний стал наследным принцем. Это назначение было большой радостью для всех, хотя вряд ли кто-нибудь сомневался... Удайсё, получив звание дайнагона, был переведен в Левую охрану. С Правым министром его связывали весьма дружеские отношения.

Гэндзи в глубине души сожалел о том, что у Государя, который, отрекшись от престола, поселился во дворце Прохладного источника, Рэйдзэй, не было прямого наследника. Новый принц Весенних покоев был Гэндзи внуком, но он желал, чтоб и другая ветвь его рода имела про-

должение, а потому сетовал на судьбу, лишившую его этого утешения. Впрочем, не взамен ли было даровано благополучное правление Государю Рэйдзэй и обеспечено сокрытие его собственной ужасной тайны?.. Подобные думы отягощали его душу, а поделиться ими было не с кем.

У неё из павильона Павлоний было много детей, она снискала исключительную благосклонность Государя и не имела соперниц. Многие роптали, предвидя, что государыней-супругой снова станет женщина из рода Минамото. Государыня из дворца Рэйдзэй с каждым годом испытывала к Гэндзи все большую благодарность, хорошо понимая, что, не будь он так настойчив...

Теперь ничто не мешало ушедшему на покой Государю навещать Гэндзи так часто, как ему хотелось, и, почувствовав себя наконец счастливым, он неустанно благословлял судьбу.

Новый Государь никогда не забывал о Третьей принцессе. Впрочем, ее положение в мире и без того было достаточно значительным, хотя ей так и не удалось приобрести в доме на Шестой линии того влияния, каким пользовалась там госпожа Весенних покоев.

С каждым годом увеличивалась привязанность Гэндзи к госпоже. Супруги не имели друг от друга тайн, ничто не омрачало их близости, это был поистине беспримерный союз. Тем не менее госпожа все чаще заводила разговор о том, что хотела бы, отдалившись от мирской суеты, посвятить остаток дней служению Будде.

— Я достигла возраста, когда у человека открываются глаза и он начинает понимать, как печален мир, — говорила она. — Разрешите мне последовать велению сердца.

— Неужели вы способны так жестоко поступить со мной? — пенял ей Гэндзи, не давая своего согласия. — Ведь я и сам желаю того же, и только тревога за вас, страх, что вы будете одиноки в этом мире, где все изменится с моим уходом, удерживают меня от решительного шага. Подождите хотя бы, пока уйду я, и тогда...

Обитательница павильона Павлоний почитала госпожу Мурасаки как родную мать, а госпожа Акаси прислуживала дочери, стараясь держаться в тени, но именно в этом смирении и виделся всем залог ее будущего благополучия.

А по щекам старой монахини неудержимым потоком текли слезы радости, глаза ее распухли и покраснели. Право, можно ли отыскать лучший пример счастливого долголетия?

Пора было приступить к исполнению обетов, данных когда-то богу Сумиёси, да и неё из павильона Павлоний следовало позаботиться о благодарственных молебнах. Открыв присланную из Акаси шкатулку, Гэндзи обнаружил в ней великое множество разнообразных обетов. Многие из них оказались бы неисполнимыми, не занимай Гэндзи столь значительного положения в мире. К примеру, в знак благодарности за продление рода предписывалось ежегодно весной и осенью улаждать взоры богов священными плясками «кагура»... Рассматривая исписанные торопливой скорописью бумаги, Гэндзи снова и снова поражался необыкновенной одаренности старого монаха, силе его духа, проглядывающей в каждом слове. Можно было не сомневаться, что эти слова непременно дойдут до слуха будд и богов. «Но как придумал такое отшельник, далекий от всего мирского? — спрашивал себя Гэндзи, умиляясь и недоумевая одновременно, ибо величие замыслов, представших ныне его взору во всей полноте своей, разительно не соответствовало истинным возможностям монаха. — Кем был он в прошлом рождении? Уж не святым ли праведником, которому предопределено было еще раз явиться в наш мир?» — гадал он, не позволяя себе ни малейшей непочтительности по отношению к монаху из Акаси.

Решив до поры до времени не разглашать истинной цели своего паломничества, Гэндзи отправился в храм якобы по собственному почину. Он давно исполнил обеты, данные в тяжкие годы скитаний, но его нынешнее благополучие и удивительные удачи, сопутствующие ему в последнее время, снова и снова напо-

минали о том, сколь многим обязан он богу Сумиёси. На этот раз его сопровождала госпожа, и в мире только и говорили что об этот паломничестве.

Не желая никого обременять, Гэндзи постарался ограничиться самым необходимым, но его положение было слишком высоко, поэтому выезд вылился в зрелище, невиданное по великолепию. За исключением обоих министров, его сопровождала вся высшая знать. Танцоры, отобранные из средних чинов Дворцовой охраны, были одного роста и отличались приятной наружностью. Нетрудно вообразить, как досадовали юноши, почему-либо не вошедшие в число избранных!

«Почетная свита»⁹ состояла из искуснейших музыкантов и танцоров, непременно участников чрезвычайных празднеств Ивасимидзу и Камо. Для особой торжественности ее дополнили двумя высшими чинами Личной императорской охраны. Множество танцоров было отобрано и для участия в священных танцах «кагура».

Самому Гэндзи прислуживали придворные, особо ради этого случая присланные новым Государем, принцем Весенних покоев и Государем из дворца Рэйдзэй. Бесконечной блестящей вереницей тянулись за ним знатнейшие мужи столицы, шеголявшие друг перед другом празднично разукрашенными конями, яркими нарядами телохранителей, мальчиков-слуг и придворнослужителей. Воистину изумительное зрелище!

В первой карете ехали госпожа нёго и госпожа Весенних покоев, во второй — госпожа Акаси. В карету последней украдкой посадили старую монахиню. В ней же ехала и кормилица нёго, знавшая все семейные обстоятельства. За дамами следовали кареты свиты: пять карет сопровождали госпожу Мурасаки, пять — госпожу нёго и три — госпожу Акаси. Вряд ли стоит говорить об изысканнейшем убранстве карет, роскошных нарядах дам...

Гэндзи предлагал старой монахине открыто участвовать в церемонии.

— Пусть разглядятся ее морщины, — говорил он. Но госпожа Акаси была иного мнения:

— Не думаю, что ей подобает принимать участие в столь шумном празднестве. Вот если дождется она дня, к которому устремлены наши чаяния...

Однако старая монахиня, опасаясь, что жизнь ее может оборваться в любой миг, не пожелала упустить столь редкой возможности и все-таки последовала за ними. Вот пример подлинно счастливой судьбы! Такая удача редко выпадает на долю даже тем, кто, казалось бы, изначально имел все основания для благополучия...

Стояла середина Десятой луны, и плещ у «жилища богов»¹⁰ уже изменил свой цвет. Покраснели деревья под могучими кронами сосен — не только ветер возвещал наступление осени...¹¹.

Знакомые мелодии адзума, сливаясь с плеском волн, трогали душу куда больше, чем самая возвышенная корейская или китайская музыка. Голоса флейт, соединяясь с пением ветра в соснах, приобретали столь неповторимое, щемящее очарование, что слезы невольно набегали на глаза. Барабанов не было, и такт отбивали дощечками. Разумеется, это было менее торжественно, зато более утонченно, вряд ли что-нибудь оказалось бы уместнее в таких обстоятельствах, чем негромкое постукивание дощечек.

Зеленые листья бамбука на платьях музыкантов, окрашенных соком горных трав, сливались с зеленью сосен, цветы, украшавшие прически, ничем не отличались от растущих тут же под деревьями. Все это было так прекрасно, что взор блуждал, не зная, на чем остановиться.

После того как отзвучала мелодия «Мотомэго»¹², в сад спустились молодые придворные и разом сбросили с плеч верхние платья. Из-под мрачных черных накидок выплеснулись коричневые и сиреневые шелка, яркие алые рукава, украшенные сверкающими каплями внезапно брызнувшего дождя, закружились в воздухе, словно багряные листья, заставляя забыть, что вокруг сосновый бор. Изумительное зрелище!

Размахивая высоко над головой побелевшими от инея засохшими стеблями мисканта, юноши в танце прошлись по саду и скрылись — к величайшему сожалению восхищенных зрителей. Гэндзи невольно вспомнилось прошлое, перед его мысленным взором возникло пустынное побережье, куда судьбе угодно было его забросить, и он пожалел, что рядом нет человека, с которым можно было бы поделиться своими думами. Так, оказавшись теперь с ним вышедший в отставку министр...

Начертав несколько строк на листке бумаги, Гэндзи повелел отнести его в карету госпожи Акаси:

«Кто, кроме нас,
Помнит давние годы?
Кто спросит о них
У сосен, здесь, в Сумиёси,
Видевших век богов?»

Старая монахиня была тронута до слез. Видя, сколь велико теперь значение Гэндзи, она вспоминала о печальном расставании в Акаси, с поразительной ясностью представлялась ей заметно расплывшаяся фигура дочери... Предполагала ли она тогда, что ее ждет столь счастливая судьба?

Мысли ее устремились к далекой горной келье, и безотчетная печаль овладела душой. Постаравшись взять себя в руки — к добру ли в такой день предаваться унынию? — она поспешила ответить:

«Сегодня впервые
Открылось старой рыбачке:
Видно, недаром
Судьба когда-то ее привела
На берег морской Суминоэ».

Написав первое, что пришло в голову, ибо медлить было неучтиво, она пробормотала, ни к кому не обращаясь:

— Разве могу
Забывать те давние годы,
Видя во всем
Проявленье чудесной силы
Сумиёси, светлого бога?

Всю ночь напролет любовались танцами. В небе сиял двадцатидневный серп

луны, перед взором расстилалась морская гладь. Внезапно выпал иней, и сосны вокруг побелели. В холодном однообразии пейзажа таилось особое очарование.

Госпожа Весенних покоев довольно часто любовалась танцами и слушала музыку в доме на Шестой линии, но участвовать в празднествах, проходивших вне дома, ей приходилось редко, а уж к выездам за пределы столицы она и вовсе не привыкла, поэтому все было ей теперь вновь, все изумляло и восхищало ее.

На берегу Суминоэ
За ночь сосны вдруг побелели.
Иней ли выпал?
Или боги украсили ветки
Убором священных нитей?

Ей невольно вспомнилось снежное утро, воспетое некогда Такамура¹³: «Вершина Хирэ, увенчанная убором из белых священных нитей...»¹⁴. Право, видно, и нынешний праздник пришелся по сердцу богам...

— На ветках сакаки
В руках у служителей храма
Священные нити
Повисли. Иней ночной
Внезапно упал на листья... —

произносит нёго, ей вторит госпожа Накацукаса:

— Иней ночной
В руках у служителей храма
В священные нити
Превратился. То знак подает
Нам светлый бог Сумиёси.

Было сложено бесчисленное множество других песен, но стоит ли их упоминать? В подобных случаях обычно не удастся сложить ничего сколько-нибудь выдающегося даже тем, кто мнит себя искуснее других. Да и что тут скажешь нового? Только и твердят все о «тысячелетних соснах». Скучно, право...

Скоро забрезжил рассвет, и земля еще больше побелела. Певцы захмелели так, что перестали отличать запев от припева. Не подозревая о том, как некрасиво искажаются их лица, и не замечая, что огни

в саду вот-вот погаснут, они, воодушевленные красотой предутреннего часа, размахивали ветками сакаки, снова и снова возглашая «десять тысяч лет...»¹⁵. Так радостью полнится душа, когда представляешь себе будущее процветание этого славного рода.

Столь прекрасной была эта ночь, что хотелось превратить ее в тысячу ночей¹⁶, но незаметно настало утро, и молодые люди, сожалея о том, что пришла пора уподобиться волне, спешащей обратно в море... Бесконечная вереница карет тянулась вдаль, терялась среди сосен. Из-под раздуваемых ветром плетеных штор виднелись разноцветные рукава — словно сотканную из цветов парчу разостлали под вечнозелеными кронами. Прислужники, облаченные в коричневато-сиреневые, светло-коричневые и зеленые платья, передавая друг другу столики, разносили еду, а низшие слуги смотрели на них во все глаза — редко случается увидеть что-нибудь подобное. Старой монахине подали постное, поставив перед ней столик из молодой аквилярии, покрытый зеленовато-серой тканью. «Мало на свете женщин, имеющих столь же счастливое предопределение!» — перешептывались прислужницы.

Если в храм ехали обремененные многочисленными дарами, то возвращались налегке, никуда не торопясь и в свое удовольствие любясь окрестными видами. Впрочем, описывать подробности — занятие довольно утомительное, и я, по обыкновению своему, их опускаю. Скажу только, что многие с сожалением думали об отшельнике из далекой бухты Акаси, лишенном возможности созерцать подобное великолепие. Да, не всякий может столь решительно порвать связи с миром. Впрочем, окажись он теперь здесь, его фигура наверняка возбудила бы жалость во многих сердцах...

В те времена люди, воодушевленные примером монаха из Акаси, стали вынашивать честолюбивые замыслы. Его имя было у всех на устах, все ему завидовали, все превозносили его.

Когда же речь шла о чьей-нибудь удачливости, неизменно вспоминали ста-

рую монахиню. Даже госпожа Оми, дочь Вышедшего в отставку министра, во время игры в сугороку непременно шептала про себя: «Старая монахиня из Акаси, старая монахиня из Акаси...», надеясь, что это принесет ей удачу.

Вступивший на Путь Государь, не помышляя более о дворцовых делах, отдавал дни служению Будде. Только высочайшие посещения, устраиваемые дважды в год — весной и осенью, — обращали его мысли к прошлому. Но тревога за судьбу Третьей принцессы не покидала его и теперь. Конечно, он понимал, что Гэндзи никогда не оставит ее, и все же не упускал случая напомнить о ней Государю, неизменно прося его вникать в самые сокровенные ее нужды.

Принцессе был пожалован Второй ранг, и доходы ее значительно увеличились. Теперь ее окружала еще большая роскошь, возросло и ее значение в мире. Следя за постепенным возвышением принцессы, обеспечивающим ее превосходство над остальными обитательницами дома на Шестой линии, госпожа Весенних покоев думала: «А я не имею иной поддержки, кроме благосклонности господина, и в ней — единственный залог моего благополучия. Но ведь с годами он неминуемо охладет ко мне. О, как хотела бы я уйти от мира прежде, чем это случится». Но она не решалась прямо сказать об этом Гэндзи, боясь показаться ему дерзкой и неблагодарной.

Поскольку сам Государь изволил принимать такое участие в судьбе Третьей принцессы, Гэндзи не мог открыто пренебрегать ею и постепенно стал посещать ее так же часто, как и госпожу Весенних покоев. А та, хорошо понимая, что он поступает так не по своей воле, все же терзалась тайными сомнениями: «Ах, я ведь знала...» Но она ничем не выдавала себя, и внешне все шло по-прежнему.

Взяв к себе Первую принцессу, родившуюся вслед за принцем Весенних покоев, госпожа занялась ее воспитанием. Заботы о девочке отвлекали ее от тоскливых мыслей в те ночи, когда Гэндзи не было рядом. Впрочем, госпожа любила и опекала всех детей нёго без исключения.

Обитательница Летних покоев, позабывав всегда окруженной внуками госпоже Мурасаки, попросила отдать ей на воспитание одну из младших дочерей Удайсэ и То-найси-но сукэ. Это была миловидная смышленная девочка, любимица Гэндзи. В далекое прошлое ушло то время, когда Гэндзи сокрушался, что небогат потомством, новые и новые ростки появлялись на ветвях его рода, многочисленные внуки резвились вокруг, и попечения о них не оставляли места для скуки.

Правый министр стал частым гостем в доме на Шестой линии. Его супруга, достигшая весьма зрелого возраста, тоже нередко навещалась туда. Теперь ей нечего было бояться, ибо Гэндзи полностью отказался от своих прежних намерений. Встречалась она и с госпожой Весенних покоев, с которой ее связывала самая нежная дружба.

Пожалуй, только Третья принцесса совсем не повзрослела за это время. Поручив Государю заботиться о нём из павильона Павлоний, Гэндзи обратил все попечения свои на эту особу и лелеял ее, как лелеял бы малолетнюю дочь. Как-то Государь из дворца Судзаку прислал принцессе письмо такого содержания:

«Как это ни печально, я чувствую, что жизнь моя приближается к концу. Мне казалось, ничто уже не заставит меня оглянуться на этот мир, но, увы, слишком велико желание хоть раз еще увидеться с Вами. Иначе душа моя не обретет покоя. Не сочтете ли Вы возможным навесить меня без особых церемоний?»

— Разумеется, вы должны посетить его, — сказал Гэндзи. — Даже если бы Государь не обнаружил такого желания, вам следовало бы самой подумать об этом. А раз он ждет вас...

И он принялся готовить все необходимое для посещения.

«Будь у нас какой-нибудь повод... — размышлял Гэндзи. — Но какой? Чем можно порадовать Государя? В следующем году он достигнет полного возраста¹⁷... Что, если поднести ему угощение из первой зелени?» И Гэндзи принялся готовить дары: монашеские одеяния, для разных случаев пригодные, яства для по-

стного стола — словом, все, что пришлось бы по вкусу человеку, сменившему обличье. Зная, что Государь всегда был большим любителем музыки, Гэндзи уделил особенное внимание подготовке танцоров и музыкантов. Лучшие из лучших были отобраны им для этой цели.

У Правого министра было двое сыновей старше семи лет, у Удайсэ, включая рожденных То-найси-но сукэ, — трое. Все они уже прислуживали во Дворце. Кроме них Гэндзи пригласил участвовать в готовящемся празднестве юношей из домов принца Хёбукё и других принцев крови, а также сыновей влиятельнейших столичных сановников. Отобрав миловидных молодых придворных, известных умением придавать особое изящество обычным танцевальным фигурам, Гэндзи сам занялся подготовкой танцоров. Поскольку речь шла о столь выдающемся событии, юноши не жалели сил, совершенствуя свое мастерство. Хлопотливая пора настала для учителей музыки и танцев, для всех, кто славился своими талантами на том или ином поприще.

Принцесса когда-то училась игре на китайском кото «кин», но она покинула дворец Судзаку ребенком, и можно было только гадать...

— Как бы я хотел послушать ее игру на кото, — однажды сказал Вступивший на Путь Государь кому-то из своих приближенных, — надеюсь, хоть этому-то она научилась?

Неизвестно как, но слова его дошли до слуха нового Государя, и он изволил заметить:

— Наверное, принцесса и в самом деле преуспела в игре на кото. Я тоже с удовольствием послушал бы ее.

Разумеется, кто-то передал его слова Гэндзи.

«Все эти годы я от случая к случаю занимался с принцессой, — встревожился он, — и она многому научилась, но Государь из дворца Судзаку такой строгий ценитель... Боюсь, что она произведет крайне невыгодное впечатление, если, приехав к нему, будет играть без всякой подготовки».

И Гэндзи — лучше поздно, чем никогда — стал усердно заниматься с принцессой.

Он открыл перед ней все тайны мастерства, научил особым приемам, показал, как следует играть сложные, из многих частей состоящие пьесы, объяснил, как надобно менять тональности в зависимости от времени года, как должно звучать кото в жаркую и в холодную погоду. Поначалу принцесса обнаруживала полную беспомощность, но постепенно, овладев инструментом, стала играть довольно сносно.

— Днем в покоях толпится народ, — говорил Гэндзи, — и сосредоточиться невозможно. То и дело приходится отвлекаться, и недостает времени даже на то, чтобы усвоить простейшие приемы. Нет, для того чтобы проникнуть в тайны мастерства, необходима вечерняя тишина.

Целыми днями он занимался с принцессой музыкой, не бывая даже в Весенних покоях. Ни нёго, ни госпожу Мурасаки Гэндзи не обучал игре на китайском кото, поэтому обе они изнемогали от любопытства и мечтали послушать, как звучит этот незнакомый им инструмент. Нёго, с трудом добившись разрешения Государя, переехала в дом на Шестой линии. Она уже родила Государю двоих сыновей и сейчас снова вот уже пятую луну была в необычном положении, поэтому ей удалось покинуть Дворец под предлогом предстоящих богослужений¹⁸.

Но вот миновала Одиннадцатая луна, и от Государя то и дело стали приходиться гонцы с просьбами вернуться. Однако нёго медлила. Каждый вечер она услаждала слух прекрасной музыкой и, завидуя принцессе, пеняла Гэндзи за то, что он не научил и ее играть на китайском кото.

Гэндзи в отличие от других людей всегда любил зимние лунные ночи, и, как только темнело, в покоях принцессы начинала звучать музыка. Любуясь чудесным мерцанием ночного снега, он играл приличествующие случаю мелодии и заставлял прислуживающих дам — тех, кто хоть немного был сведущ в этой области, — подыгрывать ему на разных инструментах.

Конец года — хлопотливая пора для госпожи Весенних покоев: за всем надо присмотреть самой, ничего не упустить из виду...

— Надеюсь, что когда-нибудь в теплый весенний вечер и мне будет позволено насладиться звуками китайского кото... — говорила она, а тем временем год сменился новым.

Прежде всего Государя-монаха чествовал двор. Вряд ли стоило громоздить одну пышную церемонию на другую, и Гэндзи решил отложить посещение дворца Судзаку еще на некоторое время. В конце концов был назначен день в середине Второй луны, а пока музыканты и танцоры, собравшись в доме на Шестой линии, совершенствовали свое мастерство.

— Госпожа Весенних покоев давно уже хочет послушать вашу игру на китайском кото, — как-то сказал Гэндзи Третьей принцессе. — Почему бы нам не устроить музыкальный вечер в женских покоях? Другие могут подыгрывать вам на кото «со» или на бива. Я уверен, что женщины, в нашем доме живущие, вправе соперничать с самыми прославленными музыкантами. Меня никогда не учили музыке достаточно основательно, но я с детства стремился к тому, чтобы в мире не осталось для меня ничего неизведанного, а потому старался сам учиться у лучших наставников, изучал сокровенные приемы игры, передающиеся из поколения в поколение в благороднейших столичных семействах. Я знал многих талантливых музыкантов, но, к сожалению, никто из них не произвел на меня действительно глубокого впечатления. А уж о нынешнем поколении и говорить нечего: люди утратили вкус к истинным ценностям и стремятся исключительно к внешней изощренности. На китайском же кото теперь и вовсе никто не играет. Не думаю, чтобы у вас нашелся достойный соперник.

Слушая Гэндзи, принцесса просто-душно улыбалась, довольная тем, что ее похвалили. К своим двадцати одному или двадцати двум годам она ничуть не повзрослела, что-то детское виделось в ее

облике, хотя миниатюрность ее была по своему привлекательна.

— Государь так давно не видел вас, — говорил ей Гэндзи, — надеюсь, вы сумеете его порадовать. Пусть он сам убедится, что вы стали совсем взрослой.

«Увы, когда б не попечения господина, она и сейчас была бы что дитя неразумное», — думали, глядя на принцессу, дамы.

Настал Двадцатый день Первой луны, на небе не было ни облачка, дул теплый ветерок, в саду перед покоями расцвели сливы. Остальные деревья стояли, окутанные нежной дымкой; еще немного, и они тоже украсятся цветами.

— С начала следующей луны в доме начнутся приготовления к посещению дворца Судзаку, — сказал Гэндзи. — Услыхав доносящиеся из ваших покоев звуки музыки, люди непременно сочтут, что вы вознамерились поразить Государя своим мастерством. Не лучше ли нам помузицировать теперь, пока не началась предпраздничная суতোка? — И Гэндзи попросил госпожу Мурасаки пожаловать в покои принцессы.

Прислуживающие госпоже дамы, стора от любопытства, изъявили желание сопровождать ее, но она взяла с собой лишь самых искушенных (нелишне заметить, что среди них оказались особы весьма уже немолодые), отказав тем, чья осведомленность показалась ей недостаточной. Отобрав четырех самых милостивых и изящных девочек-служанок, она велела нарядить их в алые верхние платья, кадзами цвета «вишня», бледно-лиловые узорчатые акомэ, расшитые хакама и пунцовые атласные нижние одеяния.

Покои нёго сверкали новым праздничным убранством, дамы тоже принарядились, и трудно было сказать, которая из них прекраснее. Девочек-служанок одели в зеленые верхние платья и розовые на алой подкладке кадзами. Их хакама были из затканного узорами китайского шелка, а акомэ — из китайского шелка цвета «керрия». Девочки из покоев госпожи Акаси отличались сравнительной скромностью нарядов: две были в верхних платьях цвета «красная слива»,

две — в платьях цвета «вишня». На всех — одинаковые зеленые кадзами, светлые и темные лиловые акомэ и прелестные атласные нижние платья.

Дамы принцессы, как только разнесся слух, что в ее покоях соберется множество гостей, тоже постарались получше нарядить девочек-служанок. На них надели желтовато-зеленые верхние платья, кадзами цвета «ива» и сиреневые акомэ. Казалось бы, ничего особенного, но сколько изысканного благородства было в их фигурках!

Между передними и внутренними покоем раздвинули перегородки, места для дам отделили друг от друга переносными занавесами, посередине же приготовили сиденье для Гэндзи.

Рассудив, что на этот раз вести мелодию лучше всего поручить мальчикам, Гэндзи поместил на галерею третьего сына Правого министра, старшего из рожденных ему госпожой Найси-но ками, и старшего сына Удайсё. Первый должен был играть на флейте «сё», второй — на обычной флейте.

За переносными занавесами положили круглые сиденья и поставили разные инструменты. Ради такого случая из хранилища были извлечены прославленные фамильные инструменты рода Гэндзи, бережно хранившиеся в чехлах из темно-синей ткани. Госпоже Акаси Гэндзи вручил бива, госпоже Мурасаки — японское кото, нёго — кото «со». Очевидно, опасаясь, что принцесса не справится с новым для нее инструментом, он распорядился, чтобы ей принесли тот самый, на котором она всегда играла, и сам настроил его.

— Обычно кото «со» хорошо держит строй, но, когда играешь на нем, вторя другим инструментам, часто сбиваются подставки. О них надо позаботиться заранее, но женщины, как правило, не умеют натягивать струны. Пожалуй, нам лучше позвать Удайсё. Наши флейтисты слишком малы, у них едва достанет сил и на то, чтобы вести мелодию, — смеется Гэндзи и посылает за сыном.

Появление Удайсё повергает дам в замешательство. Впрочем, и сам Гэндзи с

трудом скрывает волнение: сегодня здесь собрались его лучшие ученицы (если не считать госпожи Акаси), и, разумеется, ему хочется, чтобы они оказались достойны его. За него бояться нечего, ей часто приходится играть на кото «со» перед самим Государем. Больше всего он беспокоится за госпожу Весенних покоев, которой досталось японское кото, инструмент несложный и на первый взгляд обладающий весьма ограниченными возможностями, но мало кому из женщин доступный, ибо для игры на нем не существует твердых правил. Удастся ли госпоже приноровиться к звучанию остальных инструментов и не нарушить общего согласия?

Удайсё держится весьма церемонно, считая, что нынешнее музицирование по значительности превосходит даже музыкальные собрания, устраиваемые по особому торжественным случаям во Дворце.

Судя по всему, он заранее позаботился о своей наружности: на нем великолепное платье, источающее чудесное благоухание. Пришел же он, когда начинало темнеть.

Цветы, освещенные мягким вечерним светом, кажутся особенно прекрасными, словно пушистые хлопья прошлогоднего снега белеют они на деревьях, и ветки гнутся под их тяжестью. Нежный ветерок разносит по саду пленительный аромат. Он соединяется с тонким запахом курений, будто обитатели этого дома и в самом деле надеются заманить к себе соловья¹⁹.

Привдвигая к Удайсё кото, Гэндзи говорит:

— Мне не хотелось бы обременять вас просьбами, но не согласитесь ли вы подтянуть струны этого кото и настроить его? Ведь никого постороннего мы не можем впустить сюда.

Почтительно приняв кото, Удайсё старательно, весьма изящными движениями настраивает его в тональности «итикоцу»²⁰. Видя, что он медлит в нерешительности, Гэндзи просит:

— Сыграйте же что-нибудь для начала. Да постарайтесь не обмануть наших ожиданий.

— О, я недостаточно искусен, чтобы играть сегодня здесь, — с нарочитой скромностью отвечает Удайсё.

— Может быть, вы и правы, — смеется Гэндзи, — но неужели вам не жаль своего доброго имени? Люди станут судачить, что вы, потерпев поражение, позорно бежали от женщин.

Сыграв какую-то прелестную мелодию и убедившись, что кото настроено хорошо, Удайсё спешит возвратить его.

Внуки Гэндзи, принаряженные ради такого случая, очень мило играют на флейтах, совсем еще по-детски, но чувствуется, что их ждет большое будущее.

Скоро все инструменты были настроены, и музицирование началось.

Все дамы играют превосходно, но особенно прекрасно звучит бива. Госпожа Акаси применяет в основном старинные приемы, и струны поют чисто и мелодично.

Удайсё с не меньшим, чем Гэндзи, волнением прислушивается к голосу японского кото. Госпожа Весенних покоев касается струн удивительно мягко, извлекая из них звуки, поражающие необыкновенной яркостью и богатством оттенков. Вряд ли самый признанный мастер сыграл бы лучше. Трудно было представить себе, что японское кото обладает такими возможностями. Разумеется, достичь подобного мастерства можно лишь ценой многолетних усилий... Словом, госпожа играет прекрасно, и, совершенно успокоившись, Гэндзи лишь восхищенно внимает.

Кото «со», заполняя паузы, звучит благородно и изящно. Не нарушает общего согласия и китайское кото, уверенные и чистые звуки которого заставляют забыть о крайней неопытности исполнительницы. Да, видно уроки Гэндзи не пропали даром. «Как прекрасно стала играть принцесса!» — восхищается Удайсё. Он подпевает, отбивая такт. Иногда, тихонько постукивая веером, поет и сам Гэндзи. Его голос, обретя с годами особую полноту и значительность, звучит, пожалуй, прекраснее, чем в далекие дни его молодости. У Удайсё тоже весьма приятный голос.

Скоро опускается ночь, и в наступившей тишине музыка звучит еще проникновеннее. Стоит пора, когда луна появляется в небе довольно поздно, поэтому в саду зажигают фонари. Гэндзи украдкой взглядывает на принцессу: она прелестна, но так мала ростом, что совсем теряется в своих одеждах. Яркой ее красоту назвать нельзя, зато она привлекает тонкостью и благородным изяществом черт. Принцесса напоминает весенний побег ивы, неспособный противостоять даже ветерку от соловьиных крыльев²¹. Длинные волосы, словно нити ивовых веток, свисают вдоль щек, падая на шелковое хосонага цвета «вишня». Очевидно, именно такой и должна быть высокорожденная особа.

Нёго из павильона Павлоний отличается более яркой красотой, хотя и не уступает принцессе в изяществе. Облик ее проникнут неизъяснимым благородством. Так хороши бывают в утренний час глицинии, цветущие с весны до самого лета и потому не знающие соперниц. За последнее время нёго заметно располнела и, как видно, чувствует себя не совсем здоровой: отодвинув кота в сторону, она полулежит, облокотившись на скамеечку-подлокотник, причем она так мала, что вполне обычная скамеечка кажется слишком для нее высокой, и, глядя на ее трогательную фигурку, невольно хочется подарить ей скамеечку пониже. Тусклый огонь светильника освещает ее чудесные волосы, блестящей волной падающие на платье цвета «красная слива». Право же, в целом свете не найдешь больше такой красавицы.

На госпоже Мурасаки темное лиловое платье и светло-коричневое хосонага. Пышные и блестящие волосы ниспадают до самого пола. Она среднего роста, и красота ее совершенна — от нее словно исходит чудесное сияние. Если сравнивать госпожу с цветами, то, пожалуй, уместнее всего окажется сравнение с цветущей вишней. Впрочем, вполне возможно, что рядом с ней и вишни показались бы невзрачными...

Госпожа Акаси должна была совершенно потеряться в столь блестящем ок-

ружении, однако этого не произошло. Светлое спокойствие дышит в ее чертах, держится же она с пленительной простотой, свидетельствующей о тонком вкусе и несомненном внутреннем благородстве. На ней расшитое узорами хосонага цвета «ива» и, кажется, светло-зеленое платье; по полу тянется еле различимое мо из тончайшей ткани, но, несмотря на столь явное желание показать расстояние, отделяющее ее от других²², госпожа Акаси внушает невольное уважение всем, кто ее окружает. Из скромности она не садится на сиденье, обрамленное зеленой корейской парчой, а, положив на него бива, устраивается рядом. Движения ее руки, сжимающей плектр, так мягки и изящны, что заслуживают, пожалуй, даже большего внимания, чем звуки, ею из струн извлекаемые. Госпожу Акаси можно сравнить с веткой благоуханного померанца, на которой плоды соседствуют с цветами, того самого померанца, что ждет Пятой луны²³.

Удайсё так и подмывает заглянуть за занавесы, ибо все говорит за то, что там собралось самое изысканное общество. Ему особенно хочется посмотреть на госпожу Весенних покоев, которая за эти годы стала, должно быть, еще прекраснее. При мысли о ней сердце его замирает от волнения.

Что касается Третьей принцессы, то ведь судьба едва не свела его с ней. Прояви он в свое время чуть большую настойчивость, она была бы теперь его супругой. Сам Государь неоднократно намекал ему на такую возможность. Впрочем, Удайсё не так уж и сожалел, что не воспользовался ею: у него были основания считать принцессу весьма легкомысленной особой, и, хотя презирать ее он не мог, она уже не возбуждала его любопытства. А госпожа Весенних покоев оставалась все такой же далекой и недоступной. Не имея средства выказать ей свою искреннюю, бескорыстную преданность, Удайсё только томился и вздыхал. Вместе с тем он умел владеть своими чувствами и никогда даже мысли не допускал...

Тем временем наступает глубокая ночь, и становится прохладно. Наконец в легкой дымке появляется луна, та, которую «ждут лежа»²⁴.

— Вот вам и весенняя луна «в прозрачной дымке», — говорит Гэндзи. — Не понимаю, что в ней хорошего? То ли дело осенью: звуки музыки, воедино собравшись, сплетаются²⁵ с голосами цикад... О, в этом есть какое-то удивительное, неповторимое очарование.

— Да, это так, и кото и флейта звучат особенно чисто и ярко осенней ночью, когда на небе ни облачка и все вокруг залито лунным светом, — отвечает Удайсё. — Но осенняя ночь таит в себе слишком много соблазнов: прекрасное небо, словно нарочно созданное для того, чтобы усилить впечатление, музыкой в сердце производимое, роса, блистающая на лепестках цветов... Взор невольно блуждает, устремляясь к одному предмету, к другому, мысли расстроены... Право, неизвестно, что лучше. Пожалуй, я все-таки предпочел бы весеннюю ночь, когда окрестности тонут в неверной дымке, сквозь которую пробивается мягкий лунный свет, а тихая музыка рождает в душе покой и умиротворение. Право же, в осенние вечера даже флейта звучит слишком пронзительно. В древности говорили: «Женщинам ближе весна»²⁶, и это действительно так. Именно весенней ночью сливаются в сладостном согласии все звуки.

— Увы, извечный спор, — вздыхает Гэндзи. — Даже в древние времена люди не могли решить, чему отдать предпочтение. Что же говорить о нас, их недостойных потомках... Так или иначе, в музыке весенние тональности всегда выдвигались на первое место, поэтому, может быть, вы и правы²⁷. Должен вам сказать, что во Дворце я слышал игру самых прославленных музыкантов, но, боюсь, и среди них слишком мало подлинных мастеров своего дела. Даже те, что мнят себя первыми среди первых, весьма ограничены в своих возможностях. Не думаю, чтобы им удалось превзойти этих весьма далеких от совершенства женщин. Впрочем, может быть, за долгие годы затворничества у ме-

ня притупился слух и я перестал отличать хорошее от дурного? Досадно, если это так. Меня всегда удивляло, что люди, в нашем доме живущие, обнаруживают столь замечательные успехи как в науках, так и в других, самых ничтожных, казалось бы, областях. К примеру, что вы можете сказать, сравнивая сегодня услышанное с игрой лучших придворных музыкантов?

— Я как раз хотел поделиться с вами своими соображениями, хотя и понимаю, что человеку невежественному... Мне кажется — впрочем, не потому ли, что я незнаком с великими музыкантами древности? — что в наши дни самой высокой оценки заслуживает игра Уэмонноками на японском кото и принца Хёбукё — на бива. До сих пор я не знал им равных, но, признаюсь, услышанное сегодня представляется мне не менее значительным. Я просто потрясен. Да и могли я ожидать, ведь я готовил себя к тихому вечеру в домашнем кругу... Боюсь только, что сам я был сегодня не в голосе. Мне всегда казалось, что один лишь Вышедший в отставку министр владеет японским кото настолько свободно, что может, принаравливая звучание его к тому или иному времени года, выразить в звуках тончайшие движения души. В руках же у остальных японское кото звучит, как правило, весьма бесцветно. Сегодня — тот редкий случай, когда мне удалось услышать действительно превосходную игру.

— О, вы преувеличиваете ее достоинства, — говорит Гэндзи, самодовольно улыбаясь. — Впрочем, ученицы у меня действительно неплохие. Только ту, что играла на бива, учил не я. Но и ее манера игры значительно изменилась за последние годы, смею думать — не без моего влияния. Впервые услышав игру этой особы на том диком побережье, я поразился ее необыкновенной одаренности. Но тогда она играла значительно хуже, чем теперь, — добавляет он, не упуская случая похвастаться, и прислужницы посмеиваются, подталкивая друг друга локтями.

— Когда начинаешь чему-нибудь учиться, становится ясно, что совершенствоваться в мастерстве можно бесконечно. Понимаешь, как трудно достичь даже такого уровня, какой удовлетворял бы тебя самого. Но разве это имеет значение? В наши дни мало кто способен проникнуть в подлинные глубины мастерства, поэтому те, кому удалось преуспеть хотя бы в какой-то узкой области, вправе гордиться собой. Исключением является, пожалуй, китайское кото. Овладение им сопряжено с такими трудностями, что никто и не пытается к нему подступить. Когда-то в давние времена люди, которые, усвоив все возникшие до них приемы, достигали истинного мастерства, могли повелевать Небом и Землей, смягчать сердца демонов и богов, подчинять себе все существующие в мире звуки. Благодаря им самая глубокая печаль превращалась в радость, жалкие бедняки добивались высоких чинов, обретали почет и богатство. Этому есть неоднократные примеры в истории. До того как искусство игры на кото было воспринято в нашей стране, люди, желавшие проникнуть в его тайны, были готовы на все — проводили долгие годы в чужих землях, претерпевали лишения... Но даже им редко удавалось овладеть мастерством. Однако человек, достигавший желанной цели, умел приводить в движение луну и звезды, в любое время покрывать землю снегом и инеем, управлять тучами и громом. Все это бывало в давние, мудрые времена. Возможности китайского кото истинно безграничны, но трудно отыскать человека, способного в совершенстве овладеть им. А тем более в наши дни, когда близок век Конца Закона... Где найдете вы хотя бы жалкие осколки былых знаний? Некоторые все-таки пытались проникнуть в тайны мастерства, возможно услышав, что даже демоны и духи подвластны китайскому кото. Большинство потерпело неудачу, и, обратив свой гнев на кото, они стали предсказывать несчастье всякому, кто возьмет его в руки. Может быть, поэтому теперь никто и не учится играть на нем. Печально, не правда ли? Ибо каким другим инструмен-

том станем руководиться, приводя в согласие звуки? Нынешние времена настолько измельчали, что всякий, кто, устремив сердце к возвышенному, покинет родину и, расставшись с родителями и детьми, станет скитаться по Китаю, Корее и прочим землям, непременно прослышет чудачком. Но разве нельзя попытаться усвоить необходимые начала, не прибегая к таким крайностям? Разумеется, овладение даже одной тональностью связано с неисчислимыми трудностями. А ведь тональностей много, не говоря уже о том, что существует множество сложнейших пьес. Когда-то я очень увлекался музыкой и изучил все имеющиеся в нашей стране записи. Мне удалось превзойти своих наставников, но до музыкантов древности далеко и мне. А о следующих поколениях и говорить не стоит. Как это ни печально, мне некому передать свое мастерство.

«Увы, он прав!» — сокрушенно вздыхает Удайсё, чувствуя себя виноватым.

— Если хоть один из принцев оправдает мои надежды, — добавляет Гэндзи, — а моя жизнь окажется достаточно долгой, я с радостью передам ему свои скромные знания. Впрочем, Второй принц уже теперь обнаруживает незаурядные способности.

Услыхав его слова, госпожа Акаси плачет от радости.

Нёго ложится отдохнуть, передав кото «со» госпоже Весенних покоев, а та отдаст Гэндзи японское кото. Снова звучит музыка, тихая, проникающая до самой глубины души. Сначала исполняют «Кадзураки»²⁸. Звонко, радостно поют струны кото. Гэндзи дважды повторяет песню, его голос необыкновенно чист и мелодичен. На небо медленно выплывает луна, и озаренные ее сиянием цветы словно становятся ярче и благоуханнее. Воистину прекрасный миг!

В руках у нёго кото «со» звучало чарующе-нежно, особенной глубиной и чистотой отличались дрожащие звуки²⁹, во многом чувствовалось влияние матери. Госпожа Мурасаки играет совершенно в другой манере. Ее пальцы извлекают из струн звуки, поражающие удивительной

мягкостью, певучестью и таким богатством оттенков, что слушатели с трудом скрывают волнение. Приемом «колесо»³⁰, равно как и прочими, госпожа пользуется так умело, что не остается никаких сомнений в ее поистине поразительном мастерстве. Скоро приходит время менять лад, и как нежно, изысканно поют струны в новом ладу «рити»! Что касается принцессы, то ей удастся весьма успешно справиться с созвучиями Пятой и Шестой ступеней³¹, самыми сложными среди Пяти напевов³² и потому требующими от исполнителя особого внимания. Уверенно и чисто звучит китайское кото в ее руках. Весенние, осенние и прочие мелодии исполняются именно в той манере, в которой они должны исполняться. Словом, она проявляет себя столь старательной и понятливой ученицей, что Гэндзи вправе ею гордиться.

Мальчики тоже прекрасно играют на флейтах, чрезвычайно трогательные в своем усердии.

— Наверное, вы устали и хотите спать, — говорит Гэндзи. — Я полагал, что мы разойдемся довольно рано, но все играли так хорошо, что хотелось слушать еще и еще. К тому же мой несовершенный слух не мог уловить сразу, в чем превосходство одной исполнительницы перед другой. А тем временем и ночь настала. Право, весьма неразумно с моей стороны...

Поднеся чашу с вином мальчику, игравшему на «сё», Гэндзи одаривает его платком со своего плеча. Второй флейтист получает вознаграждение от госпожи Мурасаки, впрочем, довольно скромное — вышитое хосонага и женские хакама.

Третья принцесса, в свою очередь, присылает чашу вина и полный женский наряд для Удайсё.

— Вот не ожидал! — восклицает Гэндзи. — Разве не наставнику своему вы должны воздать первые почести? Обидно!

Тогда из-за занавеса, за которым сидит принцесса, выносят флейту. Улыбнувшись, Гэндзи берет ее и подносит к губам. Это превосходный корейский инструмент.

Примечания

¹ *Фудзивара Ацутада*. «Госэнвакасю», 962:

Тайно встречался с хранительницей Высочайшего ларца, отец же ее, Левый министр, о том услышав, воспротивился:

Удастся ли мне
Еще раз тебя увидеть,
Хотя б для того,
Чтоб тебе самой рассказать,
Какая тоска на сердце.

² ...*приехали оба дайсё — левый и правый...* — т. е. Садайсё (Хигэкуро) и Удайсё (Югири).

³ «*Малые состязания*» (букв. «малый лук», «коюми») — отличительная особенность этого рода состязаний по стрельбе из лука заключалась в том, что участники стреляли в цель из положения «сядя» (рука, сжимающая лук, опиралась на приподнятое колено).

⁴ *Осикоти Мицунэ*. «Кокинвакасю», 134:

Сложил на поэтическом турнире в конце весны во дворце государя Тэйдзи-но ин:

Ведь даже когда
Не трепещешь, ловя последние
Мгновенья весны,
Так нелегко отойти
От этих цветущих вишен...

⁵ ...*попадающих сто раз подряд в листок ивы!* — Образ из «Исторических записок» Сыма Цяня: «В Чу жил [когда-то] Ян Ю-цзи, очень искусный в стрельбе из лука. Стреляя на расстоянии ста шагов от ивы, он за сто выпущенных стрел имел сто попаданий» (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. М., 1972, с. 213).

⁶ ...*словно говоря: «Ложись, ложись»...* — Русскому звукоподражательному междометию «мяу-мяу» в древнеяпонском языке соответствовало «нэу-нэу», фонетически сходное с «нэё-нэё» («ложись-ложись»).

⁷ *После того как надежды его оказались обманутыми...* — т. е. после того, как ему не отдали в жены ни Тамакадзура, ни Третью принцессу.

⁸ ...*скончалась, так и не дождавшись своего часа.* — После восшествия на престол своего сына нёго Дзёкёдэн получила бы звание государыни-матери.

⁹ «*Почетная свита*» назначалась во время чрезвычайных празднеств в храмах Камо и Ивасимидзу.

¹⁰ *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 262:

Проезжая мимо святилища, увидел за оградой багряную листву и сложил:

Листья плюща
Здесь, у жилища богов
Сокрушительно-быстрых,
Даже они изменили свой цвет,
Не в силах противиться осени.

¹¹ *Ки-но Ёсимоти*. «Кокинвакасю», 251:
Когда, собравшись, слагали стихи об осе-
ни:

Не покрылась багрянцем
Гора Вечнозеленая,
Только ветер один
Разносит по склонам весть
О том, что осень близка.

¹² «*Мотомэго*» — заключительная часть
плясок адзума.

¹³ *...воспетое некогда Такамура...* — Среди
сохранившихся стихотворений Эно-но Така-
мура (802—852) ничего подобного не обнару-
жено. Японские комментаторы, толкуя это ме-
сто, обычно ссылаются на стихотворение
Фудзивара Фумитоки (см. примеч.14).

¹⁴ «Отоги-дзоси», приписывается Фудзива-
ра Фумитоки:

Видно, богам
По сердцу эта обитель:
Вершину Хирэ
Они увенчали убором
Из белых священных волокон.

¹⁵ «...десять тысяч лет...» — Слова из пес-
ни «Тысяча лет».

¹⁶ «Исэ-моногатари», 21:

Даже если бы ночь
В себя вобрала тысячу
Осенних ночей,
Мы всего не успели б друг другу сказать
До первой утренней птицы.

¹⁷ *...достигнет полного возраста...* — т.е. ему
исполнится пятьдесят лет.

¹⁸ *...покинуть Дворец под предлогом предсто-
ящих богослужений.* — Беременным женщинам
не разрешалось присутствовать на синтоист-
ских празднествах.

¹⁹ *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 13:

Цветов аромат
Мы ветру вручим, пусть сегодня
Нам послужит гонцом.
Соловью дорогу покажет,
Побыстрее его к нам приведет.

²⁰ *Итикоцу* — одна из шести основных то-
нальностей музыки гагаку.

²¹ *...побег ивы, неспособный противостоять
даже ветерку от соловьиных крыльев.* — Это
место обычно сопоставляется с третьим из
«Восьми стихотворений про ветки ивы» Бо
Цзюйи: «Гибки-гибки, изящны-изящны, све-
жей зеленью блещут. / Влекомые чистым ве-
сенним ветром, не знают они печалей... / Сла-
бы зеленые нити веток, и соловья не удержат».

²² *...несмотря на столь явное желание пока-
зать расстояние, отделяющее ее от других...* —
Госпожа Акаси, единственная из всех женщин,
была в парадном платье со шлейфом мо, кото-
рое полагалось носить в присутствии особ бо-
лее высокого ранга.

²³ *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 139:

Пятой луне
Навстречу расцвел померанец.
Его аромат
Вдыхая, вдруг вспомнил: так пахли
Когда-то ее рукава

²⁴ *луна, та, которую «ждут лежа».* — Так
называли луну Девятнадцатой ночи, выходя-
щую на небо так поздно, что ею любовались
уже лежа в постели.

²⁵ *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 33326:

Рыдания собрав
Воедино, сплету я из них
Крепкие нити
И слезы свои на них
Вместо жемчуга нанижу.

²⁶ *В древности говорили: «Женщинам ближе
весна...»* — Многие комментаторы сопоставля-
ют это место со следующим отрывком из ком-
ментария к «Книге песен» Мао Хэна: «Жен-
щина, откликаясь на весну, насыщенную
солнечными (мужскими) токами, начинает ду-
мать о мужчине. Мужчине, откликаясь на
осень, насыщенную лунными токами, начина-
ет думать о женщине».

²⁷ *...весенние тональности всегда выдвигались
на первое место...* — Весенними в древней Япо-
нии считались тональности лада «рё» (пример-
но соответствующего мажорному ладу европей-
ской музыки), осенними — лада «рити»
(примерно соответствующего минорному ладу).

²⁸ «*Кадзураки*» — народная песня.

²⁹ *Дрожащие звуки* — один из приемов иг-
ры на кото (типа тремоло).

³⁰ Прием «*колесо*» (*рин-но тэ*) заключается в
одновременном использовании в пределах од-
ной музыкальной пьесы двух разных способов
игры на кото «со»: «сидзугаки» (медленная иг-
ра) и «хаягаки» (быстрая игра) — и выражает-
ся во внезапных переходах от одного темпа к
другому. Считается одним из труднейших при-

емов игры на кото «со». (Название «колесо» — условно, так как слово «рин» может писаться разными иероглифами.)

³¹ *Созвучия Пятой и Шестой ступеней (гороку-но хара)* — один из сложнейших приемов игры на китайском кото, при котором две струны (в данном случае пятая и шестая) одновременно приводятся в движение тремя пальцами правой руки.

³² *Пять напевов (гока-но сирабэ)*. — Некоторые комментаторы считают, что речь идет либо о пяти основных приемах игры на китайском кото (*каидэ, кататари, суйхэй, согайха, гаммэй*), либо о пяти наиболее распространенных тональностях. Другие, беря за основу вариант *кока-но сирабэ*, толкуют его как название не дошедшей до наших дней музыкальной пьесы (может быть, «Тростниковая флейта»).

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРО В СТРАНЕ ГОР

Миёко Мацутани

Перевод с японского Г.Ф. Ронской*

ЧАСТЬ I

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТАРО

СРАЖЕНИЕ С ЧЕРНЫМ ЧЕРТОМ

— Твой брат, значит... Ну что ж, пусть будет гостем. Но только я считаю гостем того, кто сильнее меня. Не устроить ли нам состязание: кто больше съест жареных бобов? Я как раз проголодался... Победитель может съесть побежденного... Ну как? Идет?

Вытащила Ая большие сковородки и стала сыпать в них бобы. Те бобы, что для Таро, она намочила водой, чтоб мягче стали, а в бобы для Черного Черта подсыпала мелких камешков...

И Таро легко вышел победителем из такого состязания.

— Это не считается! — сказал тогда Черный Черт. — Давай-ка поборемся! Выходи во двор, гость! Посмотрим, кто сильнее!

Вышел Черный Черт, приплясывая, из пещеры. Задрожали от его топота горы, словно от землетрясения. Оторвалась от края пещеры большая глыба и скатилась в пропасть.

— А-а, ты хочешь сразиться со мной в сумо? Ну что ж, я люблю эту борьбу, — сказал Таро и тоже вышел из пещеры.

Схватились они, но ни тот, ни другой сдвинуть противника с места не может.

Как раз перед глазами Таро оказался огромный Чертов живот. И стало тут Таро смешно. Не выдержал он и запел громким голосом:

Дэн-дэра-дэн!
Дэн-дэра-дэн!
Что за страшная гора?
Черт во веки не набьет
Ненасытный свой живот!

Удивился Черный Черт: «Ишь ты, он еще и поет!»

А Таро снова затянул свою насмешливую песню:

Дэн-дэра-дэн!
Дэн-дэра-дэн!
Что за страшная гора?

Ослабил Черт хватку, а Таро тут изловчился и нанес ему такой удар, что перевернулся Черный Черт вверх тормашками и полетел прямо в пропасть. Но по дороге он уцепился все-таки за край скалы и, отдышавшись, крикнул:

— Ну и ловок же ты, гость! Но побеждает тот, кто победит в третий раз.

Крикнул он и тут же, на глазах у Таро, превратился в кабана величиной с небольшой холм. Выставил кабан вперед острые клыки, ошетинился и ринулся на Таро, извергая из пасти пламя.

Вскрикнула испуганно Ая, закрыла лицо руками...

Но что это? Прошло уже много времени, а слышно лишь громкое сопение кабана. «Странно...» — подумала она, приоткрыла глаза — и что же? Таро нигде не видно, лишь кружится над мордой кабана маленькая пчелка и гудит: «Ж-ж-ж...»

Продолжение. Начало см. в № 47.

* Песни в переводе В. Марковой.

© Пер. с яп. Г.Ф. Ронской, 2008

Хочет свирепый кабан поймать пчелку, тянет вверх огромное рыло, да не тут-то было: кружится пчелка, гудит, то на нос ему сядет, то перед глазами пролетит. Влетела в ухо да как ужалит!

Взвыл тут кабан диким голосом, поднялся на дыбы. То ухом о дерево трется, то нос в землю зароет. По земле катается, носится кругами, дороги не разбирая. И до того закружился, что сорвался наконец в пропасть.

Страшный грохот потряс горы, и поднялся из пропасти столб черного дыма. А на дне ее застыла каменная глыба, похожая очертаниями на Черного Черта.

Ая стояла вся дрожа, не понимая, что происходит: не то радоваться нужно, не то печалиться...

Тут раздался над ее ухом веселый голос:

— Видела, Ая? Черный Черт превратился в скалу. Это Красный Черт научил меня заклинанию. Произнес я его, обратился в пчелу и победил Черного Черта. Сыграй-ка, Ая, на флейте, а я спляшу. — И запел Таро, хлопая в ладоши, притопывая ногами:

Дэн-дэра-дэн!
Дэн-дэра-дэн!
Жил-был на свете
Черный Черт.
Жил-был на свете
Страшный Черт.
Стал он скалой,
Здесь под горой
Стал он скалой...
Дуй теперь, ветер,
Бей ему в грудь!
Самый сильный
Ветер в году!

Пели они, плясали. Утомились. Пришли отдохнуть. И донес тут до них ветер тихие звуки флейты и барабана, и еще донес он печальную песню.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Что это?

В тихих пустынных горах, где, казалось бы, нет ни души, и вдруг... песня!

— Может быть, праздник? — предположила Ая. — Тогда почему такой грустный напев?

— Словно из преисподней... Пойдем-ка, Ая, посмотрим, что там такое.

Побежали они по тропинке меж черных скал, усыпанных белыми костями — добела омыли те кости дожди, — спустились к обрывистому краю, и воскликнула Ая:

— Посмотри-ка!

Подошли они поближе к расщелине меж двух огромных скал, посмотрели вниз, в долину, и увидели: там, внизу, медленно движется цепочка людей, одетых в белые одежды.

И уже можно было различить, что несут они паланкин из белых досок, и поют низкими голосами унылую песню, и вторят их песне флейты и барабаны. И кажется, что все эти люди — выходцы из преисподней.

Переглянулись молча Таро и Ая и, взявшись за руки, съехали вниз с горы, прямо под ноги людям в белых одеяниях.

Остановились те, бросили паланкин и разбежались кто куда.

— Эй, люди, мы — свои! Не убегайте! — громко крикнул Таро, но никто не откликнулся, только старый дед подполз к нему на четвереньках, не поднимая от страха головы.

— Отчего это все разбежались, бабушка? Ведь мы не разбойники!

Поднял дед голову боязливо, внимательно оглядел Таро и Аю и сказал, вздохнув с облегчением:

— А вы и вправду не разбойники! Но откуда вы взялись? Уж не слуги ли Черного Черта?

— Нет, не слуги мы Черного Черта. И сам он в скалу превратился.

— В скалу?

— Ну да! Видишь, вон огромная черная скала виднеется? Это и есть Черный Черт! Это мы с ним расправились. Слышал, грохот по горам разнесся? Вот тогда и случилось это...

— Слышал, слышал, да только подумал, что конец света настал. Значит, нет теперь Черного Черта...

Заплакал дед от радости, открыл дрожащими руками дверцы паланкина, и увидели они, что сидит там красивая девушка в белом кимоно, от страха лишилась чувств, бедная.

— Очнись, дочка! Ты спасена! Этот парень убил Черного Черта. Открой глаза, красавица! Эй вы, люди! Возвращайтесь без опаски. Нет уже Черного Черта. Стал он скалой!

Прибежали тут все, зашумели. Как же не шуметь, не радоваться! Не стало Черного Черта, который обижал крестьян десятки, сотни лет. Обливаясь слезами, благодарили они Таро и Аю за спасение. Рассказали им, как захватил Черный Черт источник в горах, как требовал с крестьян каждый год большую дань и даже человеческую жертву. А если что не нравилось ему или был он не в духе, посылал на деревню черные тучи, затмевал свет солнца на много дней, а то обрушивал на посевы сильный град и уничтожал весь урожай или затоплял поля и деревни водой.

— Давайте-ка посмотрим, что у него там, в пещерах!

И, забыв об усталости, поднялись все в гору, к пещерам Черного Черта...

— Эта пещера полна риса!

— А в этой горы золота и серебра!

— А здесь сияет драгоценная яшма!

Крестьяне удивленно разглядывали сокровища Черного Черта. А Таро и Ая поднимались все выше и выше в гору. И увидели вдруг маленькую пещеру.

Из пещеры доносилось лошадиное ржание и стук копыт. Заглянули они в пещеру и видят: стоит там конек белой масти, поглядывает на них черными, как виноградинки, глазами, помахивает мягким, как шелк, хвостом.

— А! Вот тот Белый Конек, которым похвалялся Черный Черт. Говорил, что может он пробежать сто ри в день.

— Славный Конек! Ничего мне из сокровищ Черного Черта не надо, возьму только этого Конька, — сказал Таро.

— Ты хорошо сделаешь, Таро! Такой милый Конек! — обрадовалась Ая.

Вышли они из пещеры, держа на поводу Белого Конька, и видят — дорога еще выше в гору ведет.

«Что же там дальше?» — подумали они и полезли вверх. А когда добрались до конца пути, остановились изумленные.

Среди гор, сверкая в лучах солнца, застыло голубое прозрачное озеро. На берегу его стоял человек. Это был тот старый дед, который первым заговорил с Таро. Скрестив на груди руки, молча глядел он на озерную гладь.

— Да, — сказал он, — золото, серебро и яшма дорого стоят, но для нас, крестьян, нет ничего дороже воды. Как мы страдали от того, что это озеро держал в своих руках Черный Черт. Спасибо тебе, Таро, спасибо тебе, Ая! Вы спасли нас от неволи.

Сказал так дед и снова стал глядеть на озеро. Вдруг увидел он под ногами маленькое круглое зеркальце. Поднял его дед и протянул Ае:

— Возьми, Ая, зеркальце. Хоть мало, да красиво!

Взяла Ая зеркальце, вытерла его затуманенную поверхность рукавом кимоно, сказала:

— Я рада этому зеркальцу! Больше мне ничего здесь не надо.

А Таро молча смотрел на озеро, и хотелось ему плакать — озеро напомнило ему о матери.

— Подожди немного, мама, — прошептал он, — скоро я найду тебя!..

БЕСКРАЙНИЕ ПОЛЯ

Они спустились с горы, ведя на поводу Белого Конька. Внизу царило веселое оживление. Крестьяне доверху нагрозили паланкин драгоценностями, найденными в пещерах Черного Черта.

Куда девалась прежняя печаль! Подбадривая себя веселыми возгласами, все быстро зашагали домой, в деревню.

Вечернее солнце скрылось за скалистыми гребнями гор, наступила темная ночь. Но это не омрачало веселья крестьян. Дед хлопнул в ладоши и затянул песню:

За горами за крутыми
 Поселился Черный Черт.
 Додон, додэран,
 Додон-то!
 И держал нас в вечном страхе
 Черный Черт!

Другой голос подхватил:

Но однажды
 Из-за гор из-за крутых
 К нам пришел храбрец из храбрецов.
 Додон, додэран,
 Додон-то!
 Он сразился с Черным Чертом,
 Превратил его в скалу!
 Додон, додэран,
 Додон-то!

Так с пением и плясками шли они всю ночь, и незаметно наступил рассвет.

Страшные скалистые горы остались позади, кругом стоял лес из высоких криптомерий. Воздух был напоен ароматом хвои и наполнен щебетом птиц. А все, что было вчера, казалось просто страшным сном.

— Взгляните, — воскликнул дед радостно, — вон виднеется высокая скала, за ней наша деревня! Там уж совсем не так, как в горах... Ну вот, огибаем скалу. Ну, теперь смотрите!

Ая и Таро остановились, изумленные открывшимся перед ними видом.

Внизу, от самого подножия горы до синеющей вдали цепи гор, зеленели рисовые поля. А меж ними, сверкая на солнце, извивалась, как пояс оби, река. Там и сям, словно коричневые фасолилки, были разбросаны дома.

— Какие большие поля! — только и могли вымолвить Таро и Ая. Они выросли среди горных теснин и никогда прежде не видели таких просторов.

ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ РИСОВЫХ КОЛОБКОВ

— Заходите, заходите!
 — Присаживайтесь, отдохните!
 — Вот вам бочки с горячей водой...

В деревне праздник — встречают Аю и Таро.

— Такие молодые, а победили самого Черного Черта!

— Совсем еще дети...

— Вот молодцы!

— Теперь-то мы сможем жить спокойно.

— Вот радость-то!

— А я-то ничего и не знал! Рыбу ходил ловить на реку...

— И я ведь ничего не ведал! За грибами в лес ходил...

— Пойду-ка я по деревне собирать котлы для риса.

— И то дело...

— Давно бы так!

В деревне было шумно и весело. Все сустились вокруг котлов, и вскоре горы белоснежного риса были готовы.

— Давайте испечем из него колобки!

— Колобки! Что может быть вкусней!..

— Колобки с подливой...

— Колобки со сливой...

— И просто колобки без сливы, без подливы испечем скорей!

Ая и Таро смотрели на эти шумные приготовления и удивлялись тому, как богато живут крестьяне в этой деревне.

У ворот цвели цветы, в прудах резвились белые и красные карпы, в курятниках кудахтали куры, в конюшнях нетерпеливо переступали копытами кони, а в коровниках неспешно жевали траву коровы...

И вот просторная комната чисто прибрана. Над большим очагом, над горой углей, кипит в котле вода.

Приносят блюдо с угощением: тут и карпы, и угри, и прочие дары реки; тут и грибы, побеги папоротника, печеные каштаны, сушеная хурма и другие яства. А посреди на огромном блюде возвышается гора ароматных, горячих рисовых колобков.

— Просим отведать нашего угощенья!

— Просим без церемоний и лишних слов.

— Кушайте, гости!

— Мы — с удовольствием!

— Без церемоний, без лишних слов!

Сел Таро поудобнее и принялся уплетать рисовые колобки за обе щеки.

ДВАДЦАТЬ ЧАШЕК УХИ ИЗ РЫБЫ КОЙ И ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ БОЛЬШИХ КОЛОБКОВ

— Ах как вкусно! Как вкусно! Съел бы еще, да некуда. Что же ты, Ая, всего три колобка съела!

А Таро восемьдесят восемь колобков съел, за восемьдесят девятый принялся. Но только поднес его ко рту, как из глаз вдруг покатались слезы, и заплакал он горько.

Всполошилась тут вся деревня. Да и как было не всполошиться! Герой, победивший самого Черного Черта, плачет-заливается с недоеденным колобком в руке.

— Что с тобой, Таро? — спросила Ая, погладив его по спине.

— Не живот ли схватило? — участливо осведомился дед. — Иль в груди защемило?

И поднялся тут шум да гам. Кто кричит: «Скорей воды!», кто: «Скорей лекаря!»

— Ничего мне не надо! — воскликнул Таро, всхлипывая. — Заплакал я оттого, что хочется мне, чтобы и моя бабушка хотя бы разок отведала таких же вкусных рисовых колобков. Да и не только бабушка, но и все мои односельчане. Деревня моя между крутых гор лежит. Поля так высоко по склонам уютятся, что люди с трудом затаскивают туда бочки с навозом. А затащат да станут выливать на поле, того и гляди, в пропасть свалятся. Недавно вот моя бабушка упала с горы. И родятся в наших краях лишь просо, да бобы, да простой картофель. А бывает, и ничего не родится, и толкут тогда люди семена бамбука и пекут из них лепешки. И до того бедна моя деревня, что, говорят, у нас и камень толченый в пищу идет, если он в горло пролезет. И работает моя бабушка от зари дотемна не разгибая спины, а я только и делал до сих пор, что все просил ее побольше лепешек испечь.

Слушала Ая, слушала да и сама загрустила, призадумалась: как там старый дедушка и звери лесные живут...

— Вот о чем вы горюете, печалитесь, — сказал дед. — Если только за этим дело стало, можем мы помочь вашему горю. Ведите сюда бабушку и дедушку, да и всех ваших односельчан в придачу. Всем

места хватит. У нас и риса вдоволь на полях, и рыбы в реках, и грибов в лесах. И нет на земле места лучше нашего, только не было бы Черного Черта.

— И правда, ведите всех сюда! — заговорили тут все разом.

— Места всем хватит.

Вытер Таро слезы ладонью и сказал:

— Спасибо вам за добрые слова, только пора мне в путь собираться. Есть у меня еще дела. Приведите-ка мне того Белого Конька, которого нашли мы в пещере у Черного Черта.

И наступило утро.

Было еще совсем темно, когда Таро и Ая вышли из дома. Дошли они до края деревни, посадил Таро Аю на Белого Конька и сказал ей такие слова:

— А теперь пойду я искать свою маму, а ты, Ая, садись на Белого Конька и поезжай в деревню.

— И я с тобой, Таро! Поедем вместе на Белом Коньке. Он может проскакать сто ри в день!

— Что ты, Ая! Не ты ли дрожала от страха в пещере Черного Черта? Я иду туда, куда женщинам и детям ходить нельзя. Да и Белый Конек не сможет увезти нас двоих. Он же маленький. Ну, прощай, Белый Конек, довези Аю до самого дома!

Рассердился Белый Конек, что назвали его маленьким, отвернулся, в сторону глядит. Но погладил его Таро ласково по гриве, и опять он подобрел, стал ногами перебирать, заржал тонким голосом: «И-и-и...»

— Передай, Ая, привет бабушке, односельчанам и дедушке своему...

Стукнул Белый Конек копытом и поскакал.

— Таро-о-о! — только и успела крикнуть Ая, оглянувшись, а его уж и не видать.

Вдохнул Таро полной грудью утренний воздух, взглянул в высокое небо.

«Говорила мне бабушка, что живет моя мама в Дальнем Озере, в Северной стороне, что завещала она мне спасти ее, когда я стану сильным и умным. Я найду свою маму, если бы даже для этого понадобилось мне обойти все озера на земле. Силу мне тэнгу дали, а вот достаточно ли у меня ума?»

ЧАСТЬ II

В ПОИСКАХ МАТЕРИ

ПЕТУШИНАЯ ГОСПОЖА

Расставшись с Аей, Таро шел все дальше и дальше на север, мимо бескрайних рисовых полей. Как раз закончилась высадка рисовой рассады. Таро не переставал удивляться этому зеленому раздолю: ведь он привык видеть у себя в горах лишь скудную каменистую землю.

— Вот это поля! — твердил он восхищенно, шагая по дороге, с обеих сторон которой раскинулись рисовые поля. И попался ему навстречу молодой, добрый на вид человек.

— Хочу я спросить у вас, добрый человек, — обратился к нему Таро, — нет ли здесь поблизости озера, в котором обитал бы Дракон?

— Дракон? — удивился человек и покачал головой. — Странное озеро ищешь ты! Слышал я, что в болоте, в поместье Петушиной госпожи, живет Большой Змей, но чтоб где-то здесь проживал Дракон — такого не слышал. Жаль, что мы не слушаем рассказы стариков, а то бы многое знали...

— А как найти мне поместье Петушиной госпожи?

— А иди все прямо, никуда не сворачивай. Пройдешь день — к нему и выйдешь. Смотри только, чтобы тебя Большой Змей не съел. Ведь жизнь-то у нас одна...

Поблагодарил Таро путника и зашагал дальше уже веселее. А что, если Большой Змей, о котором рассказал ему этот человек, и есть его заколдованная мать. Шел он, шел, и уж солнце стало садиться, озарив небо багряным светом. «Ну, наверно, сегодня я не доберусь до поместья Петушиной госпожи», — подумал Таро и огляделся.

И увидел он странную картину: прекрасные поля сплошь заросли травой, земля толком не вспахана, и рассада рисовая не высажена.

«Что ж это такое? Кто же разводит сорняки на рисовых полях? Прямо плакать хочется, когда видишь, что вместо риса на них трава растет!»

— Эй! Погоди! — раздался вдруг крик. Смотрит Таро — бежит старуха, руками машет, кричит во все горло:

— Погоди! Кто бы ты ни был, путник ли какой, или нищий-побирушка, поработай у меня.

Сказала и тут же уселась, поджав ноги.

— А я не нищий. Я — Таро!

— Кто бы ни был, поработай в моем поместье.

— А ты кто? И отчего крик такой подняла?

— Как не кричать! Погляди — все поля травой заросли! А зовусь я Петушиной госпожой. Нет меня богаче в здешних краях. Было у меня совсем недавно триста шестьдесят пять работников. И работали они на меня с утра до вечера. А потом стали разбегаться. То один убежит, то другой. Не осталось ни одного. Поля все травой заросли, рис не высажен... — Заплакала тут старуха горячими слезами: — Добро ведь пропадает!. А-а-а-а! Каждый день слезы лью. А-а-а-а! Если собрать с этих полей рис, можно набить им доверху восемьдесят восемь амбаров! А что сейчас с них возьмешь? Одну траву! А-а-а-а! Что хочешь проси, только поработай у меня!

— Так, значит, это ты Петушиная госпожа! Слышал я, что у тебя в поместье есть болото и что живет в том болоте не то Дракон, не то Большой Змей. Так ли это?

— Какой Змей! — обиделась старуха. — Конечно, Дракон. Ведь я не кто-нибудь, а богатая помещица. Ну да, в моем болоте живет Дракон. Только показывает он один раз в году. Да что об этом говорить! Лучше скажи: будешь ли у меня работать. А?

— Ладно! Поработаю у тебя. Но с условием: жить я буду у болота. Я, видишь ли, заснуть не могу вдали от воды.

— Это мне ничего не стоит. Ведь все мои работники как раз у болота и жили.

Когда добрались они до поместья Петушиной госпожи, уж ночь наступила. Дом был огромный, и казалось, вот-вот из него выскочат оборотни. Однако был он пуст. Кроме старухи и кота, в доме не

было ни души. Ни голоса человеческого, ни огонька — тихо. А за домом, поблескивая в лунном свете, лежало болото. Туман поднимался над затянутой ряской водой, и было жутко. «И вправду обиталище Дракона», — подумал Таро, глядя на болото.

— Таро! Таро! — услышал он тут пронзительный голос старухи. — Иди сюда! Вот твоя постель.

Вошел Таро в маленькую комнатку и отпрянул в изумлении: в тусклом свете светильника, который держала в руке старуха, он увидел лишь земляной пол да несколько бревен, которые перекатывались с места на место.

— Возьми это бревно, положи под голову и спи. А завтра чуть свет, как только пропоет первый петух, вставай и принимайся за работу. Понял теперь, почему меня называют Петушиной госпожой? Работники мои встают с криком первого петуха и сразу начинают работать. Вот почему.

Сказала так старуха, дунула на огонь и исчезла.

«Ну и ну! Удивительное поместье! Стало быть, в этой тесной клетушке спало триста шестьдесят пять работников, а изголовьем им служили эти бревна. Ну что же, придется потерпеть: ведь нужно узнать, живет ли в этом болоте моя мама».

Подождал Таро, когда затихнут старухины шаги, а дождавшись, вышел потихоньку из дома. Ночь была темная, дул теплый, влажный ветер, с шумом качались деревья.

Встал Таро на берегу болота и сказал тихим голосом:

— Мама! Это я, Таро. Пришел за тобой. Выгляни из воды, если ты здесь...

Но не шелохнулось, не дрогнуло болото. Крикнул Таро второй раз, крикнул третий. А болотная вода, как и прежде, темным-темна. Молчит болото, только рябь мелкая по нему катится.

— М-да! Говорила мне старуха, что Дракон появляется лишь раз в году. Так оно, должно быть, и есть. Но когда?

Вернулся Таро печальный в свою каморку, положил голову на бревно и глаза закрыл.

И ОСТАЛОСЬ В РУКАХ ТОЛЬКО ТРИ КОЛОСКА

Сколько времени прошло с тех пор, как Таро, положив под голову бревно, задремал, неведомо, только успел он всхрапнуть не больше раз десяти, а уже на улице раздалось:

— Ко-кэ-кэк-ко!

Конечно, Таро и ухом не повел. Спит себе, похрапывает. Тогда кто-то осторожно пробрался в дом, остановился, вытянул шею и прислушался к дыханию Таро. Потом взял за полы висящий на стене соломенный плащ и захлопал им, как петух крыльями, и крикнул:

— Ко-кэ-кэк-ко!

Громко так кукарекнул, ну как настоящий петух, ничуть не отличишь. Потом, вытянув шею, снова наклонился над Таро. А тот продолжал храпеть еще пуще прежнего. И такой это был громкий, залиvistый храп, словно в десяти каменных ступах растирали зерно. Топнул тут прищелец ногой, замахал руками, завопил:

— Ах ты лентяй-лежебока!

И оказалось, что была это сама владелица усадьбы, Петушиная госпожа. Схватила она валявшийся на полу деревянный молоток, подняла его высоко над головой. А Таро спит как ни в чем не бывало. Эй, Таро, берегись! Не в тебя ли целится старуха? Но старуха со всего размаха ударила по бревну, которое служило изголовьем спящему Таро.

— Эй! Вставай! Уже утро! — завопила она. — Вся жизнь — вот уже до седых волос дожила — будила я петушиным криком своих работников. И все вставали. Такого лентяя впервые вижу.

— Что это там, мыши, что ли, скребутся? — сказал Таро сонным голосом.

— Какие мыши! Я это! Вставай! Уже утро. Работать пора!

Проснулся Таро. Протер глаза, глядит — а еще ночь и темно совсем.

— Поживее вставай да на поле ступай! А завтракать потом будешь.

— Если уж на то пошло, бабушка, так я и не ужинал вчера.

— О каком это ты ужине говоришь? Совсе и не работал еще, а уже есть прошишь. Ступай на поле!

Поднялся Таро нехотя, зевнул во весь рот:

— Ну и ну! Думал я, что в этом доме оборотни живут, а тут вот кто обитает.

Вышел Таро на поле и за один день справился со всей работой, которую триста шестьдесят пять работников делали: высадил всю рисовую рассаду на поля.

— Хорошего работничка я себе нашла! — радовалась старуха. — Утром, правда, не добудисься, но зато один за триста шестьдесят пять человек управляется. Крепкий парень!

Позвякивая монетами, вознесла старуха хвалу богам за милость к ней.

Каждое утро будила теперь старуха Таро ударом молотка по бревну, посыла-ла работать в поле. Время шло. Уж и про-полка кончилась, и осень подошла. Оста-лось только урожай убрать. Одно печалило Таро: каждый вечер ходил он на берег, звал свою мать, но молчало боло-то, никакого ответа не давало.

И вот однажды, перед жатвой, пришел Таро на берег и крикнул, как всегда, не-громким голосом:

— Мама! Это я, Таро. За тобой при-шел. Выйди из болота...

Снова нет ответа. Пригорюнился Та-ро, руками колени обхватил, сидит — го-лову повесил. И выпала у него тут из-за пазухи лепешка из рисовых отрубей — получил он ее на ужин, — покати-лась она прямо в болото. Поднял Таро голову и стал просто так смотреть, как лепешка в воду катится. Вдруг вода в болоте заколы-халась, и из нее показалась змея: не очень большая и не очень маленькая. Это была Белая Змея.

— Это ты дал мне лепешку из рисовых отрубей? — прошипела она. — Сто лет в этом болоте живу, а еще ни разу от здеш-ней богачки такой лепешки не получала. Дай, думаю, посмотрю, что за чудо такое случилось, почему мне лепешка доста-лась. У тебя что, дело ко мне есть?

Рассказал Таро все без утайки про се-бя. Сказал, что слышал он, будто живет в

этом болоте Дракон, вот и ждал тут, ког-да он покажется.

— Я хозяйка этого болота, — проши-пела Белая Змея, — но что-то не помню, чтоб у меня был такой сын, как ты. А Дракон здесь никогда и не жил. Не слиш-ком ли большая честь для здешней госпо-жи, чтобы в ее владениях поселился Дра-кон! Плохо она обращается со мной. За это все поля ее скоро порастут травой. Порастут травой...

Опечалился Таро, слушая шипение Белой Змеи; слезы на глаза навернулись.

— Не плачь! — прошипела Белая Змея. — Ты дал мне лепешку, а я дам те-бе мудрость. Слышала я, что за Девятой горой действительно есть большое озеро и живет в нем Дракон. Но прежде чем идти туда, загляни-ка ты к Горной Стару-хе, что живет у подножия Девятой горы. Скажи, что Белая Змея шлет ей привет. Тогда непременно наградит она тебя большой мудростью.

Сказала так Белая Змея и скрылась снова в болоте.

На следующий день взял Таро серп и принялся жать рис. Там, где в прошлом году росла одна сорная трава, колыхались теперь колосья риса. И так было радост-но видеть все это, что петь хотелось. Уб-рал Таро за один день поле, которое обычно косила тысяча человек, и сказал старухе:

— Ну вот, работу я закончил. Теперь отпусти меня.

— Как? Ты уходишь? И не думай, и не думай! Поработай еще год у меня.

Сказала так старуха, а сама подумала: «Не лучше ли отпустить работничка? Уж и жатва кончилась, и работы зимой не так много, а кормить надо. Отпущу-ка я его. Может быть, еще и лучшего, чем этот, бог пошлет». Подумала так и сказа-ла поспешно:

— Ну ладно, иди. А насчет оплаты по-решим так: можешь взять столько рису, сколько захватишь в охапку.

Ухмыльнулся тут Таро, услышав такие слова.

— Правду ли говоришь, бабушка?

— Да, возьми такой сноп, какой смо-жешь унести, — сказала старуха, радуясь

в душе, что мало платит работнику. Работал с весны до осени, а получит один сноп. Но просчиталась старуха: не знала, с кем имеет дело.

— Ну что ж, бабушка, будь здорова! — сказал Таро.

Пошел Таро на поле, собрал в кучу весь сжатый за день рис — долю тысячи человек, — связал его в один сноп, взвалил себе на спину и зашагал в гору.

Опешила старуха:

— Эй, Таро! Куда это ты? Что ты делаешь? Ты же весь мой рис забрал! Пстой!

Бросилась она за ним бежать, как была, босая, а рисовый сноп идет себе вперед, качается: *докункодон, докункодон...*

И только вечером третьего дня догнала старуха Таро, вцепилась, чуть живая, в сноп, запричитала:

— Ой, поясницу ломит! Ой, ноги болят! Прошу тебя, остановись!..

Вцепилась старуха в рисовую гору, хотела ее назад повернуть, да не смогла, осталось у нее в руке только три колоска. Так и повалилась она наземь без памяти, зажав в руке три колоска.

Окончание следует

СТО ВИДОВ ФУДЗИ

Осаму Дадзай

Перевод с японского Е.Е. Малининой

От переводчика

Годы, на которые пришлась молодость и творческая зрелость писателя Осаму Дадзая (1909–1948), называют «эпохой мрака» или «эпохой темного ущелья». Это название передает атмосферу 1930–1940-х годов, когда противоречия японского общества достигли своего предела, а японский народ переживал одну трагедию за другой. Агрессивная война, начатая Японией против Китая в июле 1937 г., переросла в войну на Тихом океане и завершилась разгромом японского милитаризма в августе 1945 г., оставив после себя страшные опустошения — не столько на японской земле, сколько в душах людей, потерявших веру во всякие идеалы, в свое будущее, томимых неразрешимым вопросом: как и чем жить дальше.

Слова бессильны передать ту меру отчаяния, состояние мучительного душевного разлада писателя, которые и толкнули его, в конце концов, на уход из жизни. Он покончил с собой, не дожив до собственного дня рождения всего несколько дней, когда в газетах публиковался его роман «Good bye» («Прощайте»).

Тонким юмором и самоиронией проникнут рассказ «Сто видов Фудзи», опубликованный в 1939 г. в журнале «Бутай». Это было первое сочинение, созданное Дадзаем вскоре после женитьбы. Перевал Мисака, знаменитый тем, что отсюда открывается прекрасный вид на Фудзи, прославился еще и потому, что там, снимая комнату в чайном доме, в течение нескольких месяцев жил и работал Осаму Дадзай и протекали события, описанные им в рассказе. На мемориальном камне, установленном на перевале, выгравированы ставшие уже крылатыми слова из его сочинения: «Красавице Фудзи особенно к лицу вечерние примулы».

Склоны горы Фудзи в изображении Хиросигэ сходятся под углом 85 градусов, в произведениях Бунтё — где-то под углом 84 градуса. Однако, если воспользоваться военными фотосъемками и картами, сделать поперечное сечение контура горы, можно обнаружить, что угол, образованный западным и восточным склонами, составляет 124 градуса, а северным и южным — 117 градусов. И не только у Хиросигэ и Бунтё — большинство изображений Фудзи представляет со-

бой острый угол с высокой и аккуратной вершиной. Что до Хокусая, так тот изображает Фудзи похожей на Эйфелеву башню со склонами, сходящимися под углом почти в 30 градусов. Настоящая же Фудзи далеко не так высока и крута. Живи я, например, в Индии и будь неожиданно вырван из своего обычного окружения некой хищной птицей и сброшен, скажем, на побережье Нумадзу в Японии, то сомневаюсь, что был бы уж очень поражен видом Фудзи. Японская Фудзияма поражает воображение иностранцев просто потому, что они слышаны о ней.

Но много ли скажет Фудзи человеку, который никогда не находился под воздействием столь мощной пропаганды красот Фудзи, чье сердце свободно от предубеждений? Фудзи невысока и по отношению к ширине своего основания достаточно полого. Любая гора с основанием того же размера могла бы оказаться выше. И только тогда, когда я увидел Фудзи с перевала Дзюккоку, она показалась мне действительно высокой. Сначала из-за облачности я не мог видеть вершины. Однако по крутизне нижних склонов я вычислил место среди облаков, где, по моим предположениям, и должна находиться вершина. Я убедился в своей ошибке лишь в тот момент, когда небо стало проясняться. Голубая вершина оказалась на уровне, по крайней мере в два раза превосходящем мои ожидания. Я был не столько удивлен, сколько странным образом задет за живое и... расхохотался. Когда вы лицом к лицу встречаетесь с абсолютной надежностью и непоколебимостью, вас тянет в первую очередь глупейшим образом расхохотаться. Хотя и странным может показаться сравнение, но это похоже на то, как будто вас разбирает смех в тот момент, когда вы развязываете на себе пояс. Молодые люди, если ваша возлюбленная однажды расхохоталась при взгляде на вас в такой момент, то вас можно поздравить. И ни в коем случае не следует упрекать ее в этом. Просто она была обескуражена абсолютной надежностью, какую ощущала в вас.

Видимая из окна высотных зданий в Токио, Фудзи представляет собой жалкое зрелище. Вот этот крохотный белоснежный треугольник, выступающий над горизонтом, — и есть Фудзи. Ничего особенного — так себе, рождественский пирог. Более того, патетически наклоненная влево, она напоминает боевой корабль, медленно, начиная с кормы, идущий ко дну.

Это произошло три года назад зимой, когда я оказался застигнутым врасплох неожиданным признанием одного случайного человека. Я был обескуражен и не знал, что делать. Той ночью я сидел в

одиночестве в своей комнате, потягивая *сакэ*. Я пил всю ночь, не сомкнув глаз. На рассвете я вышел в туалет, из окна которого мог видеть Фудзи. Маленькая, белоснежная, слегка склоненная влево: такой Фудзи я никогда не забуду. На асфальтированной улице под окном продавец рыбой бормотал себе под нос что-то вроде: «О, Фудзи особенно хорошо видна сегодня утром... Черт, как холодно...», а я тем временем стоял в крохотной темной комнате, ударяя по створке окна и рыдая от отчаяния.

Ранней осенью 1938 года, озабоченный желанием переосмыслить свою жизнь, я упаковал небольшой сакваж и отправился в путешествие.

Косю. Что отличает здешние горы, так это их мягкие очертания и до странности ленивые подъемы и спуски. Некий Усун Кодзима в своих «Видах Японии» оставил следующую запись: «В эти горы стекается много своевольных и неуживчивых людей, подобных бродячим монахам-отшельникам». И вот я сел в автобус, идущий из Кофу, и через час плавного в нем покачивания прибыл на перевал Мисака.

Перевал Мисака — тысяча триста метров над уровнем моря. На самой вершине перевала находится Тэнка-тя (Поднебесный чайный домик) — небольшое строение, в комнате второго этажа которого мой наставник Масудзи Ибусэ занимался сочинительством с самого начала лета. Я прибыл сюда с уверенностью, что найду его здесь. В надежде, что не помешаю ему в его работе, я намеревался тоже снять комнату в чайном домике и пожить некоторое время среди гор.

Г-н Ибусэ работал много. Я получил от него разрешение остановиться здесь и стал проводить день за днем — нравилось мне это или нет — лицом к лицу с Фудзи. С этого перевала, бывшего в свое время пунктом стратегического значения на пути к Камакуре и соединявшего Кофу с трактом Токайдо, открывается панорама северного склона горы. С древнейших времен она считается одним из трех знаменитых видов Фудзи. Будучи, однако, далеко не в восторге от этого вида, я был преисполнен самого ироничного к нему

отношения. Слишком уж он совершенен. Фудзи оказывается прямо перед вами. Лежащее у ее подножия холодное белое озеро Кавагути словно убаюкано молчаливой грядой гор, расположенных по обе стороны от него. Одного взгляда на озеро было достаточно, чтобы привести меня в замешательство. Это же настенная живопись в публичной бане. Декорация на сцене. Было что-то оскорбительное в созерцании столь безупречно сотворенного вида.

В один из солнечных вечеров, два или три дня спустя после моего прибытия, г-н Ибусэ сделал перерыв в своей работе, и мы поднялись на перевал Мицутогэ вместе.

Мицутогэ — одна тысяча семьсот метров над уровнем моря. Немногим выше, чем перевал Мисака. Вы достигаете вершины где-то через час после начала подъема по крутому склону. Почти ползком, пробираясь сквозь заросли плюща и виноградных лоз, я вскарабкался, наконец, наверх. Ну и жалкое же зрелище я, наверное, собой представлял! Г-н Ибусэ, облаченный в подходящую для гор одежду, выглядел весьма стильно. Я же, не имея нужного снаряжения, был одет в *дотэра* — набивное хлопчатобумажное кимоно угловатого силуэта, которым меня снабдили в чайном доме. Оно было слишком коротко для меня и оставляло открытыми мои волосатые голени. Картину дополняла пара толстых прорезиненных *таби*, одолженных мне пожилым мужчиной из чайного домика, так что я вполне отчетливо себе представлял, насколько убого я выгляжу. Я сделал попытку несколько подправить свой облик, подпоясав кимоно узким мужским поясом и надев соломенную шляпу, обнаруженную на стене чайного домика. Однако в результате стал выглядеть еще более эксцентрично. Никогда не забуду, как г-н Ибусэ — человек, который никогда бы не унился до обсуждения чьей бы то ни было внешности, — смотрел на меня с состраданием и пытался утешить, бормоча что-то относительно того, что не пристало мужчине слишком уж переживать о своем внешнем виде. В

любом случае, едва мы достигли наконец вершины, как густой туман окутал нас, лишив возможности видеть что-либо, хотя мы стояли на самом краю смотровой площадки.

Мы не видели ровным счетом ничего. Завернутый в густой туман, г-н Ибусэ уселся на скалу, неторопливо попыхивая сигаретой и пуская дым. Он выглядел совершенно огорченным. На смотровой площадке было три чайных домика. Мы выбрали тот, что принадлежал пожилой чете, и выпили по чашке горячего зеленого чая. Пожилая хозяйка, преисполненная сочувствия к нам, посетовала на туман и принялась рассказывать, что долгое время стояла ясная погода и что обычно можно видеть Фудзи прямо с этого места. Затем она вынесла из чайного домика большую фотографию Фудзи и, держа ее на вытянутых руках у края смотровой площадки, с жаром принялась объяснять, что обычно можно видеть Фудзи прямо отсюда, прямо такой — большой и ясно очерченной. Прихлебывая чай и любуясь фотографией, мы смеялись. Фудзи на снимке была хороша. Мы закончили чаепитие, уже не досадуя на всепроникающий туман.

Спустя два дня г-н Ибусэ покинул перевал Мисака. Я сопровождал его до Кофу, где он собирался представить меня некой молодой особе, за которую сватал. Одет он был несколько небрежно, в свой походный костюм. Я же был облачен в кимоно и тонкое летнее пальто, подпоясанное узким поясом. Г-н Ибусэ привел меня к дому на окраине города, где жила молодая леди. Сад утопал в розах. Мать молодой особы провела нас в гостиную, где мы обменивались любезностями, а спустя некоторое время показалась и девушка. Я избегал смотреть ей в лицо. Г-н Ибусэ и ее мать вели бессвязный разговор, во время которого мой наставник вдруг остановил свой взгляд на стене позади меня и пробормотал: «А... Фудзи...» Обернувшись, я тоже взглянул на стену. Позади меня висела вставленная в рамку фотография огромного кратера на верху горы. Она напоминала чистый белый цветок лилии. Изучив фотографию, я

медленно вернулся в свою исходную позицию и скользнул взглядом по девушке. Все, решено. Я женюсь на этой девушке, хотя это и повлечет за собой разного рода трудности. Благодарить же за принятое решение я должен был Фудзи!

В тот же день г-н Ибусэ уехал в Токио, я же возвратился на перевал Мисака. Весь сентябрь, октябрь и половину ноября я провел на втором этаже чайного домика, мало-помалу продвигая свою работу и до изнеможения ведя диалог с особенно нелюбимым мной «одним из трех прославленных видов Фудзи».

В один из дней мы хорошо посмеялись. Мой друг, член «Движения японских романтиков» — он читает лекции в университете или что-то в этом роде, — заглянул в мой чайный домик во время своей экскурсии в горы. Мы вышли в коридор на втором этаже, где курили и потешались над Фудзи, видимой из окна.

— Как она вульгарна! О, досточтимая Фудзи!

— Похоже на то. Как-то даже неловко глядеть на нее.

— Взгляни, что это? — неожиданно произнес мой друг, указывая куда-то подбородком. — Этот парень, похоже, монах.

Человек небольшого роста, лет пятидесяти, облаченный в черное монашеское одеяние, с длинным посохом, поднимался на перевал, то и дело оборачиваясь, чтобы полюбоваться видом Фудзи.

— Ну чем не картина «Монах Сайгё, созерцающий Фудзи», правда? Фигура монаха уж очень выразительна, — подал я реплику. — Этот монах кажется мне неким посланием прошлого. Должно быть, святой, подвижник или еще что-нибудь в этом роде.

— Не будь глупцом, — холодно заметил мой друг. — Это же простой нищий.

— Нет, не скажи. В нем есть что-то особенное. Взгляни только, как он шагает... Ты знаешь, говорят, что монах Ноин обычно писал стихи, прославляя Фудзи, прямо здесь, на этом перевале...

Смех приятеля оборвал меня на полуслове.

— Ха! Да ты только посмотри... И ты называешь это «чем-то особенным»?

Хати, шенок моей хозяйки из чайного домика, набросился с лаем на «Ноина», напугав его до смерти. Сцена была поистине потешна.

— Полагаю, что ты прав, — сказал я.

В неуклюжей попытке увернуться от собаки он бросил свой посох и в конце концов пустился наутек. Это верно — ничего «особенного» в нем не было. Наш монах оказался столь же вульгарным, как и сама Фудзи. Даже сейчас, вспоминая эту сцену, я не могу удержаться от смеха.

Как-то в один из дней меня навестил приветливый и воспитанный молодой человек лет двадцати пяти по имени Нитта. Он работал на почте города Ёсида, узкой полосой вытянутого вдоль подножия горы. По его словам, он узнал, где я нахожусь, изучая адреса прибывающей почты. Какое-то время мы поговорили и уже почувствовали непринужденность в общении, когда он, улыбаясь, произнес:

— На самом деле я собирался прийти с двумя или тремя приятелями, но в последний момент они сбежали. Я читал кое-что у Харуо Сато: он назвал вас распущенным и декадентствующим типом. Так что я едва уговорил своих приятелей зайти к вам. Но, признаться, я даже представить себе не мог, что найду в вас столь серьезного и привлекательного джентльмена. В следующий раз я возьму их с собой. Если вы не возражаете, конечно...

— Разумеется, — ответил я с вымученной улыбкой. — Вы явились сюда, собрав все свое мужество, с намерением развеять что-либо для своих друзей, не так ли?

— Один ноль в вашу пользу, — признался Нитта. — Я перечитал фрагмент критического отзыва упомянутого Сато прошлой ночью и приготовил себя к разного рода неожиданностям.

Я смотрел на Фудзи через окно. Она выглядела бесстрастной и безмолвной. Я был поражен.

— Неплохо, да? Есть что сказать о Фудзи после этого. Она знает, что делает... — Мне пришло в голову, что Фудзи нет равных. И тут же стало стыдно за свою переменчивость, за постоянное ме-

тание чувств от любви к ненависти. Фудзи впечатляла. Фудзи знала, что делает.

— Она знает, что делает? — похоже, Нитта нашел мои слова странными.

Когда бы Нитта ни навещал меня позднее, он всегда брал с собой кого-нибудь из своих приятелей. Все они были тихими, скромными юнцами. Они называли меня «сэнсэй», и я принимал это с должным видом. Хотя гордиться мне было особенно нечем. Нечему было учить. И талантов никаких у меня нет. Здоровье подорвано, сердце барахлит. И только тот факт, что я страдал, много страдал в своей жизни, позволял соглашаться с тем, чтобы эти юнцы называли меня *сэнсэй*, ибо страдание — это все, что у меня есть, единственная соломинка, за которую я могу уцепиться. Многие люди воспринимают меня как балованного, эгоистичного ребенка, но кто из них действительно знает, каково мне пришлось в жизни?

Нитта и молодой человек по имени Танабэ, мастерски сочинявший стихи *танка*, были знакомы с творчеством г-на Ибусэ — возможно, именно поэтому они оказались единственными, с кем я чувствовал себя комфортно. Однажды они взяли меня с собой в Ёсиду. Это был на удивление вытянутый в длину и узкий город. Казалось, он просто подавлен окружающими горами. Отрезанный от солнца и ветра горой Фудзи, он производил впечатление темного и холодного и напоминал веретенообразный, извивающийся ствол некоего растения. Вдоль улиц текли ручьи. Очевидно, такова уж особенность городов, расположенных у подножия гор. То же и в Мисиме: многочисленные ручьи пересекают город повсюду, и люди искренне верят, что эти потоки образуются из тающих на Фудзи снегов. Ручьи в Ёсиде мельче и уже, чем в Мисиме, да и вода грязнее. Глядя на один из них, я рассказывал:

— Есть у Мопассана рассказ о девушке, которая каждую ночь переплывала реку, чтобы встретиться с молодым отпрыском из знатной семьи. Но вот что же она делала каждый раз со своей одеждой? Не приходила же она на свидание голой?

— Наверняка нет, — подумав, ответил молодой человек. — Может, у нее был купальный костюм?

— Может, и так... Как ты полагаешь, не могла ли она завязывать свою одежду узлом на голове перед тем, как отправляться вплавь?

Молодые люди рассмеялись.

— Или, может быть, она переплывала реку в одежде и оставалась совершенно мокрой, когда встречалась с возлюбленным, а потом они сидели у камина до тех пор, пока она не высохнет? Но тогда как же она возвращалась обратно? Должно быть, ее одежда вновь становилась мокрой... Мне жаль ее. И не понимаю, отчего это ей, а не знатному господину приходилось переплывать реку? Мужчина способен плавать, не выглядя при этом смешным даже в шортах. А может, ее возлюбленный был одним из тех, кто плавает, как камень?

— Нет, — убежденно заявил Нитта. — Я думаю, что просто девушка любила его значительно сильнее, чем он ее.

— Может быть, ты и прав. Девушки из иностранных книг обычно милы подобно этой, очень милы. И если они полюбят кого-нибудь, то пойдут даже на то, чтобы переплыть реку ради встречи с возлюбленным. Подобного вы не увидите в Японии... Как называлась та японская пьеса? Посередине — река, по одну сторону от нее находится мужчина, по другую — принцесса, и на протяжении всей пьесы они оба рыдают и стеноют. Какая необходимость у принцессы выносить все это? Почему она попросту не переправится на другой берег? На сцене река выглядит очень узкой — ее вполне можно перейти вброд. Весь этот плач на сцене лишен всякого смысла и не вызывает у меня ни малейшего сочувствия... Или вот эта история об Асагао: там тоже есть река Ои, большая река. Сама же Асагао слепа, и вы до некоторой степени сочувствуете ей, но даже и в этом случае вполне кажется возможным переплыть реку. Стоять же возле реки и произносить напыщенную речь, обвиняя всех на свете, — какой во всем этом смысл? О... подождите, есть одна поистине бесстрашная девушка в

японской литературе. В ней действительно что-то есть. Вы знаете, о ком я говорю?

— О ком? — оживились молодые люди.

— Юная леди Киё. Она переплыла реку Хидака, преследуя монаха Антина. Она плыла как черт. Что-то в ней было, говорю вам. И судя по книге, которую я читал, ей едва исполнилось четырнадцать лет.

Так мы прогуливались, болтая всякую чушь, пока не дошли до тихой ветхой гостиницы на окраине города. Мы передохнули здесь. Около десяти часов молодые люди, оставив меня в гостинице, вернулись каждый к себе домой. Мне не спалось, и я вышел прогуляться, одетый в свое *дотэра*. Луна была поразительно яркой. И Фудзи хороша. Купаясь в лунном свете, она отливала полупрозрачной голубизной. Я чувствовал себя так, словно попал во власть чар лиса-оборотня. Какая мерцающая живая голубизна! Фосфоресцирующий свет. Светлячки. Я шел по ночной дороге с таким чувством, словно лишился ног. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был поразительно отчетливый стук моих *гэта*: цок-цок... Казалось, он исходил не от меня, а от какого-то другого, отдельного существа. Я с осторожностью обернулся: позади меня светилась Фудзи, плывущая в пространстве и отливающая голубым. Я вздохнул. Доблестный реалист эпохи Мэйдзи. *Тэнгу* с горы Курама. Таким я видел самого себя. Засунув руки в карманы, я шел, представляя себя ужасно крутым парнем. Я прошагал уже довольно долго, пока не обнаружил, что потерял кошелек. Там было около двадцати серебряных монет по пять *сэн*. Кошелек был тяжелым и, похоже, выскользнул из кармана. Я оставался на удивление спокойным. Если даже мои деньги и потеряны, то ничего другого как вернуться к перевалу Мисака мне не оставалось. Я продолжал шагать. Мне пришло в голову, что если я буду возвращаться тем же путем, то кошелек найдется. Не вынимая рук из карманов, легкой походкой я двинулся назад. Фудзи. Луна в ночи. Роялист мэйдзийского

периода. Потерянный кошелек. Восхитительный фрагмент для романтической истории... Мой кошелек лежал, поблескивая, прямо на середине дороги. Ну конечно же, где ему еще быть? Подобрал его и положив в карман, я отправился спать.

Я был очарован Фудзи той ночью. Превратился в полного идиота, дурака, совершенно лишённого собственной воли. Даже сейчас воспоминания о той ночи кажутся чрезвычайно смутными.

Я оставался в Ёсиде еще сутки. Когда же вернулся на перевал Мисака, женщина, содержащая чайный домик, понимающе улыбалась, а ее пятнадцатилетняя дочь встретила меня сдержанно и неприветливо. Мне вдруг захотелось заверить их, что я не совершил совершенно ничего предосудительного, и, хотя они не задавали никаких вопросов, я посвятил их во все детали прошедших дней. Я рассказал им все: название гостиницы, где остановился, каково было на вкус *сакэ* из Ёсиды, как выглядела Фудзи при лунном свете, как обронил кошелек. Дочь, казалось, была удовлетворена моим рассказом.

— Вставайте же и взгляните! — Однажды утром, стоя около чайного домика, она кричала мне пронзительным голосом. Я неохотно поднялся и вышел в коридор. Щеки ее возбужденно горели. Она ничего не говорила, только показывала на небо. Я взглянул туда и — о, Боже! — снег! Фудзи была покрыта снегом. Ее вершина сверкала белизной.

— Хороша!

— Разве это не великолепно! — с восхищением воскликнула девушка. Присев на корточки, она спросила:

— И вы до сих пор полагаете, что с перевала Мисака Фудзи кажется беспомощной?

Прежде я частенько говаривал ей, что эта Мисака-Фудзи беспомощна и вульгарна, даже не подозревая, насколько близко к сердцу воспринимала она мои слова.

— Только взгляни на нее, — с серьезным выражением лица вносил я коррек-

тивы в свои прежние заявления. — Фудзи не столь хороша без снега.

Одетый в *дотэра*, я прогуливался по окрестным холмам, собирая семена вечерних примул. Я принес их домой и разбросал по двору.

— Слушай, — сказал я девушке, — это мои примулы, и я обязательно приеду в следующем году взглянуть на них. Поэтому прошу тебя, не выбрасывай на них помой или что-нибудь в этом роде. — Она кивнула.

Причина, по которой я выбрал именно эти цветы, была связана с одним происшествием, убедившим меня в том, что Фудзи особенно хорошо смотрится вместе с вечерними примулами.

Чайный домик на перевале Мисака вполне можно назвать уединенным, тем более что сюда даже почта не доставляется. Полукасового покачивания в автобусе достаточно, чтобы оказаться у перевала Кавагути, в маленькой бедной деревушке на берегу озера Кавагути. Здесь на почте оставляют для меня корреспонденцию, которую я должен забирать каждые три дня. Для поездок в Кавагути я старался выбирать ясные, погожие дни. Обычно девушки-кондукторши не особенно утруждали себя рассказами по поводу видов за окном. Но однажды как-то в полдень одна из них пробормотала с очевидным безразличием что-то ужасающе банальное, типа: «Это перевал Мицутогэ, а там озеро Кавагути, в котором водится корюшка — рыба, признающая лишь чистую воду».

В один из дней, забрав свою почту, я возвращался автобусом на перевал Мисака. Мое место оказалось рядом с женщиной лет шестидесяти, одетой в темно-коричневое пальто поверх *кимоно*. У нее было миловидное, с тонкими чертами лица, напоминающее лицо моей матери. Она выглядела слегка подавленной, словно затаила глубокую боль. И вдруг девушка-кондуктор произнесла: «Дамы и господа, сегодня Фудзи особенно хорошо видна, не правда ли?» — слова, не содержащие никакой информации, но не похожие и на спонтанное восклицание. И все пассажиры: молодой рабочий с рюк-

заком, женщина, напоминающая *гейшу*, в шелковом *кимоно* и с высокой прической в традиционном стиле, грациозно приложившая носовой платок к губам, — все они как по команде обернулись на своих сиденьях и вытянули шеи, пытаясь разглядеть в окне все тот же банальный треугольник горы, словно видели ее в первый раз, охая и ахая как идиоты, мгновенно наполнив автобус гудящей суетой. И только одна из пассажирок — та самая пожилая дама, что сидела рядом со мной, даже не взглянула на Фудзи. Вместо этого она не сводила глаз со скал, окаймляющих дорогу. Я почувствовал что-то вроде удовлетворения и желания показать ей, что и я тоже не имею ни малейшего желания строить глазки такой вульгарной горе, как Фудзи. И хотя мы ни о чем не говорили, я симпатизировал ей и хорошо понимал ее состояние. В надежде на материнское участие и одобрение пожилой женщины я тихонько подсел поближе и уставился на придорожные скалы вместе с ней. Вероятно, ей было комфортно в моем обществе. «О, вечерние примулы», — произнесла она рассеянно, указывая тонким пальчиком на пятно возле дороги. Автобус промчался мимо, но стебелек золотого, одиноко стоящего цветка примулы остался в моей памяти. С восхищением взирая на высоченную гору, прямой и отважный (чуть было не сказал — геркулесовский) цветок вечерней примулы был хорош. И был очень к лицу Фудзи.

Октябрь начался и подошел к концу, а я по-прежнему весьма мало продвинулся в работе. Я скучал по людям. Заходящее солнце окрасило края облаков в алый цвет. Я стоял в одиночестве в коридоре второго этажа, покуривая сигарету и намеренно не глядел на Фудзи, изучая вместо этого осеннюю листву на лесистых склонах, темно-красную, как живая кровь. Я окликнул хозяйку чайного домика, подметающую опавшие листья:

— Хорошая погода сегодня, не правда ли?

Я даже сам удивился резкости своего голоса, прозвучавшего почти как крик радости. На мгновение она сложила руки

на метле и с подозрением, нахмутив брови, взглянула на меня.

— Вы что-то особенное намереваетесь делать завтра?

Я смутился.

— Нет, ничего.

Она рассмеялась.

— Вы, должно быть, скучаете. Почему бы вам не подняться в гору?

— Подниматься в гору только для того, чтобы спуститься? Это же бессмысленно. И кроме того, на какую бы гору ни подниматься, все равно не увидишь ничего, кроме все той же старушки Фудзи. На сердце становится тяжело при одной мысли об этом.

Похоже, странные вещи я произнес. Хозяйка неопределенно кивнула и продолжала подметать упавшие листья.

Перед тем как лечь спать, я тихо раздвинул занавески в моей комнате и сквозь стекло посмотрел на Фудзи. Залитая лунным светом, она отливала голубоватой белизной и возвышалась подобно духу окрестных рек и озер. Я вздохнул. О, я могу видеть Фудзи! И звезды какие огромные! Без сомнения, завтра ожидается прекрасная погода. Это был единственный проблеск радости бытия. После этого я также тихо задвинул занавески и отправился спать, размышляя о том, что да, действительно, погода завтра будет замечательная, ну и что из этого? Какое это имеет отношение ко мне? Посмеиваясь над собой, я улегся на свой *футон*.

Это было мучительно. Моя работа... Мучительно не столько даже от того, что приходилось волочить перо по бумаге (сочинительство само по себе доставляет мне настоящее удовольствие), сколько от постоянного смятения в моем сознании: что мы называем искусством, литературой завтрашнего дня, как обрести нечто новое — вопросы, подобные этим, заставляли меня в буквальном смысле корчиться в агонии. Взять что-нибудь простое и ясное, ухватиться за это и выплеснуть непосредственно на бумагу — вот все, что мне, как казалось, было нужно. И это позволяло увидеть Фудзи в ином свете: очертания горы, думалось мне, были воплощением того типа красо-

ты, которую я называл про себя «элементарным выражением». Я приближался в результате к пониманию того, что в ней, Фудзи, что-то было... что-то было в ее конусообразной простоте...

Созерцая Фудзи по утрам и вечерам, безрадостно проводил я свои дни. Как-то в конце октября группа куртизанок из Ёсиды или откуда-то еще, может быть, в свой единственный выходной день в году прибыла на перевал Мисака на пяти автомобилях. Я наблюдал за ними со второго этажа. Пестрыми цветными пятнами они выпархивали из машин, подобно почтовым голубям, выпущенным из корзины, и, не зная поначалу, в каком направлении идти, молча толкались до тех пор, пока их беспокойство наконец не улеглось, и они, одна за другой, не стали расходиться в разных направлениях. Одни смиренно выбирали почтовые открытки со стеллажа напротив чайного домика; другие стояли, устремив взор на Фудзи. Это была достаточно унылая картина. И хотя я, одинокий мужчина со второго этажа, был почти готов умереть за них, я в то же время не мог предложить им ничего такого, что сделало бы их счастливыми. Мне ничего не оставалось, как беспомощно наблюдать за ними. Тот, кто страдает, будет страдать. Тот, кто падает, будет падать. Тут уж ничего не поделаешь, ибо так устроен мир. А потому с намеренным беспристрастием я наблюдал за женщинами сверху.

— Слушай, Фудзи, ты же видишь этих девушек, не правда ли? — бормоча про себя эти слова, я обратил свой взор к горе, невозмутимо возвышающейся на фоне зимнего неба и глядящей на мир подобно Хозяину. Я принял воинственную позу, засунув руки глубоко в карманы *дотэра*. С глубоким облегчением я отыскал глазами группу куртизанок и в приподнятом настроении отправился вниз по дороге к туннелю в сопровождении шестилетнего мальчика из чайного домика и лохматого шенка по имени Хати. Неподалеку от входа в туннель худая куртизанка лет тридцати в одиночестве собирала букет диких полевых цветов. Она едва взглянула на нас, когда мы проходили

мимо, и продолжала свое занятие. Бросив взгляд на Фудзи и пропустив вперед себя мальчика, я нырнул в туннель. Я напомнил себе, что не в силах ничего изменить, и решительно зашагал по туннелю. Холодная вода, капаящая с потолка, потекла по моим щекам, попала за шиворот.

Приблизительно в это время мои matrimониальные планы встретили серьезное препятствие. Мне дали понять самым определенным образом, что моя семья не намерена оказывать мне финансовую поддержку. После женитьбы я собирался целиком полагаться на доход, приносимый сочинительством, но в тот момент я самонадеянно полагал, что моя семья поможет мне хотя бы сотней *иен* и позволит провести достойную свадебную церемонию. Однако после обмена двумя-тремя письмами стало ясно, что этого не случится. В результате я оказался в совершеннейшем затруднении. Я допускал вероятность даже того, что со стороны молодой леди свадьба может быть отменена. Решив, что ничего не остается другого, как чистосердечно во всем признаться, я спустился с перевала, чтобы посетить дом в Кофу. Я был приглашен в приемную, где теперь сидел напротив девушки и ее матери, и обо всем им рассказывал. По крайней мере я старался честно описать сложившуюся ситуацию. Девушка оставалась спокойной.

— Значит ли это, что ваша семья против? — спросила она, склонив голову набок.

— Нет, они не то чтобы против, — я слегка надавил на стол ладонью правой руки. — Это скорее похоже на то, как если бы они сказали: «Делайте все сами».

— Тогда здесь и проблемы нет, — мило улыбнулась мать. — Как вы заметили, наверное, мы и сами небогаты. Пышная свадебная церемония лишь заставила бы нас почувствовать себя неловко. Для нас имеет значение только то, насколько вы симпатизируете дочери и насколько серьезно относились к своей работе.

Забыв даже поклониться в ответ, я какое-то время безмолвно созерцал сад. Глаза мои стали горячими. Я сказал себе, что стану для этой женщины нежным и

заботливым зятем. Вскоре я покинул дом, девушка сопровождала меня до автобусной остановки. По пути я спросил ее:

— Ладно, и что же ты думаешь? Будем ли мы и дальше продолжать наши отношения? — Чистой воды притворство с моей стороны.

— Нет, — сказала она с улыбкой. — С меня довольно.

— Может, ты хочешь спросить меня о чем-нибудь? — Я выглядел последним дураком.

— Да.

Я приготовился честно ответить на любой ее вопрос.

— Снег на Фудзи уже выпал?

Я был сражен.

— Да, выпал, на вершине...

Мои слова повисли, когда я взглянул вверх и увидел Фудзи, стоящую перед нами. Странное чувство возникло у меня.

— Что за черт? Ты же можешь видеть Фудзи из Кофу. Ты пытаешься сделать из меня дурака? — Я вдруг заговорил как *якудза*.

Девушка опустила глаза и ухмыльнулась:

— Но ведь вы же живете на перевале Мисака, а потому будет нехорошо, если я не спрошу вас о Фудзи.

«Странная девушка», — подумал я.

Возвратившись из Кофу, я обнаружил такое напряжение в плечах, что едва мог дышать.

— Вы знаете, вам очень повезло, мадам: перевал Мисака — превосходное место. Такое чувство, словно возвращаешься домой, — обратился я к хозяйке.

После обеда хозяйка и ее дочь массируют мне плечи. Пальцы пожилой женщины были сильными и крепкими, зато пальцы дочери — слишком мягкими и слабыми. «Сильнее, сильнее», — не переставая твердил я, пока наконец девушка не взяла полено, приготовленное для очага, и не принялась бить им меня по плечам. Только это, пожалуй, и помогло избавиться от напряжения, приобретенного в Кофу.

В течение двух-трех дней после этого я пребывал в подавленном состоянии, мне не работалось. Я сидел за столом,

бессмысленно марая бумагу, выкурил уже семь или восемь пачек сигарет, бесцельно валялся, ничего не делая, и не написал в результате ни страницы повести, над которой работал.

— С тех пор как вы посетили Кофу, дела идут неважно, правда?

Однажды утром я сидел за столом, закрыв глаза и подперев руками подбородок. Сотни мыслей вертелись у меня в голове, когда пятнадцатилетняя хозяйская дочь, подметавшая пол позади меня, произнесла эти слова тоном искреннего сожаления. Не оборачиваясь, я сказал:

— Да, неважно...

— Плохи дела, — она продолжала подметать пол. — За последние два или три дня вы и вовсе ничего не написали, да? Каждое утро, как вам известно, я собираю все исписанные вами листы и привожу их в порядок. И мне нравится заниматься этим. Я довольна, когда вы много пишете. Я поднималась сюда прошлой ночью и видела вас: вы лежали на своем *футоне* с одеялом, натянутым на голову.

Я был благодарен ей за эти слова. Ее участие казалось мне самой лучшей поддержкой. Она ничего не ожидала в ответ. В тот момент я подумал о том, как она красива.

К концу октября кленовые листья в горах стали темными и пожухлыми, а пронесшаяся ночью буря не оставила после себя ничего, кроме черного, голого зимнего леса. Посетители стали редки. Бизнес пошел на убыль, и время от времени хозяйка спускалась за покупками в Фунадзу или Ёсиду, расположенные у подножия горы. Она брала с собой шестилетнего мальчика, оставляя меня и дочь на целый день вдвоем в тихом пустынном чайном домике. В один из таких дней я заскучал, сидя в одиночестве на втором этаже, и вышел прогуляться. Я увидел девушку на заднем дворе — она занималась стиркой, подошел к ней и, улыбаясь, сказал громким голосом:

— Какая скука!

Девушка низко опустила голову, и когда я всмотрелся в ее лицо, то был поражен: она плакала и была явно напугана. «Ну и дела», — подумал я, удаляясь по

узкой, засыпанной листьями горной дорожке. Я чувствовал себя совершенно несчастным.

С тех пор я стал осторожным. Когда мы оставались с девушкой одни, я старался не покидать своей комнаты на втором этаже. Если же в чайный домик заходил посетитель, я с намеренным шумом спускался вниз и, не переставая следить за девушкой, сидел в углу магазинчика, попивая чай.

Однажды сюда прибыл взятый напрокат автомобиль с невестой в сопровождении двух пожилых мужчин в церемониальных *кимоно* и *хаори*. Девушка оставалась в магазинчике одна. Я спустился по лестнице, сел на стул в углу и закурил. Невеста была облачена в полный свадебный наряд со всеми необходимыми аксессуарами: удлиненное *кимоно* сложного покроя, *оби* из золотой парчи, белый свадебный головной убор. Не зная, как принять столь необычных гостей, девушка, угостив чаем всех троих, удалилась в мой угол в надежде спрятаться за меня и молча разглядывала невесту.

День, который бывает лишь раз в жизни... Вне всякого сомнения, невеста прибыла откуда-то издалека и по пути на свадебную церемонию в Фунадзу или Ёсиду решила посетить перевал, чтобы взглянуть на Фудзи. Вся эта сцена — даже для случайного зрителя — была возбуждающе-романтична. Через некоторое время невеста поднялась и тихонько покинула магазинчик, чтобы встать на краю обрыва и насладиться видом. Она стояла скрестив руки — смелая и самоуверенная поза. Чрезвычайно самоуверенная, подумалось мне. И пока я оценивающе разглядывал ее — ее и Фудзи, — невеста, повернувшись к горе, зевнула, широко раскрыв рот.

— Ох! — раздалось позади меня. Похоже, хозяйская дочь тоже заметила этот зевок. Невеста уселась в ожидающий ее автомобиль и была такова.

— Потаскушка, это для нее уже не внове. Должно быть, это ее второй, нет, третий раз. Жених, наверное, ждет ее внизу, у подножия горы, а она заставляет остановить машину, чтобы взглянуть на

Фудзи. Только не говори мне, что девушка, выходящая замуж в первый раз, будет делать такое.

— Она зевнула! — с готовностью согласилась хозяйская дочь. — Так широко раскрыть рот!.. Ей должно быть стыдно за себя. В любом случае, вы не должны жениться на ком-нибудь вроде такой...

Хоть это и странно для мужчины моих лет, но я покраснел от смущения. Мои собственные дела, касающиеся женитьбы, продвигались беспрепятственно благодаря усилиям г-на Ибусэ, взявшего на себя все заботы. Свадебная церемония, на которой будут присутствовать двое-трое самых близких друзей нашей семьи, состоится у него в доме, и я ощущал себя почти ребенком, которого опекают и любят.

Наступил ноябрь, и холод на перевале Мисака стало трудно переносить. Камин же находился внизу. «Вы, должно быть, замерзли на втором этаже. Почему бы вам не работать здесь, около камина?» — предложила мне хозяйка чайного домика, но я отказался, сославшись на то, что не могу работать в людном месте. И все же она продолжала проявлять заботу обо мне и однажды, побывав в Ёсиде, вернулась с *котацу* для моей комнаты. Уютно устроившись под одеялом, которым было накрыто *котацу*, я почувствовал горячую признательность этим людям за их заботу. Однако, глядя на Фудзи, теперь уже на две трети покрытую снегом, и унылые зимние деревья на ближайших горах, я начал осознавать бессмысленность своего дальнейшего пребывания на перевале Мисака и решил, что самое время спуститься с гор.

За день до того, как покинуть перевал, я сидел в магазинчике на стуле, облаченный в пару *кимоно* одно поверх другого, и прихлебывал дешевый зеленый чай, когда из туннеля показались две молодые женщины ученого вида, одетые в зимнее *кимоно*. «Секретарши», — подумал я. Посмеиваясь над чем-то своим, они вдруг поймали взглядом белоснежную Фудзи и остолбенели. Они обсудили что-то шепотом между собой, а затем одна из них, светлокожая девушка в очках, подошла

ко мне и, улыбаясь, попросила: «Извините, не будете ли вы так любезны сфотографировать нас?» Просьба привела меня в явное замешательство. Я не очень в ладу с техникой и не имею ни малейшего интереса к фотографии. Более того, я представлял собой столь жалкое зрелище в этих двух *кимоно*, что даже мои хозяйки из чайного домика, посмеиваясь, называли меня разбойником с гор. А потому столь светская просьба этих двух ярких цветов из Токио сильно меня смутила. Все же мне пришлось в голову, что как бы убого я ни был одет, кому-то со стороны я мог показаться вполне интеллигентным, способным по крайней мере нажать на затвор камеры. Вдохновленный этой мыслью и симулируя безразличие, я взял фотоаппарат, попросив при этом дать пояснить, как им пользоваться, и посмотрел в глазок. В центре предполагаемого кадра высилась Фудзи, огромная и внушительная, а внизу на переднем плане две маленькие маковки — во всяком случае, так выглядели девушки в своих красных пальто. Они обняли друг друга и устоялись в камеру с серьезным, торжественным видом. Сцена эта поразила меня своей полной нелепостью, и мои руки беспомощно задрожали. Подавив смех, я снова взглянул в камеру: обе маковки выглядели еще более серьезными и неподвижными. Мне было трудно сосредоточиться, и я в конце концов совершенно убрал фигурки двух девушек из кадра, позволив Фудзи — лишь одной Фудзи — заполнить собою весь кадр. До свидания, Фудзи. Спасибо за все. Шелк.

— Готово.

— Спасибо, — произнесли в унисон девушки. Они будут удивлены, когда, возвратясь домой и проявив пленку, обнаружат изображение горы во весь кадр — и ни намек на них самих.

На следующий день я покинул перевал Мисака. Первую ночь я провел в дешевом отеле в Кофу, а утром, прислонившись к разбитым перилам в коридоре отеля, взглянул на Фудзи, треть которой виднелась позади окружающих гор. Она была похожа на цветок *ходзуки* — китайского фонарика.

НЕВЕРНЫЙ ОТВЕТ

Нечто откровенно ужасное происходит с образованием в Японии. По крайней мере так считают сами японцы. Их волнует тот факт, что страна съехала вниз на международной шкале оценок по школьной грамотности, математике и некоторым другим наукам. Если верить итогам последнего исследования пятнадцатилетних школьников в 41 стране, проведенного ОЭСР, Япония сохранила за собой почетное второе место в большинстве естественных дисциплин, но перешла с первого на шестое место по математике и с восьмого на четырнадцатое место по умению читать.

Родители обеспокоены и вспышками насилия, а также самоубийствами в ученической среде. Правительство мечется в поисках мер, которые могли бы доказать, что оно действительно прислушивается к чаяниям народа. Индустрия образования выглядит весьма выигрышной сферой приложения его усилий.

Однако реформы, о которых говорит правительство, не нацелены на помощь молодым людям в формировании критических суждений, диктуемых быстро меняющейся глобальной обстановкой с информацией в обличье ее движущей силы. Вместо этого правящая Либерально-демократическая партия и ее партнер по коалиции Новая Комэйто переписали послевоенный закон об образовании с целью стимулирования у молодежи патриотических чувств.

Министр образования полагает, далее, что в начальных школах не стоит преподавать иностранные языки, например английский. Главное, настаивает он, чтобы ученики обрели «японский паспорт», т.е. получали подробнейшие знания истории и культуры страны и в совершенстве овладевали родным языком.

Нижняя палата парламента одобрила законопроект, который не только подчеркивает важность руководящей роли родителей в воспитании детей, но и требует от школ внедрения в сознание учащихся «любви к отечеству». Оппозиционные партии бойкотировали голосование в нижней палате, но правящей коалиции все же удалось протолкнуть законопроект, сделав его законом.

На преподавание патриотизма в Японии было давно наложено табу, поскольку в прошлом оно использовалось для раздувания милитаристских настроений. С его упором на мораль и национализм новый закон довольно явственно напоминает Императорский рескрипт об образовании 1890 г. В течение десятилетий вплоть до

окончания Второй мировой войны ребятишек заставляли запоминать Рескрипт наизусть и произносить его текст слово в слово перед портретом императора. После капитуляции Японии союзные оккупанты, возмущенные требованиями к юным жертвовать собой во имя *тэнно*, покончили с этой практикой.

Парадокс состоит в том, что Япония в самом деле нуждается в реформе образования. Школьная система и учебные планы были разработаны 60 лет тому назад, когда молодое поколение из сельскохозяйственных общин готовили к многочасовому и безропотному труду на конвейерных линиях. За истекшие годы экономика страны изменилась до неузнаваемости. Между тем система образования с ее продолжающимся акцентом на факты, цифры и арифметические подсчеты в уме осталась своими корнями в далеком прошлом.

Экономические успехи Японии дают основания предполагать, что ее тинейджеры уделяют все меньше внимания пережиткам минувшего и постепенно овладевают творческими способностями, необходимыми для процветания в современном мире. В этом контексте вроде бы озадачивающее снижение формальных оценок, которое, кстати говоря, имеет место и в других постиндустриальных странах, возможно, заслуживает аплодисментов.

The Economist. 23.12.2006

РАЗБОЙ НА БОЛЬШИХ ДОРОГАХ

До недавнего времени служащие японской дорожной полиции были народом вежливым и предупредительным. Обнаружив неправильно припаркованный автомобиль, они просто делали пометки мелом у его колес, а затем, через час или более того, возвращались взглянуть, не убрал ли «нарушитель». Только если нерадивый водитель игнорировал предупреждение, ему выписывали штраф. Однако в последние месяцы автомобилистам приходится сталкиваться с новой армией частных смотрителей за соблюдением парковочных правил, которые энергично проводят в жизнь непримиримую политику немедленных штрафов и предъявления цифровых фотографий в качестве улик.

Хозяева магазинов, рестораторы и владельцы местных производственных предприятий кипят от возмущения. Сообщают, что объем торговых сделок в районах, прилегающих к магистралям с интенсивным

движением транспорта, сократился на 20%. Некоторые бизнесмены выступили с довольно оригинальными методами решения возникшей проблемы. Так, система продовольственных супермаркетов «МОС Бёргер» начала принимать заказы с мобильных телефонов клиентов и выносить наполненные яствами пакеты к краю тротуара.

Новый закон о дорожном движении, вступивший в силу в июне 2006 г., предоставляет полиции право прибегать к аутсорсингу, т.е. нанимать для контроля за соблюдением правил парковки внештатный персонал. Большинство полицейских подразделений воспользовались этим правом. За истекший год сумма «парковочных» штрафов увеличилась на 30%, а число оставленных на обочинах автомобилей снизилось на 60%, что доказывает высокую эффективность частных блюстителей порядка.

Езда по запруженным машинами улицам японских городов стала на редкость приятной. Однако возникли и неожиданные последствия. Вместо того чтобы побудить водителей к использованию общественного транспорта, внедрение строгих правил парковки убедило многих из них оставаться дома. И это в то время, когда правительство хочет вывести побольше людей на улицы, где они могли бы тратить деньги и тем самым стимулировать экономику.

Весьма зловещим в сложившейся обстановке является активизация мафиозных групп. Некоторых граждан, особенно престарелых и инвалидов, риелторы, работающие от имени недобросовестных инвесторов, настойчиво «побуждают» освободить свои семейные жилища. В результате по всей стране на высвобождающихся площадях как грибы после дождя начали внезапно возникать парковочные участки.

Средняя цена земли упала более чем на 80% по сравнению со своими пиковыми значениями в годы экономики «мыльного пузыря». Старые деревянные дома на участках площадью в 80 кв. м продаются в Токио всего за 15 млн. иен, что составляет менее половины соответствующего показателя для таких крупных промышленных городов, как Нагоя или Хиросима. Расчищенные, залитые асфальтом и оборудованные двухэтажными автомобильными «стеллажами», эти крошечные участки, будучи использованными в качестве парковок, способны приносить примерно 5 млн. иен в год. Владельцы не спешат с получением лицензий на застройку их четырехэтажными зданиями, предпочитая возводить «стеллажи» и накапливать наличность.

The Economist. 06.01.2007

ИННОВАЦИИ ТАНЦОВЩИКА И ДИРИЖЕРА

Оркестр, который обычно сидит в своей яме и не виден зрителям, в данном случае находится на сцене и принимает участие в танцевальном спектакле. Этот «симфонический балет» — дитя 26-летнего Юкити Хаттори и 37-летнего Сэйкё Кима — имеет задачей органическое соединение музыки и танца в представлении, носящем название «Рапсодия в стиле блюз». Старания

оркестра и танцовщиков слиться воедино порождают буквально физически ощущаемое возбуждение.

Хаттори — известный танцовщик, а Ким — ветеран-дирижер. Начали они с обсуждения вопроса о том, каким образом можно организовать физическое присутствие оркестра на сцене. «Можем ли мы рассредоточить музыкантов по всей сценической площадке? При этом танцовщикам придется, что называется, пробираться между ними»; «Можем ли мы обеспечить дирижеру свободу манипуляций его палочкой?»; «Сможет ли дирижер расхаживать по сцене и руководить оркестром во время представления?».

«Мы хотели, чтобы оркестр не только появился на сцене, но и стал частью визуального действия», — говорит Хаттори, который учился в Токийской балетной школе и в Школе при Гамбургском балете, а ныне работает с балетом провинции Альберта в Канаде.

Итак, в обычном балетном спектакле оркестр находится в яме и согласует темп игры с темпом движений танцовщиков. Но у Хаттори с Кимом музыканты и актеры пребывают приблизительно на одинаковом уровне в границах сценического пространства. Ким, который руководил оркестрами в Японии, европейских странах и США, ни при каких обстоятельствах не собирался понижать музыкальную составляющую представления. Если дирижер и оркестранты будут передвигаться во время спектакля по сцене, беспокоился маэстро, «качество исполнения упадет». Чтобы решить проблему, оркестр разместили в центре сцены, а танцовщикам предоставили места впереди и за ним на слегка приподнятых платформах.

Хаттори снижал уважение во всем мире техникой своего танца и способностью выполнять исключительно трудные па. Он заявляет, что его заветной целью является «устранение границ, отделяющих друг от друга различные способы экспрессии». Ему приходилось участвовать в представлениях, где на одной сцене выступали совместно балетные танцовщики и члены театрализованного ревю «Такарадзука». Однако на сей раз, утверждает Хаттори, «мы постучали в двери классической музыки».

По его мнению, танец способен преодолевать разделенность различных жанров. В настоящее время он входит в танцевальную команду из 14 человек, среди которых специалисты в области балета, салонных танцев, пантомимы и др. Загляните ненадолго в их репетиционный зал в Токио, и вы увидите, как они раз за разом выполняют технически сложные движения под знаменитые произведения классической музыки.

«Хаттори напоминает шеф-повара — говорит Расти Томас, член «команды» из Соединенных Штатов. — Он соединяет различные виды танца подобно шеф-повару, смешивающему различные ингредиенты при создании нового блюда».

Музыкальная составляющая в нынешнем спектакле включает «Рапсодию в стиле блюз» Джорджа Гершвина, «Лунный свет» Клода Дебюсси и «Адажио для струнных» Сэмюэля Барбера. Большинство шедевров, как видим, относится к началу XX в.

«Мы используем музыку, сочиненную сто лет тому назад, — отмечает Ким, — музыку, которая в то время

считалась авангардистской. С помощью этого импульса мы хотим создать новую форму искусства для наступившего века».

«Рапсодия в стиле блюз» Гершвина была включена в набор произведений, сопровождающих спектакль, во-первых, потому, что она является одним из давно любимых Хаттори опусов, а во-вторых, потому, что она сводит воедино классику и джаз. Иногда ее относят к «симфоническому джазу» — жанру, воодушевлявшему деда Хаттори, популярного музыканта Рёити Хаттори.

«Я отобрал „Рапсодию“, так как нахожу ее вдохновляющей. Иногда мне даже кажется, что она проникла во все фибры моей души», — говорит Хаттори. «Рапсодия» оставляет массу мест для фортепианных импровизаций, которые будут исполняться чародеем рояля Такаси Мацунагой, и на каждом представлении танцовщикам предстоит приспособиться к его свободной трактовке партитуры.

По словам Кима, восхищение оркестра каждым выступлением в программе Хаттори обещает быть беспрецедентным. «Мир классической музыки в застое, — говорит он. — Те же самые музыканты собираются ежедневно и жалуются то на одно, то на другое. Но если на сей раз их взволнует хотя бы физическое присутствие Хаттори и других танцовщиков, наше исполнение непременно изменится к лучшему».

К. Сэдзэки

Нихон кэйдзай симбун. 23.07.2007

КОРОЛЕВА ПЕСЕН О ЛЮБВИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ОГНЯМ РАМПЫ

Известная певица и поэтесса Мария Такэути когда-то заявила, что ей не нравятся песни на строго определенную тематику или песни, содержащие четко сформулированные «послания» аудитории, поскольку, с ее точки зрения, поп-песни должны должны носить чисто абстрактный характер. Однако, отметив в марте 2007 г. свой 52-й день рождения, она изменила взгляды и теперь пишет песни, раскрывающие ее личные чувства и отражающие повседневные наблюдения.

Такэути считают музыкантом высшего разряда с момента ее дебюта в 1978 г., хотя в течение некоторого времени она ограничивалась только сочинением мелодий и текстов к ним. Недавно она опубликовала первый за шесть лет альбом под названием «Дейним», указав при этом, что одна из включенных в него песен — «Дзинсэй-но тобира» («Двери жизни») — отражает ее поведенческие установки в несравненно большей степени, чем все предыдущие произведения.

Как указывает Такэути, жизнь после пятидесяти выглядит по-другому. «Остается совсем немного лет до шестидесяти, — с улыбкой произносит она, — а там уж недалеко до семидесяти и восьмидесяти. Я никогда не задумывалась о том, как долго мне еще удастся выступать. Но недавно, понаблюдав за весенним цветением сакуры, я вдруг начала прикидывать, сколько именно раз мне посчастливится любоваться этим зрелищем».

В процессе работы Такэути обычно не придерживается каких-либо концепций, но зачастую отражает в своих текстах тенденции времени. Так, в одной из ее новых песен звучит термин «электронная почта», хотя, по ее мнению, лет через двадцать этот вид связи безнадежно устареет.

Марию никак не назовешь плодovitой, она не появлялась на сцене с 2000 г., когда состоялся ее первый за истекшие 18 лет концерт. Тем не менее, улавливая современные настроения, ее песни покоряют широкий спектр слушателей вне зависимости от их принадлежности к тому или иному поколению.

В то же время она утверждает, что пытается сделать свои песни вневременными, а не старыми или новыми: «Хотя использование цифровых записывающих технологий изменило характер сочинений, я не думаю, что должна создавать звук образца 2007 года или вообще гоняться за инновациями в процессе создания своих произведений».

Через несколько лет после дебюта на старте третьего десятилетия жизни Такэути решила, что хочет сконцентрироваться на «производстве» музыкально-поэтической продукции и прекратила попытки занять высокое место в рядах звезд тогдашней попсы. На какое-то время она приостановила профессиональную деятельность, погрузившись в частную жизнь и попросту ожидая моментов, когда песни сами придут ей на ум и поддержат ее музыкальную карьеру. В итоге, отмечает Мария, ее песни стали привлекать куда больше людей, чем в период частых выступлений по телевизору с рекламированием новинок.

Такэути признает, что прилагает особо энергичные усилия для «охвата» слушателей своего поколения, тех, кто «подобно мне, не могут исполнять современные хиты». Она, далее, полагает, что, хотя сейчас многие слишком заняты и, возможно, у них нет времени слушать музыку, они когда-нибудь вернуться к этому занятию, побуждаемые любовью к песенному творчеству, которая должна таиться в их душах.

Марию давно считают королевой песен о любви. На вопрос о том, не трудно ли ей теперь исполнять романтические произведения, она отвечает, что девушка может влюбиться в парня, а парень в девушку в любые времена. Впрочем, добавляет певица, сегодняшняя молодежь, опьяненная средствами массовой информации, неспособна культивировать в себе истинно романтические чувства в традиционном смысле этих слов: «Может быть, она и красноречива в электронных посланиях, но нема на реальных свиданиях. Тем не менее тяга к любви, конечно, гнездится в душах молодых, и даже те, кто не влюблен, бессознательно желают познать ее».

Недавно Такэути получила восторженное письмо от 22-летнего юноши. Для нее это явилось подтверждением того факта, что представители молодых поколений слушают и высоко оценивают музыку достаточно пожилых исполнителей. Когда ей самой было около двадцати, такое отношение считалось редкостью. Слушая песню об адюльтере, говорит Мария, молодые воспринимают ее несопоставимо острее, чем аудитория прошлого: «Попса сегодня господствует, но именно вневре-

менная музыка, обращенная к массам, может привлечь самые различные возрастные прослойки».

The Nikkei Weekly. 23.07.2007

О «ГОЛУБОМ НЕБОСВОДЕ» НАД НИХОНБАСИ

Самыми почитаемыми из японских гравюр на дереве являются, пожалуй, *укиё-э* — «картины быстротекущего мира». Выпускаявшиеся в огромных количествах в промежутке между концом XVII и серединой XIX в., они славили расцвет столичной жизни Эдо — теперешнего Токио. Популярнейшим объектом *укиё-э* был Нихонбаси — мост на полдороге между заливом Эдо и замком того же названия, ставшим впоследствии императорским дворцом. Возможно, самая известная гравюра с изображением знаменитого моста принадлежит Хирогисэ Андо. Нихонбаси был не только «купеческим сердцем» города, пересеченного во всех направлениях водотоками и при населении в миллион с лишним человек демонстрировавшего большую оживленность, чем даже Лондон на полотнах Хогарта. Этот мост представлял собой центр восхитительного района чайных домиков, театров Кабуки и куртизанок. Но, поклонники *укиё-э*, чтобы не приходиться в отчаянье, не совершайте ныне паломничества к Нихонбаси!

Деревянный вариант моста, сооруженный в 1603 г., был заменен на каменный лишь в 1911 г. Он пережил катастрофическое землетрясение 1923 г. (хотя расположенный по соседству рыбный рынок, бывший крупнейшим в мире, перенесли к месту его теперешней дислокации в Цукидзи, что положило начало упадку окрестного района). Пережил он и американскую бомбардировку в ночь на 9 марта 1945 г., в результате которой с лица земли была стерта большая часть остального города. Однако с напором послевоенных городских планировщиков ему не суждено было справиться. В лихорадочной попытке улучшить транспортные условия в столице и избавиться от заторов и пробок к моменту открытия токийских Олимпийских игр 1964 г. закопали большинство водотоков или возвели над ними эстакады.

Над Нихонбаси, от которого в прошлом отсчитывали расстояния до всех точек империи, нависла в настоящее время восьмиполосная магистраль для движения с высокими скоростями. В своем шумевшем докладе «Безобразная Япония» профессор Сигэру Ито, занимающийся проблемами землеустройства в университете Васэда, называет эту архитектурную «комбинацию» величайшим уродством страны. Споры нет, имеется немало других претендентов на это определение — от безвкусных отелей — «любовных гнездышек» до замурованных цементом береговых линий. Не исключено, однако, что нас ждет перелом господствующей тенденции. В 2005 г. тогдашний премьер Дзюньитиро Коидзуми поручил комиссии во главе с господином Ито изучить возможности возвращения «голубого небосвода» над Нихонбаси. В сентябре 2006 г. комиссия представила свой доклад. Она порекомендовала проложить под землей

двухкилометровый отрезок магистрали и создать вдоль реки пространство для обычных форм прибрежной жизни — нечто беспрецедентное в современном Токио. Готовясь к уходу со своего поста, господин Коидзуми заявил, что одобряет план комиссии.

План, безусловно, связан с серьезными строительными проблемами. С одной стороны, район пересекает полдюжины подземных коммуникаций, и магистраль придется проводить в чрезвычайно узком коридоре над ними. С другой стороны, для строительства потребуются внушительная сумма государственных и частных средств. Стоимость только прокладки подземного участка магистрали может обойтись в 400–500 млрд. иен.

До официального одобрения плана могут пройти годы. Но бактерии-борцы с загрязнением реки уже запущены в нее. И фанаты Нихонбаси смело предсказывают, что запланированное возвращение утраченной красоты станет своего рода поворотным пунктом, за которым страна с самыми отвратительными в богатом мире зданиями станет выглядеть менее безобразной.

The Economist. 07.10.2006

КАК БОРОТЬСЯ С УМИРАНИЕМ ДЭЛАТО?

Когда-то японские универмаги являлись символами современности. В 1673 г. старейший из них — «Мицукоси» — ввел радикальное по тем временам новшество — фиксированные цены. В начале XX в. здание главного магазина компании «Мицукоси» было первым в Японии оборудовано системой центрального отопления и эскалаторами. И одним из первых среди крупных торговых заведений страны «Мицукоси» позволил своим клиентам не снимать обувь при входе на его территорию.

Ныне, однако, *дэлато*, как называют в Японии универмаги, выглядят скучными и унылыми. Покупатели предпочитают им специализированные магазины одежды и пассажи. Более того, размеры потребительских расходов не увеличиваются, а численность населения сокращается. На протяжении целого десятилетия суммы продаж, а заодно и прибыли у всех универмагов обнаруживают тенденцию к падению. Инвестиционный банк «Голдман энд Сакс» предсказывает сохранение этой тенденции и в дальнейшем. Низкая производительность и высокие операционные издержки обуславливают ничтожные уровни выручки. К примеру, компания «Мицукоси» регистрирует убыточность на протяжении шести последних лет. Цена земельных участков, на которых стоят ее магазины, считается теперь большей, чем цена самой компании.

Неудивительно, что в подобной обстановке правления компаний «Мицукоси» и «Исэтан», владеющие соответственно четвертой и пятой по размерам сетями универмагов в стране, разработали недавно план слияния, в результате осуществления которого возникнет, как ожидают, крупнейшая в Японии группа розничных торговых предприятий с ежегодной выручкой от продаж в 14 млрд. долл. Представляется, что эта сделка явится для «Мицукоси» средством ознакомления с новыми приемами компании «Исэтан» — меньшей по масштабам

деятельности, чем ее партнер, но зато прибыльной. Со-перники обеих компаний занимаются тем же: «Мацудзакая» и «Даймару», еще две системы универмагов, долж-ны объединиться под названием «Джей Франт Ритейлинг». Новая компания станет вторым в Японии по размеру розничным предприятием вслед за группой «Мицукоси-Исэтан». До конца 2007 г. собирались объе-диниться компании «Ханкю» и «Хансин». Продукт их сли-яния будет именоваться «Эйч 20 Ритейлинг». И еще в 2003 г. в результате слияния компаний «Сэйбу» и «Сого» появилась «Миллениум Ритейлинг».

Слияния открывают перед универмагами возмож-ность укрепления позиций в отношениях с дистрибью-торами. Они также помогают осуществлять все более и более широкую реструктуризацию. Зачастую филиалы универмагов действуют практически автономно, и сли-яния служат удобным оправданием мер по централиза-ции управления. Дэвид Марра из консультационной фирмы «Эй-Ти-Кёрни» отмечает, что благодаря слияни-ям инновационные методы, применяемые наиболее эф-фективно работающими магазинами, могут с легкостью распространяться на всю бизнес-систему.

Многие крупные группы универмагов освободились в последние годы от постоянных работников и набрали вместо них временных, обходящихся им гораздо деше-вле. Тем не менее у них до сих пор слишком много персо-нала, обслуживающего слишком малое количество по-купателей. Производительность труда в универмагах весьма низка — в японской рознице она превышает только соответствующий показатель для семейных ла-вочек. Примерно на 25% она отстает и от уровня, до-стигнутого аналогичными американскими заведениями.

Восприятие универмагами эффективных систем ин-формационных технологий с целью совершенствования логистики и придания гибкости закупочным операциям представляется особенно неудовлетворительным, не-смотря на высокую репутацию корпоративной Японии в части технологического мастерства. Между тем именно быстрое освоение новых технологий объясняет относи-тельно высокую эффективность американской розницы.

Как полагает Кэнтаро Мори из бостонской Консульта-ционной группы, интересы догона конкурентов требуют от японских универмагов инвестиций в информационные технологии, всесторонней реорганизации операций и об-новления физически и морально устаревающих зданий. Все это стоит денег, которых у них не так уж много. Поэто-му слияния — это путь к решительному расширению мас-штабов деятельности и, следовательно, к большей до-ступности средств для капиталовложений.

Далато способствовали распространению в Японии западного консьюмеризма среднего класса. Семейные посещения их по уикендам были не только культурологи-ческими экскурсиями, но и закупочными экспедициями: галереи произведений искусства соседствовали там с ресторанами, предлагавшими заграничные блюда, и полками с экзотическими товарами со всех уголков ми-ра. Но если происходящая сейчас консолидация универ-магов не будет сопровождаться радикальной перестрой-кой, они вскоре сами превратятся в элементы экзотики.

НЕ БОЙТЕСЬ ПООЩРЯТЬ КРИКАМИ ВИЗИТЕРОВ ИЗ ЯПОНИИ!

Театр предоставляет множество способов соблю-дения традиций, и каждый имеет свою цену. Реакционер может цепляться за освященные временем формы, да-же рискуя продемонстрировать бессмысленные движения. Радикал, возвращающийся к основополагающим прин-ципам, может порушить здоровую практику во имя тор-жества аутентичности. И наконец, есть прагматики, ко-торые отказываются принять ту или иную сторону, признавая, что обновление форм живого искусства са-мо по себе также является традицией.

Как обнаружила нью-йоркская аудитория, Кандза-буро Накамура XVIII, который выступал в городе в 2004 г. под своим первоначальным сценическим псевдонимом — Канкуро Накамура V, — не занимает каких-либо укорененных позиций. В свои 52 года он является звез-дой и ветераном «Кабуки-дза» — театра в японской сто-лице, значащей для него столько же, сколько значит Ва-тикан для Римской католической церкви. Но как отпрыск театральной династии, корни которой уходят в XVII в. (цифры, следующие за его фамилией, указывают на место, занимаемое им в непрерывной череде масте-ров), Накамура видит привлекательность Кабуки в хао-тичности его ранних дней, когда само название театра отождествлялось с беспокойством, непривычностью, странностью и новизной. В то время он предлагал пуб-лике грубые, плебейские развлечения и был далек от статуса культурного сокровища. В 2000 г. господин На-камура основал труппу «Хэйсэй Накамура-дза», имея в виду вновь «развести старый костер».

«Пожалуйста, не поймите меня неправильно, — за-явил недавно Кандзабуро через переводчика из То-кио. — Не то чтобы мне не нравился классический Кабу-ки. Я обожаю классику, и она очень важна. Я также не верю, что можно быть актером Кабуки, не овладев клас-сическим мастерством. Мне не хотелось бы устремлять-ся по новым направлениям посредством отрицания классики».

На днях «Хэйсэй Накамура-дза» начинает недельные гастролы в Центре Линкольна. Они откроются единст-венным представлением классической драмы «Рэндзи-си», вариацией на тему «Короля-льва», прославленного Кабуки. С актерами, выступающими в масках, спектакль завершается танцем, который запоминается вихревым кружением грив и сверкающими костюмами и являет собой точную копию дикарского великолепия Кабуки. Хотя традиция настаивает на наличии только одного львенка, по версии Кандзабуро, играющего короля, их двое.

Вслед за «Королем-львом» и до конца гастролей зрителям будет показана пьеса «Хокайбо», редкая коме-дия в репертуаре Кабуки, в которой Кандзабуро играет убийцу и насильника, маскирующегося под священно-служителя.

Ставя себя в довольно-таки опасное положение, Кандзабуро будет произносить многочисленные ремар-ки «в сторону» из «Хокайбо» на английском языке. Его вдохновил на этот шаг молодой афроамериканец, кото-рый, по примеру токийской аудитории, выкрикивал по-

ощрения в адрес актеров на первом представлении спектакля в Японии.

«Я был очень удивлен, — говорит Кандзабуру, — поскольку зал не был оборудован наушниками с английским переводом. Меня взволновало то обстоятельство, что я сумел передать ему нечто, несмотря на отсутствие общего языка. С тех пор я очарован английским. Хокайбо — человек замкнутый. У него нет друзей. Ему не с кем поговорить. Мы подумали, что подача ремарок „в сторону“ на английском установит дружеские связи Хокайбо с аудиторией. Все остальные реплики Хокайбо и прочих действующих лиц будут произноситься на японском с синхронным переводом через бесплатно раздаваемые наушники».

Первые Кандзабуру побывал в Центре Линкольна три года тому назад. Тогда зрителей привлекла сокращенная (трехчасовая) версия спектакля «Летний фестиваль: Зеркало Осаки». Представление в полном объеме продолжалось бы, по нормам Кабуки, целый день. Но вместо того чтобы предложить аудитории сверхизобильное меню из отрывков многих пьес, Кандзабуру решил ограничиться исключительно драматической линией основного сюжета. Тогда он заявил, что подобное делается японскими постановщиками на американских подмостках впервые.

Был построен специальный временный театр, любовно скопированный с образцов далекой эпохи Эдо. После начальных «охов» и «ахов» восхищенной публики большинство ее нашло сидение на согнутых ногах мучительным.

Слишком трудным для понимания ею вызовом оказались и тонкие отношения чести и взаимных обязательств, которыми по истинно византийским лабиринтам направлялось действие. Тем не менее спектакль отличался, если угодно, какой-то раскованно важной поступью, гипнотизировавшей присутствующих. Зрители особенно много говорили потом об убийстве, медленно совершавшемся в болоте с настоящей грязью (обладателям мест в первых рядах раздавали защитные пончо), а также о фантастической погоне по крышам домов миниатюрного городка, сооруженного на сцене. Кульминационным моментом послужило появление команды непобедимых мстителей в виде... представителей Управления нью-йоркской полиции. Какие бы вольности, возможно, ни допустил Кандзабуру по мере развития представления, эта, безусловно, впечаталась в сознание каждого из побывавших на нем. Если среди них и нашлись недовольные пуристы, их голоса потонули в грохоте аплодисментов. Что лишь подчеркивает философские установки Кандзабуру, согласно которым театр Кабуки представляет грубое, популистское искусство, бесконечно далекое от утонченно-абстрактного искусства театра Но — аристократического по своей сущности, искусства для немногих.

Тем людям Запада, которые описывают Кабуки как театр Но для человека с улицы, Кандзабуру отвечает: «У Но история патронажа со стороны власть имущих. А простые люди всегда поддерживали именно Кабуки. Но и Кабуки не имеют ничего общего между собой».

Короче говоря, Кандзабуру думает больше о создании комфортного настроения своих зрителей, чем о пре-

вращении их в тихих и смиренных манекенов, жующих кукурузные хлопья. Возвращаясь к Кабуки времен своего детства, он вспоминает о лавках игрушек в фойе, которые часто посещали родители с детьми. Но, кажется, мало кто осмеливается брать сегодня детишек в Кабуки. Вспоминает Кандзабуру и о том, как толпы стойких поклонников Кабуки направлялись в ресторан на третьем этаже здания за чашкой *саке* и легкой закуской, а затем возвращались в превосходном расположении духа, готовые выкрикивать традиционные приветствия своим любимцам. Дошло ли это до тебя, Нью-Йорк? Не стесняйся!

Нынешние гастроли «Хэйсэй Накамура-дза» будут проходить не в специальном временном театре, который, естественно, демонтировали, а в Зале Эвери Фишера — концертном помещении, лишенном, мягко говоря, какой бы то ни было театральной привлекательности.

К счастью, нашли эксперта для его декорирования. Юитиро Канаи, исполнительный вице-президент токийской фирмы «Канаи син шоп», создал настоящую сцену Кабуки, оборудованную раскрашенным просцениумом и неперменной *ханамити*, «дорогой цветов», которая берет начало в зрительном зале и создает для актеров великолепные возможности для церемониального появления, изысканных пируэтов и демонстрации моментов высших эмоций (*миэ*), когда герой стоит словно замороженный со сведенными к переносице глазами. Сиденья из зала убраны. Убийство и последующий танец призрака жертвы потребовали устройства тайной западни и тоннеля, слабо освещенного голубыми лампами.

Господин Канаи говорит: «Мы были обязаны воссоздать идеальное пространство, насыщенное нашими концепциями, знаниями, техническими приемами и опытом, с тем чтобы гармонизировать три главных элемента представления — актеров, аудиторию и место действия».

Хотя подготовка к преображению зала длилась гораздо больше года, господину Канаи она не показалась сколько-нибудь необычной: «В моей практике были случаи, когда пространство для временного театра создавалось, как говорится, в чистом поле, когда его устраивали на месте спортивной арены. Превращение в такое пространство концертного зала не является для меня чем-то неведомым»...

Помимо создания более комфортной для зрителей обстановки, чем в 2004 г., Кандзабуру подготовил и другие усовершенствования. Во время прошлых гастролов в наушники передавалось лишь содержание происходящего на сцене. Кандзабуру нашел это «недостойным для представляемой пьесы». На сей раз актер будет зачитывать диалог, «стремясь доносить до аудитории живой английский язык».

По правде говоря, в аналогичной помощи нуждается и большинство японских театралов. Язык Кабуки настолько далек от современной речи, что и им приходится обращаться к синхронному переводу, идущему через наушники. Может случиться и так, что в следующий раз, в Японии, Кандзабуру захочется произносить ремарки «в сторону» из «Хокайбо» на местном диалекте, как то он делает в Нью-Йорке.

В конце концов, кто носил наушники в старом Эдо?

М. Гуревич
The New York Times. 15.07.2007

ЯПОНИЯ ОСВАИВАЕТ ОБЯЗАННОСТИ ПРИСЯЖНЫХ

Двухдневный инсценированный процесс чаще всего напоминал университетский семинар с тремя судьями, выступавшими в роли профессоров, и шестью присяжными, пребывавшими на положении студентов-первокурсников. Сидя в явном напряжении вокруг овального стола, они обсуждали вопрос о том, намеревался ли ответчик убить водителя такси в ходе непрофессионально спланированного ограбления.

Япония готовится принять в своих судах систему присяжных заседателей не позднее 2009 г. Этот шаг явится наиболее значимым изменением в уголовном законодательстве страны со времен послевоенной американской оккупации. Но для того чтобы система заработала, японцы должны прежде всего преодолеть некоторые глубоко укорененные препятствия культурного свойства: нежелание выражать мнение на публике, спорить друг с другом и ставить под сомнение действия властей.

Ради завоевания на свою сторону скептически настроенной общественности японские суды провели по стране 500 инсценированных процессов. Шесть из них состоялись в Нагано, где в 1998 г. прошли зимние Олимпийские игры. И вот, судя по итогам опросов, 80% респондентов относятся к предстоящим переменам отрицательно и не хотят служить присяжными. Нежелание это однозначно продемонстрировали исполнители роли присяжных заседателей на упомянутом выше процессе.

Они предпочитали обращаться с вопросами к судьям. Они ни разу не вступили в дискуссию друг с другом. Судьям приходилось чуть ли не силой выпытывать у них те или иные мнения, и зачастую мнения эти тонули в безграничной неопределенности японского языка. Когда молчание затягивалось и судья готовился обратиться непосредственно к какому-нибудь присяжному, напряжение в комнате заметно усиливалось, словно тот был студентом, не выучившим урока.

«Думаю, есть смысл рассмотреть вопрос о степени раскаяния ответчика, — заявил один из судей. — Раскался ли он искренне, глубоко или поверхностно? Какова же эта степень? Мне кажется, кто-то может даже посчитать, что раскаяния не было вовсе».

Надеясь на реакцию присяжного, судья прождал 14 секунд и спросил: «Что вы думаете?» Прошло еще 9 секунд. «Есть ли у кого-либо какие-нибудь мнения?»

Еще через 6 секунд одна из женщин-присяжных спросила, приведет ли раскаяние к сокращению срока в обвинительном приговоре. «Ответчику плохо удается выражать свои мысли, — добавила она, — поэтому у нас нет возможности определить степень его раскаяния».

Когда инсценированный процесс закончился, выяснилось, что лишь один присяжный выразил желание слушать тактовым. По словам остальных, даже инсцениро-

ванный процесс обернулся для них нестерпимым стрессом, тяжелым моральным бременем. В соответствии с предлагаемой системой наудачу отобранные граждане будут сидеть на скамьях рядом с судьями, решать совместно исход разбирательства и выносить приговоры. Сторонники системы предсказывают, что прямое участие простых граждан в юридическом процессе будет иметь далеко идущие последствия для японской демократии.

Роберт Прехт, американский адвокат и содиректор Программы присяжных и демократии в Центре Морин и Майка Мэнсфилдов при Монтанском университете, провел серию бесед о системе присяжных в США с японскими судьями, прокурорами, защитниками и рядовыми гражданами. С его точки зрения, главной и труднейшей задачей является изменение позиции общественности, привыкшей к пассивному следованию указаниям вышестоящих.

«Операция начнется в мае 2009 г., — говорит господин Прехт, — и, по-моему, на следующий год люди по-настоящему запаникуют, ибо окажутся перед лицом реальной возможности получить повестку, оказаться в чрезвычайно странной для них обстановке, говорить в присутствии представителей власти и выражать в ответ на вопросы свои собственные мнения».

Имея в виду эти тревожащие обстоятельства, некоторые японцы пытаются обучать своих соотечественников искусству аргументирования. В городе Хитатиота, расположенном в двух часах езды от Токио и окруженном рисовыми полями, местная театральная труппа решила поставить пьесу, в которой был бы представлен драматический опыт работы коллегии присяжных заседателей. Не обнаружив ничего подходящего в японской литературе, 73-летняя руководительница труппы Фусако Кимура остановилась на «Двенадцати рассерженных мужчинах».

Госпожа Кимура энергично поддерживает новую систему. «Но на самом деле, — признает она, — я сомневаюсь: смогут ли японцы действительно выражать вслух то, во что верят, смогут ли высказывать свои мнения? До сих пор, — добавляет Фусако, — мы ценим гармонию». И напоминая о хайку величайшего японского поэта Басё, она заключает: «В Японии молчание считается добродетелью».

Согласно положениям новой системы, судьи и присяжные, наделенные одним голосом каждый, будут решать исход дел простым большинством. Присяжные смогут задавать вопросы в зале суда и благодаря своей численности отклонять предложения судей. Даже если все три судьи вынесут решение о виновности подсудимого по делу, вердикту о его невиновности, достигнутому по крайней мере пятью присяжными, будет отдано предпочтение. Единственное исключение касается решения о виновности подсудимого: даже при признании его виновным всеми шестью присяжными их решение не будет считаться принятым, если хотя бы один из трех судей не поддержит их вердикт.

Судья Томинао Онидзава, который является генеральным советником Верховного суда и принимает участие в общенациональной кампании по разъяснению сущности новой системы, утверждает, что она соответ-

стует переменам более широкого масштаба, направленным на дерегулирование индустрии и размораживание творческого потенциала Японии.

Он говорит: «Действительно, место бездумного „прогибания“ перед властью должны занять свободное проявление способностей каждого индивида и высвобождение его творческой энергии. Другими словами, надо думать самостоятельно и строить обновленную Японию».

По мнению Онидзавы, судьи должны нести ответственность за создание в ходе судебного разбирательства атмосферы, благоприятствующей дебатам. Он признает, что чисто японский инстинкт преклонения перед властью, известной как *оками*, т.е. «находящейся наверху», затруднит присяжным проявление несогласия с облеченными в черные мантии судьями.

«Глупо отрицать, — говорит судья Онидзава, — что всесторонняя подчиненность является чертой национального характера, но, на мой взгляд, положение постепенно изменится».

Однако противники новой системы указывают, что перемены маловероятны, поскольку судьи будут подавлять присяжных. Многие предпочли бы систему присяжных американского образца, в рамках которой не жалующие споры японцы были бы отделены от судей.

Как заявляют критики, судьи будут руководить дебатами, решая, какие именно вопросы подлежат обсуждению, а присяжные будут зависеть от судей при вынесении приговора ввиду недостаточного знания ими уголовного кодекса. Более того, новая система не затронет ряда фундаментальных проблем японской юриспруденции: чрезмерной опоры властей на признание подсудимых (иногда вынужденное), отсутствия обязанности представления документов, позволяющей обвинению утаивать информацию, и общей презумпции виновности, оборачивающейся 99,8% обвинительных приговоров в уголовных делах.

Многие противники новой системы, с подозрением относящиеся к ведущей роли деловой и политической

элит страны в кампании по ее внедрению, уверяют, что присяжным отводится функция фиговых листков, предназначенных для сокрытия серьезных проблем. Адвокат Сюнкити Такаяма, возглавляющий движение против новой системы, отмечает: «Присяжным уготована роль пустых украшений».

В американской системе, настаивает господин Такаяма, присяжные заседатели представляют народ, выступающий в суде против государства, которое должно доказывать вину ответчика. Если же присяжные кооптируются государством, налицо, по его мнению, «чистое проявление власти государства».

В Нагано многие присяжные заявляли, что они просто не ведают, как себя вести. Находясь сбоку от трех судей, сидевших на одной скамье, некоторые из присяжных копировали их выражения и тон при обращении к ответчику. В конце концов пять присяжных и двое судей проголосовали за пожизненное заключение, а один присяжный и один судья — за более мягкий приговор.

Хироюки Окамото, главный прокурор на инсценированном процессе, заявил, что в длительной перспективе присутствие присяжных, вероятно, окажет влияние на взгляды обвинителей и судей, включая их отношение к надлежащим приговорам.

Во время обсуждения приговора один присяжный спросил о реабилитационных программах в тюрьмах. Главный защитник Хирофуми Аоки отметил, что этот вопрос словно бы открыл многообещающие перспективы: «Обычно эта тема не поднимается в судах, поскольку в японских тюрьмах такие программы — большая редкость. Японская система носит в основном карательный характер. Практическое отсутствие реабилитационных программ в таких условиях выглядит вполне логичным. Но поставленный присяжным вопрос мог повернуть разговор к обсуждению полезности таких программ».

Н. Ониси

Нихон кэйдай симбун. 16.07.2007